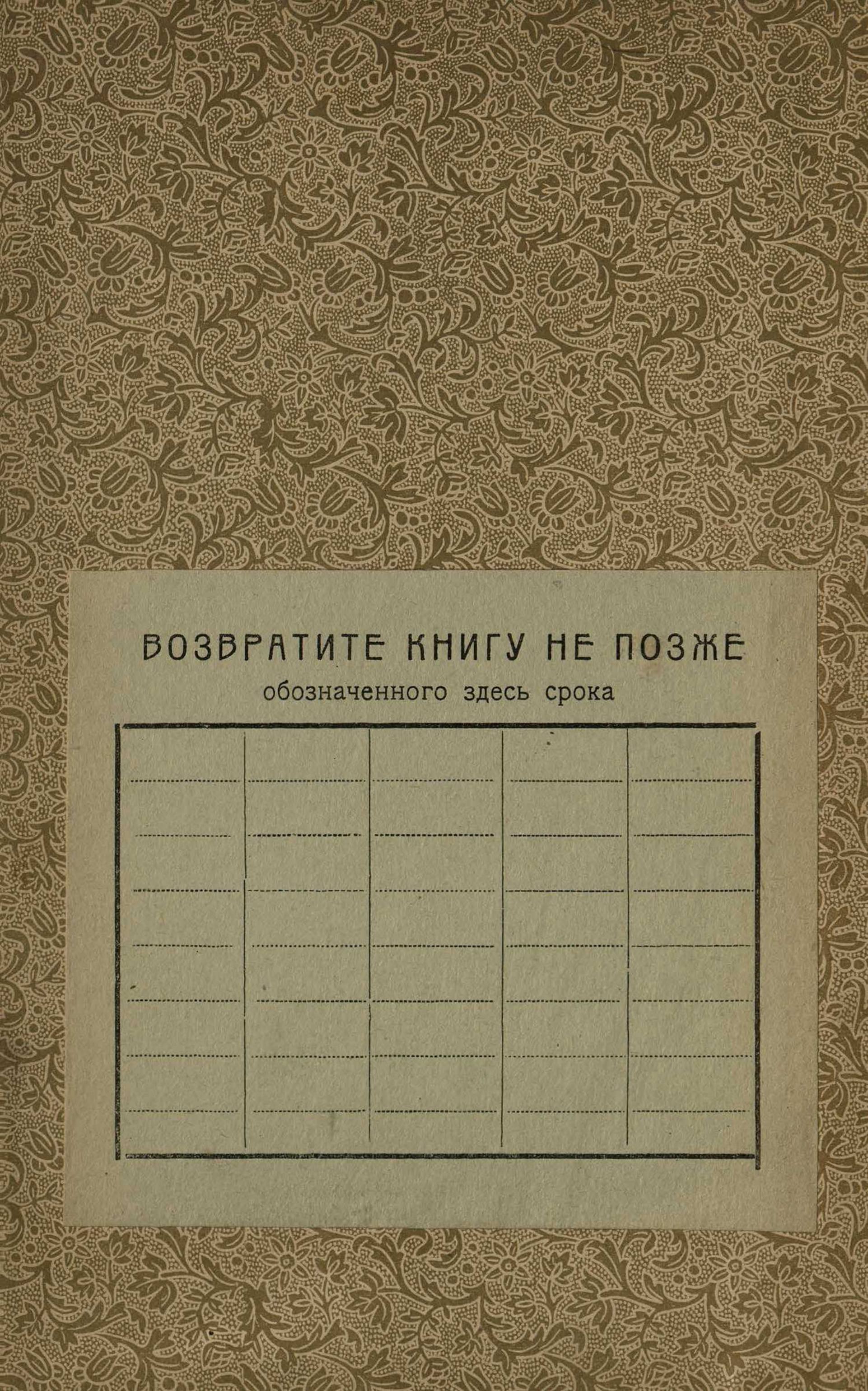
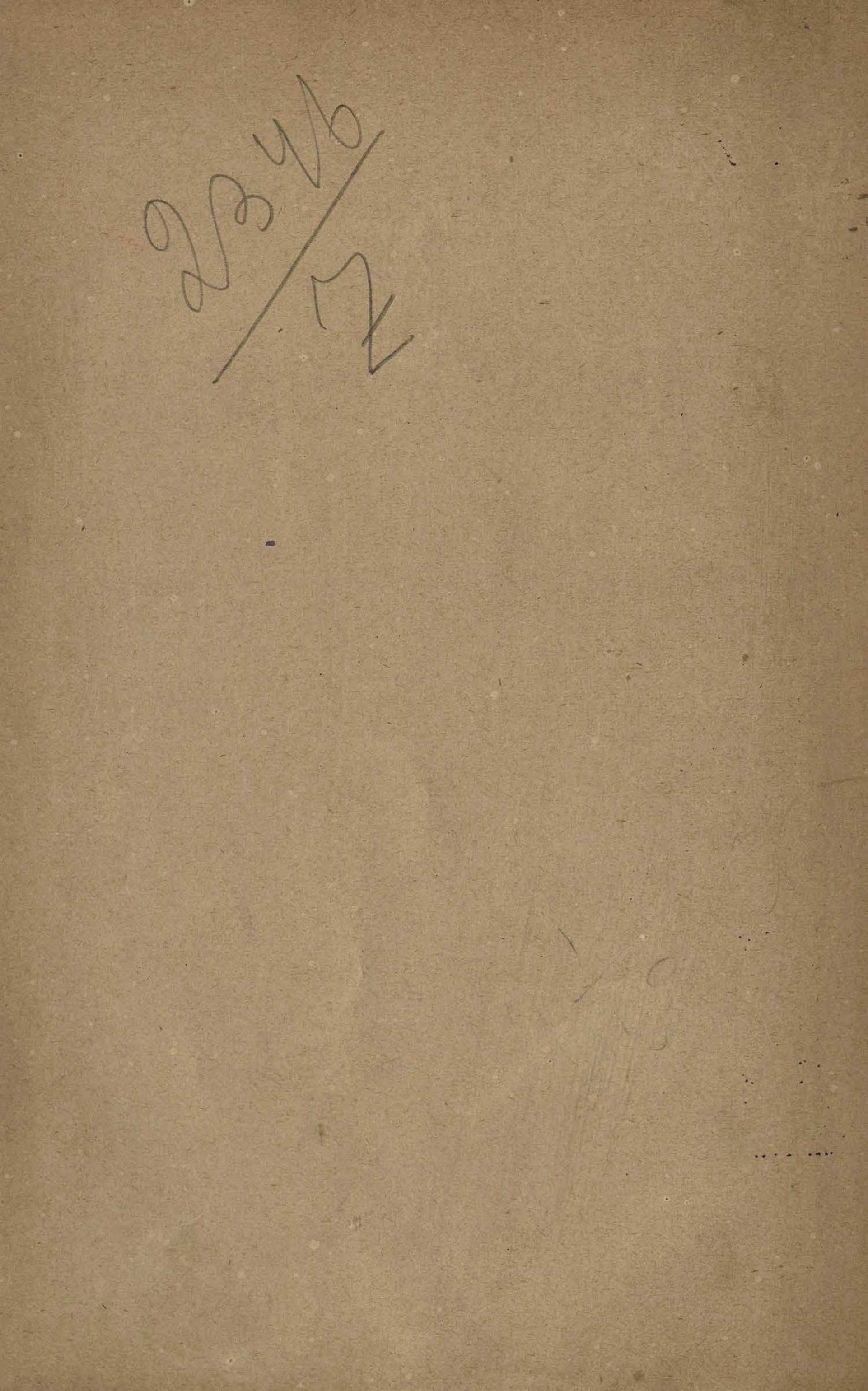
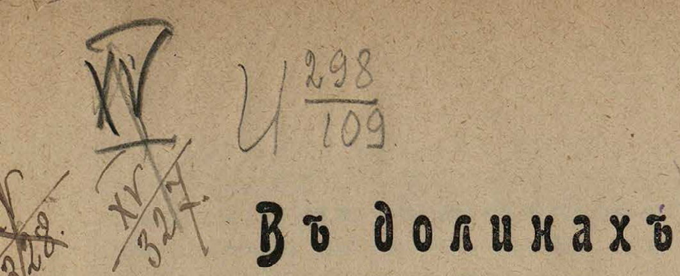

U 298/109
055.48
P. 80.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

355.48
Г.80

Въ долинахъ и на высяхъ Болгаріи.

Съ приложеніемъ записки Генералъ-Маіора М. Д. Скобелева Есаулу 30-го Казачьяго полка А. Грузинову.

Воспоминанія бывшаго командира № 30-го Донскаго казачьяго полка

М. ГРЕКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, 136.
1900.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ. 8 Марта 1900 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
254-45

2007335187

АБЫ не ввести читателей въ заблужденіе, нахожу не лишнимъ предупредить, что эти Воспоминанія были написаны мною для самого себя, но по совѣту одного моего добраго боеваго товарища, я рѣшился ихъ напечатать въ надеждѣ, что современемъ и они, быть можетъ, пригодятся въ смыслѣ нѣкоторой иллюстраціи въ массѣ серьезнаго матеріала для будущаго историка войны 1877—78 годовъ. Поэтому заранѣе прошу снисхожденія къ литературной, то есть стилистической сторонѣ моихъ Записокъ.

Все, о чемъ мнѣ теперь предстоитъ вести рѣчь, записывалось въ свое время кое-какъ, на скорую руку или верхомъ на конѣ, или на бивуакѣ, на мохнатой буркѣ, лежа на животѣ послѣ утомительнаго перехода или сраженія.

Но прежде чѣмъ начать разсказъ о моемъ боевомъ времени, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о своемъ прошломъ.

Съ 1869 года, будучи въ отставкѣ, я проживалъ въ своемъ помѣстьѣ на Дону, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, но и за это время не переставалъ любить военную службу. Бывало вечеромъ, усталый отъ дневныхъ хозяйственныхъ трудовъ, сидишь себѣ въ своемъ деревенскомъ кабинетѣ; задумавшись, посмотришь на стѣну, гдѣ висятъ портретныя группы всѣхъ моихъ полковыхъ и школьныхъ товарищей, и сильно подъ часъ взгрустнется о прежней полковой жизни. А на утро, какъ и вчера, опять все та же толкотня съ рабочими, изъ которой ничего не выходитъ.

Таковое состояніе мое продолжалось до ноября мѣсяца 1876 года, когда я пріѣхалъ въ станицу Каменскую, проводить своего стараго добраго товарища, полковника Д. И.

Орлова, который выступалъ съ казачьимъ № 30-го полкомъ въ дѣйствующую армію. Я пріѣхалъ къ самой посадкѣ полка въ вагонъ. Тутъ сразу сказалась мнѣ былая, знакомая жизнь всею своею привлекательною, заманчивою стороной. И напало на меня грустное раздумье: отчего я не вмѣстѣ съ ними? Вѣроятно оно достаточно ясно отразилось и на моемъ лицѣ, потому что было замѣчено отъѣзжающими друзьями.

— Что ты такой грустный? — обратился ко мнѣ Орловъ.— Да и чего ты сидишь въ деревнѣ? Снимай-ка свое штатское платье, да надѣвай мундиръ.

Подошелъ добрый дѣдушка Кудинцовъ, бывшій въ лейбъ-казачьемъ полку вахмистромъ эскадрона Его Величества во время моего командованія этимъ эскадрономъ. Подошелъ онъ тоже съ душевнымъ совѣтомъ идти. Приступилъ съ такою же просьбой милый Леля Поздѣевъ, всегда живой и веселый. При всѣхъ этихъ сманиваніяхъ и совѣтахъ во мнѣ началась борьба: и идти-то хочется, да и семью-то жаль— старую мать, жену съ маленькими дѣтьми... Но все-таки отвѣтилъ я друзьямъ, что поѣду посовѣтуюсь съ семьей,— она тогда въ Новочеркаскѣ жила,—и если рѣшусь, то буду телеграфировать Орлову. На томъ и порѣшили.

По пріѣздѣ въ Новочеркаскъ, когда я сказалъ женѣ о своемъ желаніи,—разумѣется слезы; но послѣ долгихъ убѣжденій она согласилась, что лучше идти, и взяла на себя трудъ вести безъ меня наше хозяйство.

Подалъ я надлежащимъ образомъ прошеніе на Высочайшее имя и телеграфирую къ Орлову, прося его похлопотать о зачисленіи меня въ его 30-й Донской полкъ. Просьбу мою онъ доложилъ въ Кишиневѣ Великому Князю Главнокомандующему, на что и было получено милостивое его согласіе, и такъ какъ Его Высочество зналъ меня лично, то и приказалъ послать телеграмму наказному атаману съ выраженіемъ своего соизволенія на зачисленіе меня въ полкъ № 30-го.

Долго длилось мое опредѣленіе на службу; все у меня было уже готово къ походу: и лошади, и обмундировка, а ожиданіе безъ дѣла ужасно томительно. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся Высочайшій приказъ, и въ первыхъ числахъ апрѣля я выѣхалъ въ дѣйствующую армію.

По пріѣздѣ въ Кишиневъ я явился къ походному атаману генералъ-лейтенанту Ѳомину, который меня встрѣтилъ очень радушно и далъ указаніе какъ и куда отправиться въ полкъ № 30, стоявшій въ то время въ деревнѣ Дизгонджи, приказавъ мнѣ предварительно отправленія въ полкъ явиться къ Главнокомандующему.

На другой день я поѣхалъ представиться Великому Князю Главнокомандующему и былъ весьма милостиво принятъ и обласканъ Его Высочествомъ, соизволившимъ вспомнить при разговорѣ со мной мою прежнюю службу.

Откланявшись Его Высочеству, я въ тотъ же день собрался въ дорогу. Погода была отвратительная, дождь лилъ ливмя, грязь невылазная. Къ счастію, казакамъ было разрѣшено носить бурки; поэтому я поспѣшилъ купить себѣ эту въ высшей степени практичную верхнюю одежду. Совсѣмъ уже собрался было я садиться въ перекладную бричку, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ молоденькій офицеръ въ кубанской казачьей формѣ и рекомендуется: „хорунжій Кубанскаго полка Мѣняевъ, въ одной съ вами дивизіи; тоже ѣду въ полкъ“; пріѣзжалъ зачѣмъ-то въ Кишиневъ—не помню; „намъ ѣхать по дорогѣ. Ѣдемте вмѣстѣ“. Я очень обрадовался, тѣмъ болѣе, что онъ въ этихъ мѣстахъ уже успѣлъ освоиться и съ жизнію, и со службой, все знаетъ. Это оказался прекраснѣйшій молодой человѣкъ, съ воинственною осанкой, живой, говорунъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ былъ раненъ при взятіи Ловчи.

Несмотря на отвратительную дорогу, мы доѣхали до штаба дивизіи въ селеніи Гура-Галбина вполнѣ благополучно. Тутъ явился я къ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту Дмитрію Ивановичу Скобелеву 1-му, и затѣмъ продолжалъ свое путешествіе къ полку уже съ сотникомъ нашего 30-го полка Василіемъ Васильевичемъ Кудинцовымъ, который всю дорогу знакомилъ меня съ характеромъ и отношеніями предстоящей мнѣ службы. Но вотъ наконецъ и конечная цѣль моего путешествія, селеніе Дизгонджи. Деревня эта, какъ и всѣ бессарабскія деревни, раскинулась и разбросалась своими мазанками-хатками безъ всякой симетричности; вьющаяся топкая рѣченка дѣлитъ ее на двѣ половины; по срединѣ селенія возвышается каменная церковь;

поселяне живутъ довольно зажиточно. Бессарабскія деревни своею разбросанностью напоминаютъ мнѣ наши казачьи хутора. У казаковъ страсть строить дома другъ отъ друга подальше, что, впрочемъ, безопасно на случай пожара.

Только что мы въѣхали въ деревню, какъ вотъ и квартира моего полковаго командира Д. И. Орлова, которую указалъ мнѣ В. В. Кудинцовъ, да глядь—и самъ Орловъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Дружески обнялъ онъ меня и потащилъ къ себѣ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ для всѣхъ офицеровъ, которые вскорѣ начали сюда сходиться къ обѣду. Съ тѣми изъ нихъ, кого не знавалъ я прежде, тотчасъ же познакомился, какъ новый ихъ товарищъ, и большая часть изъ нихъ обошлась со мною ласково, въ особенности молодежь, а нѣкоторые пытливо разсматривали меня. Орловъ тутъ же приказалъ мнѣ принять 4-ю сотню знаменную, и пригласилъ занять квартиру совмѣстно съ нимъ, да и на будущее время всегда становиться съ нимъ же, за что я ему былъ очень благодаренъ.

Не успѣли офицеры разойтись, какъ пріѣхалъ казакъ отъ начальника нашей дивизіи съ приказаніемъ Орлову явиться немедленно. Велѣно было сѣдлать лошадь, и не больше какъ чрезъ четверть часа Орловъ уже поскакалъ. 11-го апрѣля онъ возвратился и объявилъ намъ, что завтра выступать къ границѣ. На утро, 12-го апрѣля, раздались звуки генералъ-марша, сыграннаго цѣлымъ хоромъ нашихъ музыкантовъ. Какъ-то жутко почувствовалъ себя каждый и съ усердіемъ прочелъ молитву и, садясь въ сѣдло, съ любовью похлопалъ своего будущаго неразлучнаго боеваго товарища-коня. Что-то будетъ, кому-то придется вернуться!.. Весь полкъ собрался за деревней въ ожиданіи полковаго командира. Вотъ и онъ тихо ѣдетъ по фронту, здоровается съ каждой сотней и поздравляетъ съ походомъ за границу. Раздалась команда: „полкъ направо, пѣсенники впередъ“! и мы тронулись на деревню Ченакъ, гдѣ предстояло соединиться съ Кавказскою бригадой, при коей находился и самъ начальникъ дивизіи. При выѣздѣ изъ этой послѣдней деревни на полугорьѣ уже ожидало насъ духовенство съ образами, чтобъ отслужить намъ напутственный молебенъ; но Кубанцы немного опоздали, такъ что намъ пришлось здѣсь

нѣсколько подождать; но вотъ кто-то крикнулъ „ѣдутъ", и на противоположномъ склонѣ горы мы увидѣли небольшую кучку всадниковъ, впереди которой просторнымъ шагомъ, на буланомъ кабардинцѣ, ѣхалъ почтенный Д. И. Скобелевъ 1-й въ своей боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ щегольской черкескѣ. За нимъ слѣдовалъ командиръ Кавказской бригады полковникъ Тутолминъ (нынѣ генералъ-майоръ и георгіевскій кавалеръ), всегда привѣтливый, любезный и неистощимо занимательный какъ въ серьезной, такъ и веселой бесѣдѣ. Иванъ Ѳедоровичъ Тутолминъ съ первыхъ же дней своего назначенія на его должность пріобрѣлъ себѣ общую нашу симпатію и уваженіе. Неоднократно, бывало, на походѣ выискивалъ я случая къ нему подъѣхать и поговорить, а больше послушать его разговоръ, въ которомъ нерѣдко проявлялись его разнообразныя и основательныя познанія. За передовою группой всадниковъ показалась голова колонны и, наконецъ, какъ змѣя, вся колонна потянулась по спуску внизъ къ ручью. Изрѣдка какой-нибудь джигитъ отдѣлится отъ своей сотни, проскачетъ въ сторону шаговъ десять, быстро осадитъ коня—и назадъ, къ фронту, причемъ, разумѣется, два-три раза хлопнетъ плетью по лошади, какъ бы въ наказаніе, зачѣмъ-де досадливый конь спотыкается,—и безъ того неловко сидѣть на навьюченномъ сѣдлѣ; позади колонны слѣдовали двухколесныя арбы весьма своеобразнаго устройства—это ихъ обозъ. Съ правой стороны отъ насъ выплывало изъ-за холмовъ великолѣпное весеннее солнце; оно и грѣло, и радовало какъ бы въ прощальный привѣтъ съ родиной. Какъ только Кавказцы подошли къ намъ, ихъ построили глаголемъ, и началось молебствіе, при коемъ хоръ пѣвчихъ составился изъ пяти-шести офицеровъ нашего полка. Благословляя полки крестомъ, священникъ пошелъ по рядамъ и окропилъ святою водой всадниковъ. Затѣмъ дивизія тронулась въ дальнѣйшую дорогу.

Сразу были высланы боковые дозоры, хотя мы и не переступали еще границу. По моему мнѣнію, такъ слѣдуетъ дѣлать всегда, чтобы пріучить людей и начальниковъ къ осторожности и чуткой внимательности. Высылка боковыхъ разъѣздовъ сейчасъ же сама-собой дала почувствовать каждому изъ насъ, что къ этому походу слѣдуетъ относиться

болѣе серьезно. Это уже, думалось, не обыкновенное передвиженіе съ однѣхъ квартиръ на другія.

— Не хочешь ли, Грековъ, закусить?—слышу сзади голосъ моего товарища, полковника Сергѣя Васильевича Иловайскаго.

— Не откажусь!

Изъ сѣдельныхъ кабуръ, никогда не бывавшихъ пустыми у хлѣбосола Иловайскаго, вытаскивается водка и закуска, а этотъ глотокъ водки и кусокъ колбасы съ хлѣбомъ бываетъ въ походѣ особенно вкусенъ и куда какъ пріятенъ! По дорогѣ къ намъ присоединилась казачья № 1-го Донская батарея съ лихимъ своимъ командиромъ, маіоромъ Костинымъ.

Вотъ и пограничный кордонъ, предстоящій намъ въ видѣ двухъ или трехъ каменныхъ и довольно чистенькихъ снаружи сараевъ. Здѣсь выѣхалъ на встрѣчу офицеръ пограничной стражи въ полной формѣ, чтобы пропустить отрядъ и явиться къ генералу. Вотъ и самая граница, идущая вдоль по руслу балки, и у самой межи форменная будка, возлѣ которой стоялъ часовой, взявшій ружье на караулъ при приближеніи головы отряда. Скобелевъ съ адъютантами и ординарцами, переѣхавъ границу, остановился и пропустилъ весь отрядъ, причемъ пожелалъ ему съ честью отслужить службу и благополучно опять перейти границу обратно. Громкое ура огласило пустынную мѣстность. Казаки, по своему отъ предковъ переходящему обычаю, встали съ лошадей, помолились на востокъ, поцѣловали землю и взяли по горсти ея въ тряпицы, которыя повѣсили себѣ на грудь вмѣстѣ съ крестомъ и образомъ, — это, говорятъ, когда убьютъ или умрешь, то эту самую землю слѣдуетъ бросить въ могилу, потому своя, родная она.

И вотъ, перейдя границу, начали мы то и дѣло перегонять нескончаемые полковые обозы пѣхоты и понтонные парки, которые, несмотря на свои великолѣпныя лошади, представляли грустное зрѣлища вслѣдствіе ужасной грязи и глинистаго грунта. Тяжелыя и понтонныя повозки сидѣли въ густой и липкой кашѣ по самыя колесныя ступки; люди выбивались изъ силъ, хлопоча около нихъ, кричали и немилосердно стегали лошадей, ради того, чтобы подвинуться на

нѣсколько шаговъ впередъ и опять завязнуть на неопредѣленное время, а нѣкоторые солдатики расположились даже какую-то похлебку себѣ варить въ ожиданіи посланнаго въ ближайшую деревню за волами. Невольно думалось, что такая же участь постигнетъ и нашъ обозъ; и что мы тогда будемъ дѣлать на ночлегѣ безъ своихъ чемодановъ? Но для людей бывалыхъ эти опасенія за чемоданы доказывали только, что мы совсѣмъ еще новички и вовсе не знакомы съ настоящею, „заправскою“ боевою жизнью: впослѣдствіи частенько приходилось лежать въ грязи по цѣлымъ ночамъ, даже и не помышляя о чемонадахъ.

Впереди открывались вдали синеватыя горы, говорятъ, Карпаты. Выбравшись на возвышенность, мы увидѣли и мѣстечко Леово, на половину жидовское, на половину румынское. Когда подъѣхали ближе, насъ встрѣтилъ квартирьеръ, сотникъ Кудинцовъ, и передалъ, что румыны квартиръ не даютъ, и весь отрядъ станетъ бивуакомъ за мѣстечкомъ. Погода хорошая, палатки есть; стоять ничего себѣ. Но къ вечеру начало заволакивать небо клочковатыми тучами, а ночью хлынулъ дождь, да такой сильный, что въ палаткѣ Орлова, гдѣ спалъ и я, оказалась цѣлая лужа. На насъ было мокро все до послѣдней нитки, и такая-то погода продолжалась два дня, пока мы стояли въ Леово. Лошади сгорбились, съежились, трясутся.

Но вотъ говорятъ, что на утро дальнѣйшій походъ. Слава Богу, все лучше идти, нежели стоять подъ дождемъ. Кубанская бригада пошла въ авангардѣ; прошли двѣнадцать верстъ; кто-то изъ бывшихъ впереди сказалъ, что до переправы черезъ Прутъ предстоитъ переправиться черезъ притокъ Прута, въ которомъ вода теперь очень высока. И дѣйствительно, когда подошли поближе, нашимъ глазамъ представилась непривлекательная картина: раздѣтые до сорочки артиллеристы помогали лошадямъ вытаскивать орудія изъ страшной тины. Но когда началъ переѣзжать нашъ обозъ, то наши до того уже усердно старались помогать лошадямъ своимъ крикомъ, что многіе не на шутку поохрипли и даже лишились голоса. И какъ досадно: какая-нибудь повозка дотащится до средины рѣчки—и стала. Пытаются повернуть ее то правѣе, то лѣвѣе; смотри—хрясть дышло: нужно раздѣ-

ваться и лѣзть въ воду починять поломку. Но несмотря на всѣ подобныя препятствія, нашъ отрядъ къ двумъ часамъ дня переправился. А впереди предстоитъ еще одна переправа черезъ Прутъ по лугамъ, залитымъ весенней водой. Но эту послѣднюю переправу мы преодолѣли, говоря относительно, еще довольно легко; затрудненіе встрѣтилось только въ томъ, что на переправѣ у Фальчи находился единственный несчастный паромишка, такъ что полкъ переправлялся на немъ всю ночь, и стало быть, всю ночь не пришлось заснуть ни одному человѣку. Едва лишь къ десяти часамъ утра удалось намъ окончить эту переправу, послѣ чего дали намъ трехчасовой отдыхъ и затѣмъ двинули далѣе. Тутъ-то мы впервые познакомились близко съ офицерами Кубанскаго полка, которые позвали меня къ себѣ обѣдать. Подхожу къ ихъ бивуаку и слышу великолѣпный хоръ пѣсенниковъ, съ большимъ барабаномъ, и два офицера стоятъ въ кружкѣ; оказалось, что потому-то и стройно поютъ, что эти офицеры сами запѣваютъ и управляютъ хоромъ. „Иды сюда обидать"! слышу раздающійся изъ палатки голосъ командира Кубанскаго полка Кухаренко, извѣстнаго по своей кавказской боевой службѣ. Чистый хохолъ и говоритъ на своемъ родномъ нарѣчіи: милая личность. „Що-жъ гарно мои спиваютъ"? Я похвалилъ, потому что нельзя но похвалить,—они хорошо пѣли. Занялись разговоромъ; каждый разсказывалъ вчерашніе случаи при переправѣ. Вдругъ слышимъ трубачъ трубитъ „слушай" и сборъ. Не хотѣлось уходить отъ хорошей компаніи; но сегодня я дежурный, а слѣдовательно мнѣ нужно быть первому готовымъ. Пока дошелъ я до своего бивуака, мой слуга, хохолъ Карпо, держалъ уже бураго Турчина; тутъ я еще въ первый разъ садился на него; конь оказался очень кроткій и весьма сильный. Вотъ и начальникъ отряда ѣдетъ со штабомъ; поздоровавшись съ полками, онъ поѣхалъ впередъ, за нимъ пошли наши казаки, такъ какъ на сей день была очередь нашему полку идти въ авангардѣ. Здѣсь уже другія мѣста. Мы шли по какой-то волнистой мѣстности; съ лѣвой стороны долина Прута, а даль—синяя, синяя. По неизвѣстной мѣстности, безъ проводника, мы сбились съ дороги, но сейчасъ же казаки, посланные къ румынскимъ поселянамъ, работавшимъ близь дороги, узнали куда повернула

наша дорга. Вотъ уже и сумерки, а ночлега нашего все нѣтъ какъ нѣтъ. Я, какъ дежурный по отряду, поскакалъ съ казакомъ впередъ, развѣдать на этотъ счетъ что-нибудь опредѣленное. Темная, сѣрая весенняя ночь въ безмолвной мѣстности; только раздается топотъ копытъ нашихъ двухъ коней. Турчинъ заводилъ ушами и заржалъ. „Кто ѣдетъ“? окликнули насъ. „Казаки“, былъ нашъ отвѣтъ. „А кто спрашиваетъ“?—„Казаки“.—„Вы что здѣсь дѣлаете“? Они, вѣроятно, узнали меня по голосу. „Мы, значится, ваше высокоблагородіе, квартирьеры, и насъ послалъ ихъ благородіе на дорогѣ стоять, чтобъ отрядъ не прошелъ. Деревня въ сторонѣ и до нея еще двѣ версты“. Пока я съ ними говорилъ, подошелъ и отрядъ. Генералъ Скобелевъ спрашиваетъ гдѣ бивуакъ. „Еще двѣ версты въ сторону“, поспѣшилъ я его успокоить. Старикъ махнулъ на своего коня-кабардинца и поѣхалъ за мной; но видно было, что онъ сильно усталъ, да и было отъ чего: если не считать привала, мы въ этотъ день сдѣлали 65 верстъ. Ночью все кажется фантастичнымъ, громаднымъ, почти ужаснымъ; когда мы стали спускаться къ деревнѣ, гдѣ наши заняли бивуакъ, намъ показалось, что мы валимся въ какую-то бездонную пропасть. Но вотъ появились огоньки въ окнахъ. Это была деревня Водени. На квартирахъ стали только отрядный, бригадный и полковые, а мы всѣ бивуакомъ. „Хоть бы чаю согрѣть, дѣдушка“! „Пошли за водой“, отвѣчалъ Кудинцовъ.—„Б-р-р-р! Я бы съ удовольствіемъ теперь напился горячаго чаю“, отозвался кто-то изъ-подъ бурки.—„А-а! Это ты, Поздѣевъ“?—„Я.... и озябъ, и усталъ,—все время конь горячился.“

— Дежурнаго по отряду къ командиру полка!—крикнули на бивуакѣ.

Прихожу. Тепленькій домикъ, на столѣ вареныя яйца, самоваръ и бутылка коньяку. Сидятъ Орловъ и Кухаренко. Въ одно слово: „садись, ѣшь и пей“, пригласили они меня. Я поблагодарилъ, усѣлся и съ аппетитомъ закусилъ. „Ну, теперь иди, да чтобы на бивуакѣ все было спокойно“. Но пока я возвратился, усталый отрядъ уже спалъ, исключая часовыхъ, которые до тѣхъ поръ не пропускали меня, пока не увѣрились, что я свой.

Зашелъ я къ своимъ лошадямъ: лежатъ бѣдняжки; но

Бѣльчикъ сейчасъ же вскочилъ и протянулъ свою горбоносую морду, чтобъ обнюхать я ли это, всхрапнулъ, потянулся и началъ ѣсть сѣно. Развязавъ изъ тороковъ свою бурку, я закутался и легъ около какого-то офицера на кучу сѣна.

Какое звѣздное небо! задумался я, глядя на него. Вспомнился домъ, теплая комната, хорошая мягкая постель. Э-э! Что Богъ дастъ! Я повернулся, запахнувъ еще больше верхнюю полу бурки и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, а черезъ нѣсколько минутъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

На утро, въ 6 часовъ, отрядъ уже поднимался, и въ 8 часовъ тронулся дальше. Спустились съ горъ и пошли долиной Прута. Направо горы, налѣво—сплошные виноградники, а за нами бѣлая полоса извилистаго Прута. Черезъ два ночлега показался предъ нами городъ Галацъ, первый румынскій городъ, а потому и весьма для насъ интересный. Вступили мы въ него съ музыкой, съ пѣсенниками, и воображали, что мы первые, но оказалось, что здѣсь уже много пѣхоты и два казачьи полка, 29-й и 40-й.

Попросились поѣхать осмотрѣть городъ, гдѣ однако не нашли никакой разницы съ нашими городами. Заѣхали пообѣдать въ гостинницу, гдѣ уже много сидѣло русскихъ офицеровъ, а въ углу, на маленькомъ возвышеніи, пѣли какія-то истрепанныя артистки, которыхъ никакія бѣлила и румяны не могли измѣнить къ лучшему. Въ Галацѣ у насъ было двѣ дневки, и затѣмъ пошли дальше, перегоняя по дорогѣ большаго калибра осадныя орудія. „Гляди, станичникъ: вотъ такъ пушки“! слышны голоса во фронтѣ.

Опять рѣка какая-то, Серетъ, говорятъ. И опять переправа на паромѣ, не лучше Фальчинскаго, благодаря чему поневолѣ пришлось заночевать на другомъ берегу Серета, а на утро двинулись въ Браиловъ, куда долженъ былъ пріѣхать Его Высочество Главнокомандующій смотрѣть проходящія войска. Моя сотня шла въ авангардѣ, такъ что стала первою на указанномъ квартирьеромъ мѣстѣ, а другіе казаки пока еще подходили; вдругъ слышимъ мы какое-то ужасное шипѣніе надъ своими головами... пронеслось, лопнуло гдѣ-то сзади и засвистѣло во всѣ стороны. Въ первыя мгновенія каждый изъ насъ въ недоумѣніи слушалъ молча, и только по миновані роковаго момента пошли взаимные вопросы; что, молъ, это

такое? Оказалось, что турецкій мониторъ подошелъ къ Браилову и началъ бомбардировать городъ. Вотъ и другая граната шипитъ у насъ на лѣвомъ флангѣ... упала, но не разорвалась; пошли смотрѣть: громадный снарядъ въ видѣ сахарной головы.

Вдругъ слышится извѣщеніе, что Главнокомандующій ѣдетъ, и раздается команда „смирно“! Всѣ побѣжали на свои мѣста. Вскорѣ Великій Князь подошелъ къ фронту, поздоровался, пожелалъ благополучнаго продолженія похода и отправился садиться на ожидавшій его поѣздъ, чтобъ ѣхать обратно въ Кишиневъ, въ главную квартиру; мы же тѣмъ часомъ поспѣшили къ своимъ лошадямъ, желая конвоировать, насколько возможно, поѣздъ Его Высочества.

Хорошую картину представлялъ этотъ несущійся экстренный поѣздъ, по бокамъ коего казачьи офицеры и урядники неслись въ маршъ-маршъ. Были лошади, которыя, не отставая отъ локомотива, проскакали съ поѣздомъ болѣе двухъ верстъ. Но вѣроятно Великому Князю жаль стало нашихъ коней: онъ показался въ окнѣ своего вагона и далъ намъ знакъ отстановиться. Послѣдствіемъ увлеченія бѣшенною скачкой для нѣкоторыхъ изъ насъ была необходимость вести на бивуакъ своихъ лошадей въ поводу.

На другой день дальнѣйшій походъ. Шли мы почти рядомъ съ желѣзной дорогой и ночлегъ оказался около вокзала. Великолѣпная долина, посрединѣ ея—озеро.

Наши разбили палатки. Здѣсь мнѣ встрѣтилась надобность написать женѣ письмо, содержаніе котораго было для моего семейства довольно важно, но впослѣдствіи оказалось, что жена его не получала, равно какъ и многихъ другихъ моихъ писемъ, не дошедшихъ по назначенію благодаря неисправности нашей полевой почты. Кое-какъ я примостился на полѣ бурки, чтобъ отъ земли бумага не отсырѣла. Дѣдушка Кудинцовъ сбоку хлопочетъ надъ чаемъ, а съ другой стороны Поздѣевъ завернулся въ бурку и задумался, потягивая изъ коротенькой трубочки; за палатками позвякиваютъ треногами наши кони, какъ будто подвигаясь ближе къ намъ: вѣроятно, заслышали овесъ, который насыпали въ торбы. На утро опять идти дальше. Памятенъ мнѣ этотъ день: повели моихъ лошадей на водопой и упустили; поска-

кали казаки догонять, но спустя нѣсколько времени нѣкоторые изъ нихъ возвратились ни съ чѣмъ. Что же мнѣ теперь? Хоть пѣшкомъ идти за полкомъ. Спасибо мой добрый товарищъ Орловъ выручилъ: далъ мнѣ одну изъ своихъ лошадей.

Наконецъ, Букарештъ, столица Румыніи. Городъ, дѣйствительно, большой, стремящійся изо всѣхъ силъ усвоить себѣ внѣшность, похожую на Европу; даже конножелѣзная дорога проведена по нѣкоторымъ улицамъ. Бивуакъ отряда расположился за городомъ, и поэтому мы, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, отпросились въ городъ пообѣдать и осмотрѣть достопримѣчательности, буде таковыя окажутся, и представьте наше удивленіе, когда извощикъ загорилъ съ нами по русски! Оказалось, что въ Букарештѣ много нашихъ раскольниковъ, которые считаются лучшими извощиками въ городѣ. Мы было разсчитывали, что здѣсь намъ дана будетъ дневка, что, сказать кстати, было бы и очень недурно,—городъ хорошій, можно кое-чѣмъ запастись, кое-что удобно поисправить, но надежды наши не сбылись: на утро мы опять пошли окольными улицами по пригороду и совсѣмъ уже загородомъ, на шоссе, гдѣ насъ осмотрѣлъ на походѣ князь Румынскій. При подъемѣ со слѣдующей станціи на возвышенность, предъ нами открылись вдали синія горы, и кто-то замѣтилъ, что это правый берегъ Дуная. Съ какимъ нетерпѣливымъ любопытствомъ всматривались мы въ эту даль! Хотѣлось поскорѣе увидѣть тотъ знаменитый Дунай, гдѣ наши дѣды и отцы дрались съ тѣми же самыми турками, съ которыми и намъ предстоитъ вскорѣ помѣряться силами.

— Смир-но!—послышалась команда. Что это значитъ, на походѣ? Ради чего это? Но наше недоумѣніе тутъ же разъяснилось: съ нами встрѣтился румынскій кавалерійскій дивизіонъ, сдѣлавшій намъ военный салютъ, и наше начальство, соблюдая извѣстнаго рода воинскую вѣжливость, въ свою очередь, отвѣтило ему тѣмъ же, какъ военный военному. Спустя нѣкоторое время послѣ этой встрѣчи, отрядъ нашъ свернулъ съ шоссе немного влѣво, къ деревнѣ Доицы, гдѣ остановился бивуакомъ. Эта мѣстность такъ высока, что намъ были видны и ширь Дуная, съ его правымъ берегомъ, и крѣпость Рущукъ, за которою замѣчались по

горамъ разбросанные турецкіе лагери, казавшіеся намъ бѣлыми квадратиками. Сколь прелестно картиненъ былъ Дунай въ то время (время разлива) съ зелеными островами! Вонъ вдали показался дымокъ, который тянется совершенно параллельно чертѣ воды, это идетъ мониторъ. Впослѣдствіи намъ часто приходилось видѣть на Дунаѣ такіе же дымы такихъ же мониторовъ. Здѣсь привели ко мнѣ моихъ лошадей, которыхъ, слава Богу, нашли и я продалъ ихъ: бѣлаго Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, а Турчика Орлову; себѣ же купилъ простаго донца, крѣпкаго и выносливаго. На этомъ бивуакѣ къ намъ подошелъ полубаталіонъ пластуновъ. Что за дивная пѣхота, да притомъ и совершенно своеобразная; даже самое обмундированіе ея примѣнено къ роду службы: папаха, черкеска, кинжалъ за поясомъ, чувяки вмѣсто сапогъ, бурка, сумка холщевая вмѣсто ранца: и стрѣлковая берданка. Мы скоро перезнакомились съ ними, какъ со своими земляками-сосѣдями, и въ тотъ же вечеръ уже лежали на травѣ въ одномъ кругу, пили чай и слушали великолѣпныхъ пластунскихъ пѣсенниковъ и отъ души смѣялись веселымъ добрымъ смѣхомъ, глядя на ихъ своебразныя, полныя добродушнаго комизма игры. Здѣсь намъ пришлось простоять дня четыре; дежурили посмѣнно, сотнями, на своихъ постахъ по берегу Дуная; слѣдили, чтобы турки не вздумали на лодкахъ переѣхать на нашъ берегъ. А такъ какъ вода на Дунаѣ начала спадать, то получено было приказаніе полковнику Орлову съ четырьмя сотнями и полубаталіономъ пластуновъ переправиться черезъ заливы и стать на самомъ берегу Дуная, въ пунктѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Малорушъ.

Интересно было это передвиженіе, при которомъ намъ приходилось въ иныхъ мѣстахъ просто плыть на лошадяхъ, но еще интереснѣе казалось то, что мы теперь подвигаемся почти въ непосредственное соприкосновеніе съ непріятелемъ.

Пикетъ Малорушъ просто ничтожная избушка, около которой мы поставили вышку, по образцу строившихся во время оно на нашей Кавказской военной линіи. Сзади, въ двадцати саженяхъ, находится большая выемка земли, гдѣ поставили палатку полковника Орлова; тутъ же около нея расположились пластуны, а казачьи сотни стали бивуакомъ со своимъ полковымъ обозомъ саженяхъ въ пятидесяти позади.

Сейчасъ же приступили къ копанію ровиковъ по самому берегу Дуная для ночной цѣпи. Хорошо жилось намъ недѣли три въ этомъ мѣстѣ. Не подалеку обиталъ какой-то рыболовъ, и казаки, свободные отъ дѣла, нерѣдко брали у него неводъ и въ изобиліи ловили рыбу. Купанье великолѣпное; Журжево просто рукой подать, такъ что если ощущается въ чемъ нужда, то отпросишься и поѣдешь въ городъ просто верхомъ, какъ на прогулку. Здѣсь мы уже настолько успокоились, или, лучше сказать, привыкли къ мѣстности, осмотрѣлись, что, въ виду довольно легкой сторожевой службы, приступили къ ученіямъ пѣше-по-конному. Такъ, помню, однажды полковнику Орлову нездоровилось и потому онъ приказалъ мнѣ сдѣлать ученіе, а на-утро осмотрѣть ковку лошадей во всѣхъ сотняхъ. Разумѣется, приказаніе командира было исполнено въ точности. Помню какъ сейчасъ, въ этотъ день было хорошее, тихое утро. За горами, по ту сторону Дуная, показалось зарево восходящаго солнца. Сотни выстроились въ сотенной колоннѣ правымъ флангомъ къ Дунаю; казаки въ шинеляхъ держали разсѣдланныхъ лошадей въ поводу, и едва успѣлъ я осмотрѣть ковку двухъ-трехъ сотенъ, какъ говорятъ: „командиръ идетъ“, не вытерпѣлъ значитъ, не смотря на нездоровье. Пришелъ Давидъ Ивановичъ и началъ самъ смотрѣть ковку; много сердился, распекалъ и сотенныхъ командировъ, и казаковъ, я же сталъ на свое мѣсто и, слыша теперь распеканія своихъ прежнихъ товарищей по поводу неудачъ ихъ ковки, захлопоталъ о томъ, чтобы мои люди обчищали лошадей и примачивали гривки. Къ чему все сіе продѣлывалось мною, не могу и теперь сказать опредѣлительно: смотрятъ подковы, а я вдругъ о примочкѣ гривокъ забочусь! И вотъ въ это-то время, когда всѣ вполнѣ были поглощены дѣломъ смотра, вдругъ слышимъ мы какое-то шипѣніе, какъ будто непонятное, а въ то же время какъ будто и знакомое отчасти. И вотъ на правомъ флангѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, что-то шлепнулось въ землю, словно въ тѣсто, — сейчасъ же оглушительный взрывъ, и зазвенѣли осколки... Поняли, что это граната, и потому многіе съ непривычки присѣли, какъ будто это присѣданье и въ самомъ дѣлѣ могло чѣмъ-нибудь помочь послѣ взрыва, а иные все недоумѣвая смотрѣли нѣсколько секундъ другъ на друга, словно бы спрашивали

что это и откуда? И не мудрено: всѣ мы, пока еще были новичками въ дѣлѣ войны и военныхъ ощущеній. Первымъ однако очнулся Орловъ и приказалъ отступить за заливы, чтобъ отойти изъ-подъ выстрѣловъ, которые тѣмъ временемъ все чаще и чаще стали ложиться въ районъ расположенія нашего полка. Здѣсь поднялась вдругъ суматоха ужасная, нѣкоторые перебѣжали черезъ заливы яко по суху; кто снималъ палатки, кто обозъ запрягалъ, кто хваталъ свое оружіе и имущество. Такъ, одинъ казакъ хотѣлъ взять свои шаровары, распластанные по землѣ для просушки, но нашелъ ихъ свернутыми въ комокъ; оказалось, что въ нихъ замотался и запутался непріятельскій снарядъ; казакъ отскочилъ, взялъ пику и осторожно началъ разворачивать шаровары, чтобъ избавить ихъ отъ непрошенной гостьи.

— Вѣдь ишь ты куда ее занесло! Гляди-ка, станишники!

— Брось! неравно еще лопнетъ!—предостерегаютъ его товарищи.

— Ахъ, братцы! и радъ бы бросить, да шаровары-то новые; другихъ чай и за весь походъ за Дунаемъ не достанешь!

И освободилъ-таки свои шаровары.

Въ это время вправо, въ направленіи отъ Журжева, показалось вдали густое облако пыли, вѣроятно ѣхалъ ктонибудь изъ начальства. Мнѣ, какъ дежурному, надлежало встрѣтить. Подскакиваю ближе, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Я отрапортовалъ.

— А гдѣ же полкъ?—спросилъ онъ.

— Приказано отступить, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, —такъ какъ выстрѣлы были направлены прямо на бивуакъ.

— А пластуны гдѣ?

— Они вышли и заняли свои мѣста по берегу Дуная.

Во время нашего разговора одна изъ гранатъ разорвалась довольно близко отъ Скобелева. Мой бурый шарахнулся въ сторону. Скобелевъ посмотрѣлъ на мѣсто, гдѣ разорвалась граната, и едва замѣтная улыбка мелькнула на его губахъ. Онъ поѣхалъ дальше тихимъ шагомъ, направляясь къ пластунамъ, гдѣ въ это время саперы дѣлали фашины

и туры. Эти-то саперныя работы, какъ впослѣдствіи разсказывали сами турки, и заставили противника открыть по насъ стрѣльбу, въ томъ предположеніи, что ужъ не думаетъ ли наша армія совершить теперь въ этомъ мѣстѣ свою переправу. Скобелевъ сейчасъ же послалъ за взводомъ 10-й Донской батареи, которая находилась въ то время въ Журжевѣ. Два орудія хотя и не замедлили прилетѣть маршъ-маршемъ, но увы! ихъ легковѣсные снаряды оказались не въ состояніи состязаться съ дальнобойными турецкими пушками. Саперы, подъ командой своего молодаго офицера, подпоручика Романова, несмотря на непріятельскіе снаряды, мѣтко попадавшіе въ ихъ работы, очень скоро построили маленькую батарею. При этомъ не могу умолчать объ одномъ характеристическомъ случаѣ, который поразилъ меня, какъ примѣръ исполненія нашимъ воиномъ своего служебнаго долга. Нѣсколько гранатъ упало около денежнаго ящика пластунскаго полубаталіона, настолько близко, что взрывъ каждой изъ нихъ обдавалъ часоваго комьями земли и каменьями, но онъ, бѣдняга, только жался ближе къ ящику, сжимая въ рукѣ свою неразлучную берданку, да двинулъ больше на глаза мохнатую папаху, словно бы опасаясь, чтобъ ее не унесло съ головы. Къ вечеру выстрѣлы затихли, но на слѣдующее утро съ 9 часовъ непріятель опять началъ осыпать насъ снарядами, и хотя продолжалъ свою стрѣльбу нѣсколько часовъ сряду, тѣмъ не менѣе не причинилъ намъ никакого вреда, если не считать нѣсколькихъ пикъ, перебитыхъ въ пирамидахъ, и нѣсколькихъ пробитыхъ палатокъ, да, кромѣ того, одинъ изъ осколковъ попалъ въ нашъ полковой лазаретный фургонъ; люди же и лошади остались невредимы.

Пошла опять наша жизнь обыкновеннымъ порядкомъ, только на ночь усиливали по берегу пѣшую цѣпь и конные пикеты съ разъѣздами.

Прошло нѣсколько дней. Къ намъ пріѣхали гости, корреспонденты русскихъ газетъ: гг. Немировичъ-Данченко, Ѳедоровъ, Каразинъ и еще кто-то, не помню, попросили устроить шашлыкъ. Великолѣпный былъ вечеръ, тихій, звѣздный. Войсковой старшина Грузиновъ взялся распоря-

жаться жареньемъ шашлыка. Это старый кавказецъ, сослуживецъ Якова Петровича Бакланова, всегда серьезный и дѣльный сотенный командиръ, подъ огнемъ спокойно-храбрый офицеръ, любимый казаками и товарищами. Принесли сухихъ дровъ, и благодаря ихъ сухости, костеръ вышелъ весьма ярокъ; его зарево освѣщало группу лежащихъ офицеровъ съ командиромъ полка и гостями, пріѣхавшими къ намъ. Пошли разсказы, шутки, остроты, смѣхъ, и кто-то запѣлъ; къ этому голосу присоединились другіе, и такимъ образомъ неожиданно составился довольно стройный хоръ. Между тѣмъ, Грузиновъ уже началъ спускать съ нѣкоторыхъ вертеловъ готовое мясо, какъ вдругъ, пріостановившись, спокойно сказалъ намъ: „выстрѣлъ". Вскорѣ затѣмъ всѣ мы ясно услышали другой, третій и потомъ нѣсколько выстрѣловъ сразу. Значитъ не шутка. Подняли тревогу, крикнули къ конямъ, а шашлыкъ забыли. Дежурныя сотни въ десять минутъ были уже готовы, и самъ командиръ повелъ ихъ къ Дунаю. Чрезъ полчаса перестрѣлка уже разыгралась вполнѣ, но къ полуночи все опять затихло. Оказалось, что турецкія лодки подъѣзжали къ нашему берегу, а казакъ въ сторожевой цѣпи сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ. Вѣроятно турки хотѣли испытать, насколько мы усвоили себѣ предосторожности сторожевой службы. При этомъ досаднѣе всего было то, что нашъ великолѣпнѣйшій шашлыкъ застылъ, т. е. пропалъ; тогда какъ, судя по внимательно озабоченной физіономіи Грузинова во время жаренія, можно было предполагать, что онъ смастеритъ намъ превкусное походное кушанье.

Вскорѣ послѣ этого вечера насъ смѣнили другія воинскія части, а намъ приказано двигаться вверхъ по Дунаю, но ради чего—мы не знали, и при этомъ велѣно дѣлать переходы не иначе какъ ночью; дневное же время употреблять на отдыхъ.

На вторую ночь послѣ выступленія изъ Малоруша, мы соединились съ нашими товарищами Кавказской бригады, а на третью пришли въ деревню Бею, гдѣ опять встрѣтились съ пластунами и сейчасъ же получили отъ нихъ приглашеніе на закуску, гдѣ застали большую компанію офицеровъ

разныхъ родовъ оружія, которые намъ сообщили по секрету, что всѣ они сейчасъ идутъ въ составѣ своихъ частей на переправу, подъ общею командою начальника 14-й пѣхотной дивизіи генералъ-майора Драгомирова, причемъ въ короткихъ словахъ передали и содержаніе его знаменитаго приказа. Такъ какъ мы сильно устали съ похода, то, пожелавъ имъ благополучной переправы, отправились къ себѣ на бивуакъ. На утро площадь уже очистилась отъ нѣкоторыхъ полковъ. Вечеромъ же было получено приказаніе выступать и нашему полку, опять вмѣстѣ съ Кавказскою бригадой. Впереди были слышны пушечные выстрѣлы. Это наши переправляются. Сколько-то убитыхъ и раненыхъ, и кто? Немудрено, что у многихъ изъ насъ сверлила въ головѣ эта жуткая мысль, такъ какъ большая часть изъ насъ еще въ первый разъ въ жизни вступала въ сферу дѣйствій, называемую войной.

Ближе стали подходить къ Зимницѣ: начали встрѣчаться и лазаретные фургоны. А впереди пыль ужасная—не только что ничего не видно, но даже и дышать-то трудно. Около Зимницы насъ остановили на ночлегъ, а на утро двинули на переправу. Самаго мѣстечка Зимницы мы за пылью почти и не видѣли, но когда спустились на низменность къ Дунаю, то воздухъ нѣсколько прочистился. Пришлось переходить два моста черезъ затоны, прежде чѣмъ приблизились къ самому Дунаю. Остановки долгія и чуть не ежеминутныя: люди и транспорты шли и изъ-за Дуная, и къ Дунаю, и всѣ, казалось, куда-то спѣшили. А вотъ и пять человѣкъ плѣнныхъ турокъ гонятъ. Какіе они жалкіе, оборванные! Въ этотъ день, однако, насъ черезъ Дунай не переправили, такъ какъ переправа была еще занята передовымъ отрядомъ, да и мостъ еще не былъ готовъ въ полной мѣрѣ.

Два дня спустя пріѣхалъ къ намъ Его Высочество Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій посмотрѣть полкъ, который теперь поступалъ подъ его начальство въ составѣ особой бригады, сведенной изъ полковъ нашего, Кіевскаго гусарскаго и 10-й Донской батареи полковника Солунскаго. Князь остался доволенъ 30-мъ полкомъ, и сообщилъ Орлову, что наша переправа совершится завтра утромъ. Дѣйстви-

тельно, на другой день мы двинулись къ мосту, гдѣ однако же пришлось простоять довольно долго, и потому, ради сокращенія времени ожиданія и для разсѣянія скуки, наши пѣсенники запѣли разудалыя казачьи пѣсни. Переправа подъ убійственной жарой, на открытомъ солнопекѣ, тянулась нестерпимо долго: справа рядами по пять лошадей дистанціи въ поводу,—представьте же, на какое разстояніе пришлось полку растянуться! Приказано было, по мѣрѣ того, какъ сотни будутъ переходить на противоположный берегъ, сажать ихъ въ сѣдло и скорѣе выводить на обрывистыя возвышенности, потому что внизу подъ кручами стояла жара и духота невыносимая ни для людей, ни для животныхъ.

Когда я ступилъ на тотъ берегъ, до меня долетѣли сверху какія-то славянскія слова. Подымаю голову и вижу на самомъ краю страшнаго обрыва нѣсколько женскихъ фигуръ, покрытыхъ бѣлыми вуалями. Собрался полкъ и пошли мы по какимъ-то ярамъ, виноградникамъ, обрывамъ. На каждомъ шагу приходилось только удивляться нашимъ вчерашнимъ передовымъ героямъ, которые, несмотря на преграду, представляемую одною изъ широчайшихъ въ Европѣ рѣкъ, съумѣли тоже съ бою взять эти неприступныя позиціи, при столь небольшой относительно потерѣ.

Пока мы втянулись въ Царевицкое ущелье, лежавшее на развѣтвленіи дорогъ Тырновской и Рущукской, намъ встрѣчалось много пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, идущихъ по разнымъ направленіямъ, и всѣ части торопились къ назначеннымъ для нихъ бивуакамъ, такъ какъ уже наступили сумерки. Тутъ характеръ мѣстности, сравнительно съ лѣвымъ дунайскимъ берегомъ, рѣзко измѣнился: высокіе холмы и глубокія долины, перерѣзывающіе все видимое пространство въ разныхъ направленіяхъ, быстрые потоки и почти на каждой верстѣ прекрасные фонтаны, — все это насъ занимало и интересовало, какъ невиданное, но знакомое заочно по разсказамъ нашихъ дѣдовъ, бывшихъ нѣкогда въ Турціи. Но тутъ вышли мы на высокую гору, съ которой открылась очень большая равнина, гдѣ мы догнали казачій № 23 полкъ полковника Бакланова, шедшій въ авангардѣ 8-го корпуса. Въ этомъ полку у насъ нашлось много знакомыхъ, встрѣча съ которыми, впрочемъ

была непродолжительна, такъ какъ данный намъ привалъ продолжался не болѣе получаса. Не задолго до разсвѣта, дошли мы до деревни Овча-Могила и здѣсь остановились на ночлегъ, а въ 10 часовъ утра пошли дальше со всѣми предосторожностями: авангардомъ и боковыми дозорами. Моей сотнѣ пришла очередь быть въ правомъ боковомъ разъѣздѣ, при чемъ у моихъ казачковъ не обошлось безъ тревоги. Увидѣли они, что не въ далекомъ разстояніи, правѣе насъ, „замаячило“ (казачье выраженіе — показалось) на курганѣ три человѣка, которые и скрылись; всѣ они были въ папахахъ и въ черкескахъ. Чтобы не безпокоить напрасно всю бригаду, я послалъ офицера съ десятью казаками убѣдиться въ точности донесенія. Оказалось, что правѣе насъ идетъ кавказская бригада и что отъ нея тоже посланы влѣво разъѣзды, чтобы быть въ связи съ нами. Тутъ мы догадались, что, по всей вѣроятности, у насъ было пущено впередъ нѣсколько кавалерійскихъ бригадъ, чтобы освѣтить мѣстность для всей арміи. На этомъ же переходѣ пришлось убѣдиться въ тѣхъ трудностяхъ, которыя выпадаютъ на долю кавалерійской части, которая идетъ въ боковомъ разъѣздѣ, въ особенности при гористой мѣстности. Напримѣръ, скрывается отрядъ между горами; въѣдешь на гору, смотришь, а отрядъ уже повернулъ влѣво, и такъ какъ боковому разъѣзду всегда нужно быть на одной съ нимъ линіи, то сейчасъ же правымъ плечомъ и ускоренною рысью приходится догонять его. При этомъ жара убійственная, каменистая мѣстность, кустарники, нерѣдко сплошной терновникъ или колючка,—мука и людямъ, мука и конямъ. А тутъ еще, подходя къ деревнѣ Градешницы, мнѣ прислали сказать изъ колонны, что я долженъ заѣхать въ деревню Слива, гдѣ, какъ разсказывали болгары, находятся баши-бузуки, которыхъ, впрочемъ, на дѣлѣ вовсе не оказалось. Такія штуки зачастую продѣлывали съ нами не въ мѣру опасливые братушки. Такимъ образомъ, проѣздившись нѣсколько лишнихъ верстъ, я съ сотней прибылъ на бивуакъ только въ девять часовъ вечера, усталый ужасно, да и лошади еле передвигали ноги; но за то заслужилъ личную благодарность Его Высочества князя Лейхтенбергскаго, который, какъ я уже сказалъ, состоялъ теперь нашимъ бригад-

нымъ начальникомъ. Здѣсь намъ была назначена дневка, такъ какъ лошади всего отряда изморились ужасно, а у кіевскихъ гусаръ отъ жары даже пало на походѣ пять коней. Радуясь дневкѣ, какъ возможности отдохнуть, мы расположились бивуакомъ на южномъ склонѣ довольно большой горы. Внизу широкая рѣчка Осма, на другомъ берегу опять горы всевозможныхъ формъ: тутъ и сахарныя головы, и какіе-то верблюжьи горбы, а дальше, еще выше, видны синія горы. Неужели Балканы? — „Нѣтъ", отвѣчаютъ болгары: — „до Балканъ 25 часовъ", то есть 125 верстъ. А интересуютъ они насъ: что это за великаны такіе? Итакъ, едва лишь мы расположились въ сладкой надеждѣ на суточный отдыхъ, какъ пришлось сейчасъ же убѣдиться, что на войнѣ не бываетъ опредѣленныхъ дневокъ. Въ девять часовъ на бивуакѣ поднялась суматоха; казаки сѣдлаютъ; велѣно идти 1-й, 2-й и 4-й сотнямъ и 1-му взводу 10-й батареи. Въ нѣсколько минутъ всѣ эти части были готовы, и маленькій отрядецъ двинулся рысью внизъ по долинѣ. Дорога довольно порядочная; по сторонамъ ея виноградники, вишни, абрикосы и персики; плоды вездѣ уже созрѣли, такъ что подъѣдешь и нарвешь фруктовъ, да такихъ, которыхъ у насъ и за дорогую цѣну не вездѣ и не всегда достанешь. Послѣ пяти верстъ ходу предъ нами открылась довольно обширная равнина, орошаемая тою же самою Осмой, а не вдалекѣ открылась и деревня Муратъ-Бей, прекраснѣйшее и богатое селеніе, гдѣ мы въ бродъ перешли рѣку и направились на деревню Михайлицы. Пройдя эту послѣднюю и поднявшись на возвышенность, нашъ отрядъ остановился, не знаю съ какою цѣлью. Въ это время подскакиваетъ къ намъ на взмыленной лошади драгунъ и говоритъ полковнику Орлову, что на драгунскій эскадронъ наступаетъ турецкая пѣхота, вслѣдствіе чего эскадронный командиръ проситъ помощи. Такъ какъ я первый попался на глаза, то Орловъ сію же минуту приказалъ мнѣ съ сотней скакать по указанному драгуномъ направленію.

Солнце палило немилосердно, и потому при быстротѣ нашего движенія у меня въ сотнѣ на всемъ маршъ-маршѣ пала лошадь; это было тѣмъ досаднѣе, что вся эта тревога оказалась напрасною. Увидавъ впереди довольно высокую возвы-

шенность и на ней небольшую кучку людей, я послалъ туда сотника Поздѣева со взводомъ, а самъ съ остальными казаками поджидалъ у подошвы. Возвращается Поздѣевъ и говоритъ, что на горѣ стоитъ эскадронъ драгунъ и съ ними самъ его командиръ, который, на вопросъ Поздѣева гдѣ непріятель, прехладнокровно отвѣтилъ „не знаю".

— Но вѣдь вы же прислали просить помощи?

— Да, я думалъ было, что это непріятель, а вмѣсто того оказалось просто жители изъ ближняго села.

Такимъ образомъ, благодаря „думанью" драгунскаго майора, намъ пришлось по пустому проскакать 15 верстъ подъ палящею жарой, а несчастному казаку ни за что, ни про что лишиться своей единственной лошади.

Вернулся я въ Михайлицы уже вечеромъ, куда и наши сотни отступили для ночлега. Болгары намъ принесли жареныхъ куръ, яицъ и вина, хотя послѣднее было похоже на уксусъ, но при нуждѣ на безрыбьи, какъ говорится, и ракъ рыба, а въ особенности когда голодъ и жажда заявляютъ свои неотразимыя требованія.

Выставивъ для предосторожности пикеты, мы тутъ же за деревней расположились на травѣ, и пока казаки сварили намъ въ котелкахъ какую-то похлебку, у насъ шелъ живой разговоръ о нынѣшнемъ днѣ. Сейчасъ только ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (фамиліи не помню) привезъ новости, что генералъ Гурко съ бою взялъ Тырново, и что намъ на утро приказано идти туда же. Выступившій съ разсвѣтомъ, нашъ отрядъ все больше и больше втягивался въ горы. Въ лежавшей на пути деревнѣ мы были встрѣчены болгарскимъ священникомъ со крестомъ и всѣми жителями; женщины бросали букеты.

За деревней намъ пришлось буквально карабкаться на очень крутую гору, и вдобавокъ еще совершать этотъ путь по какому-то узкому карнизу, такъ что солдаты и казаки назвали это мѣсто „Чортовымъ подъемомъ". Когда отрядъ перевалилъ черезъ эту возвышенность, предъ нами открылась великолѣпная небольшая долина, перерѣзанная маленькимъ ручьемъ, и турецкая деревня Балваны, населенная, какъ разсказывали болгары, самыми закоренѣлыми ихъ врагами,

изъ которыхъ многіе пошли въ баши-бузуки. На этомъ основаніи мы приняли больше предосторожностей, оцѣпили деревню, и вслѣдъ затѣмъ были посланы небольшія партіи пѣшихъ казаковъ съ офицерами осмотрѣть село и отобрать оружіе. Общее наблюденіе за всѣми этими командами было поручено мнѣ. Поѣхавъ туда вмѣстѣ съ сотникомъ Поздѣевымъ и четырьмя казаками, я при въѣздѣ въ деревню услышалъ шумъ, который усиливался по мѣрѣ нашего приближенія къ мечети. Оказалось, что всѣ жители села—мужчины, женщины и дѣти, собрались въ ея оградѣ. Женщины, по обычаю, группировались отдѣльно отъ мужчинъ.

Отъ страха ли, не знаю, но только женщины предъ нами не закрывались и, протягивая къ намъ руки, молили о пощадѣ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что мы сейчасъ же начнемъ ихъ рубить. Трое старыхъ турокъ выдѣлились изъ толпы и, подойдя къ намъ, жаловались чрезъ переводчика на болгаръ, которые будто бы рѣжутъ ихъ семейства и жгутъ дома; при этомъ на ихъ физіономіяхъ явно сказывалась сдержанная злоба, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ инымъ, болѣе теплымъ чувствомъ, хотя они и разсказывали о несчастіи людей, самыхъ близкихъ ихъ сердцу. Турки помоложе тоже подошли ближе къ намъ и предложили табаку; мы, чтобы не обидѣть ихъ азіятской любезности, сдѣлали по папиросѣ и сказали, что сейчасъ же разслѣдуемъ дѣло, и если все это окажется правда, то безчинства будутъ прекращены.

Возвратившись, я все разсказалъ полковнику Орлову.

Жара была несносная и при этомъ ни малѣйшей тѣни, нѣтъ и палатокъ! Я растянулъ на пикахъ свою бурку, сдѣлалъ маленькій холодокъ и легъ было отдохнуть, какъ вдругъ послышались мнѣ какіе-то не то звонки, не то бубенчики; приподымаюсь и вижу на турецкомъ сѣдлѣ болгаринъ, и лошадка подъ нимъ, хотя и маленькая, но очень живая; у моей такъ сильно набита спина, что сѣдла нельзя класть. „Эй, братушка“! остановилъ я его:—продай коня“!—Да купить, братушка“! — отвѣчаетъ. — „Кольки пари“? — „Три полъ“ — значитъ, три полуимперіала. Не долго онъ заставилъ себя просить и уступилъ за одинъ золотой. Я очень былъ радъ: перемѣна моему бурому. Да еще какая живая лошадка оказалась

У этой деревни догнала насъ остальная часть бригады, и послѣ маленькаго привала двинулись уже всѣ вмѣстѣ по шоссе въ Тырново; но пройдя пять верстъ, нашъ полкъ свернулъ вправо, на деревню Пушево, откуда была послана 1-я сотня въ Габрово, подъ командой есаула Грузинова, для развѣдки о Шипкинскомъ перевалѣ и о томъ, сколько тамъ турецкаго войска. Остальные пробыли здѣсь три дня и занимали пикеты по горамъ. Полковникъ Орловъ уѣхалъ въ городъ Тырново и оттуда прислалъ приказаніе—всѣмъ идти туда же, а 3-й сотнѣ, подъ командой есаула Антонова, остаться для наблюденія за дорогой. Пришли мы уже вечеромъ, подъ дождемъ, который мочилъ насъ всю дорогу. Что это за живописная мѣстность! Городъ весь разбросанъ по скаламъ; хорошъ онъ днемъ, если смотрѣть на него съ художественной стороны; но ночью, когда во всѣхъ окнахъ зажгутся безчисленные огоньки,—еще лучше! Тутъ вамъ кажется, что вы смотрите на великолѣпную иллюминацію какого-то громаднаго амфитеатра. За то самыя улицы возмутительно скверны; по самой широкой изъ нихъ только можетъ проѣхать одинъ экипажъ, а встрѣчному экипажу уже нѣтъ мѣста; приходится хоть распрягать его и оттаскивать назадъ за заднія колеса—иначе не разъѣдешься. Въ Тырновѣ мы застали Орлова и Грузинова, который уже возвратился изъ Габрова. При этомъ поискѣ Грузиновъ настигъ на дорогѣ турецкаго телеграфиста, который успѣлъ однако же скрыться, бросивъ на произволъ судьбы бричку, пару лошадей, весь телеграфный аппаратъ и разныя бумаги, что и было Грузиновымъ представлено въ Тырново. Изъ разговора съ Орловымъ я узналъ, что онъ собирается идти съ 1-ю и 2-ю сотнями съ какимъ-то очень важнымъ порученіемъ въ Габрово, и что въ этомъ случаѣ я долженъ оставаться при полку за старшаго. На другой день ожидали въ Тырново главную квартиру, и хотя мнѣ очень хотѣлось видѣть торжественный въѣздъ Главнокомандующаго въ городъ, но по разнымъ обстоятельствамъ не пришлось. Съ главною квартирой прибылъ и конвой, состоявшій изъ дивизіона лейбъ-гвардіи казачьяго полка, гдѣ еще были мои старые товарищи. На второй день по прибытіи главной квартиры, ко мнѣ пришелъ казакъ и вручилъ при-

казаніе явиться въ главный полевой штабъ. Я одѣлся по формѣ и отправился, недоумѣвая—зачѣмъ бы это меня зовутъ.

Великій Князь размѣстился въ красивомъ, задичаломъ саду, въ палаткахъ, а его ближайшій штабъ въ небольшомъ домикѣ, по сосѣдству. Здѣсь я встрѣтилъ Михаила Дмитріевича Скобелева и еще какихъ-то трехъ незнакомыхъ мнѣ полковниковъ, которые, вѣроятно, явились за тѣмъ, чтобы представиться Главнокомандующему. Великій Князь еще не выходилъ изъ своей палатки, гдѣ въ это время велъ какой-то продолжительный разговоръ съ начальникомъ штаба, генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ.

Подходитъ ко мнѣ какой-то незнакомый мнѣ генералъ и спрашиваетъ: „Вы полковникъ Грековъ“?—„Я, ваше превосходительство“, — отвѣчаю ему. — „Вы здѣсь завѣдуете оставшимися частями 30-го казачьяго полка“?—„Такъ точно, ваше превосходительство“.—„Почему же вы, зная, что главная квартира уже пришла, не явились“?—„Я этого не зналъ, ваше превосходительство,—виноватъ“!—„Очень жаль, что вы не знаете правилъ“.

„Вотъ тебѣ и дождался главной квартиры“, думаю себѣ: „первый блинъ, да комомъ“! Въ это время выходитъ изъ палатки Его Высочество и идетъ прямо ко мнѣ.

„Здорово, Грековъ“! Я поклонился.—„А гдѣ Давидъ“?—„Онъ ушелъ съ двумя сотнями въ Габрово“.—„Ну, все равно, я знаю“. Въ это время къ Его Высочеству подошелъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Главнокомандующій, указывая на меня, сказалъ ему: „Вотъ, Николай, съ тобой завтра пойдетъ мой старый сослуживецъ. А ты смотри,—добавилъ онъ обращаясь ко мнѣ,—будь молодцомъ“!—„Постараюсь, Ваше Императорское Высочество“!

Николай Николаевичъ Младшій подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и тутъ же приказалъ на завтра быть готовымъ къ семи часамъ утра.

Къ 6½ часовъ двѣ остальныя сотни были уже выстроены, и къ намъ при этомъ присоединился Орловскій пѣхотный полкъ и пѣшія батареи. Подъѣхалъ генералъ-майоръ Дерожинскій, впослѣдствіи убитый при защитѣ Шипки, добрый и очень симпатичный человѣкъ, а за нимъ скоро прибылъ

и Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, въ сопровожденіи полковника Струкова, капитана Ласковскаго и своего личнаго ординарца, лейбъ-гвардіи казачьяго полка корнета Янова.

Поздоровавшись съ отрядомъ и переговоривъ въ нѣсколькихъ словахъ съ генераломъ Дерожинскимъ, онъ приказалъ отряду трогаться. Выслань былъ авангардъ и боковые дозоры со всѣми предосторожностями, такъ какъ можно было ожидать нападенія съ каждымъ шагомъ.

Кто ѣздилъ изъ Тырнова въ Габрово по пути на Дреново, тому легко возобновить въ своей памяти эту живописную дорогу, которой картинные виды начинаются съ первыхъ же шаговъ, чуть только выѣдешь за городъ. Ущелье тянется версты полторы; направо—громаднѣйшая скала сплошнаго камня, нависшая надъ дорогой, такъ и кажется, что вотъ-вотъ упадетъ на голову, даже жутко становится; и по этой-то скалѣ растутъ деревья, но не вверхъ, а внизъ верхушками. Налѣво очень быстрая горная рѣка (Янтра), а за рѣкой сейчасъ же вздымаются каменныя горы. Здѣсь между горами, кромѣ терновника, шиповника и иныхъ колючихъ кустарниковъ, растетъ еще какая-то колючая кустарновидная трава, сильно затруднявшая иногда ходъ лошадей.

Въ Дреново мы пришли довольно рано: жители, узнавъ, что съ нами сынъ главнокомандующаго, встрѣчали насъ съ особеннымъ восторгомъ.

За городомъ отрядъ былъ остановленъ для занятія бивуака, по поводу чего Великій Князь очень хлопоталъ. Какъ оказалось, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба нашего отряда и, значитъ, на его обязанности лежало расположить части.

Я остановился недалеко отъ Великаго Князя, у самой рѣки. Только что слѣзли съ лошадей, какъ пришелъ казакъ и передалъ приказаніе явиться къ Великому Князю. „Отправьте вы, Грековъ, сейчасъ три разъѣзда: одинъ на деревню Адову, другой—по шоссе верстъ пять, а третій—налѣво отъ шоссе“. Я сейчасъ же снарядилъ трехъ офицеровъ со взводами. Разъѣзды возвратились поздно и донесли, что все благополучно, и дѣйствительно, ночлегъ провели мы вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ приключеній, а на утро

отрядъ выступилъ пораньше обыкновеннаго, такъ какъ переходъ предстоялъ большой и по жарѣ, что очень тяжело было нашей пѣхотѣ.

До Царево-Лимана дошли мы еще холодкомъ, но отсюда опять начало палить солнце, а при этомъ дорога все въ гору, да въ гору. Хорошо еще, что воды было много, такъ какъ фонтаны попадаются черезъ каждыя три-пять верстъ и вода въ нихъ великолѣпная: чуть припустишь къ ней коня, онъ до того жадно пьетъ, что даже дрожитъ отъ наслажденія.

Когда мы въѣхали на одну изъ значительныхъ вершинъ, то Великій Князь остановился и сталъ въ бинокль осматривать мѣстность, но даже и простымъ глазомъ можно было замѣтить, что впереди, на высокихъ синихъ буграхъ, виднѣются въ нѣсколькихъ мѣстахъ бѣлыя пятна — то были турецкіе лагери, расположенные на перевалахъ.

Подходя къ Габрову, велѣно было обозъ остановить за рѣчкой, отряду же идти дальше. Передъ городомъ, на площади, мы увидѣли маленькій бивуакъ двухъ сотенъ нашего полка съ полковникомъ Орловымъ, который и самъ сейчасъ явился къ Великому Князю.

На другой день была выслана 2-я сотня, подъ командой сотника Галдина, на одну изъ самыхъ высокихъ точекъ Балканъ, гору Бедекъ, гдѣ, по донесенію лазутчиковъ-болгаръ, построено турецкое укрѣпленіе, защищаемое нѣсколькими таборами низама. Есаулъ Галдинъ, изъ самыхъ расторопныхъ офицеровъ нашего полка, съ пошибомъ и ухваткой старыхъ казаковъ, хитрый, осторожный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпріимчивый и смѣлый. Онъ самъ, съ нѣсколькими казаками, лазилъ ночью на горы, все высмотрѣлъ, „выщупалъ“, всѣ тропинки разузналъ и подмѣтилъ, когда турки что дѣлаютъ — пріѣхалъ и обо всемъ донесъ. Основываясь на его словахъ, были посланы къ нему двѣ роты Орловскаго полка, подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Андреева, которому было приказано занять, если возможно, Бедекскій перевалъ.

На другой день мы получили радостную вѣсть, что Бедекъ занятъ нашими, причемъ нашъ Галдинъ первымъ ворвался въ редутъ. Порадовались мы за товарища, которому

первымъ изъ насъ придется получить Георгіевскій крестъ, и который, можно сказать, совершилъ первое взятіе укрѣпленнаго пункта страшныхъ Балканъ. При этомъ у него были убиты вахмистръ и три казака и ранено 12 человѣкъ. Начальство предполагало, что можно ввезти на Бедекъ орудія, съ цѣлью укрѣпиться тамъ сильнѣе, для чего и посланы сейчасъ же два орудія изъ находившейся при насъ батареи, а въ прикрытіе къ нимъ — моя сотня. День былъ ужасно знойный, а намъ предстояло идти опять по шоссе на Царевъ-Лиманъ и на городъ Травну, за невозможностью прохода по прямому пути съ орудіями и ящиками. Еще солнце не ушло за горы, какъ мы уже были за Травной, вблизи Бедека. Каждый казакъ, каждый солдатъ, какъ будто не чувствуя усталости, спѣшилъ на помощь товарищамъ. Здѣсь съ нами встрѣтился транспортъ съ ранеными. Станичники подъѣхали, поразспросили раненыхъ и перекрестились за упокой убитыхъ. И съ какою гордостью передавали имъ свои разсказы и смотрѣли на насъ раненые, какъ бы говоря намъ выраженіемъ своихъ лицъ: „ну, братцы, намъ то вотъ привелъ уже Богъ честно исполнить свой долгъ; теперь очередь за вами: подите-ка теперь вы себя покажите“! Но увы! Намъ здѣсь не пришлось послѣдовать примѣру своихъ товарищей, такъ какъ оказалось, что на горы никакъ нельзя втащить орудій; ночью было получено приказаніе возвратиться намъ обратно въ Габрово.

Не успѣлъ я слѣзть съ лошади, какъ меня позвали къ полковнику Орлову, который приказалъ мнѣ выбрать изъ сотни людей молодцоватѣе и отправиться съ урядникомъ 5-й сотни, Фетисовымъ, повѣрить сдѣланную имъ глазомѣрную съемку расположенія Шипкинскихъ укрѣпленій, лагерей и путей къ наступленію на Шипку. На утро я взялъ съ собой своего вахмистра Титова, ловкаго казака и еще десять рядовыхъ; со мной же поѣхалъ и командиръ взвода 10-й Донской батареи, сотникъ Азерскій, дабы узнать, гдѣ лучше расположить орудія, онъ тоже прихватилъ съ собой шесть своихъ казаковъ. Такъ какъ мы стояли по сю сторону Габрова, то я не зналъ мѣстности за этимъ городомъ, къ сторонѣ Шипки. Выѣзжая изъ города, приходится ѣхать все

время ущельемъ, гдѣ и не замѣтилъ я ничего особенно привлекательнаго для взора, исключая довольно живописнаго каменнаго моста вблизи горы, подъ названіемъ Зелено-Древо. Когда въѣзжаешь на этотъ высокій мостъ, то съ правой стороны является отвѣсная скала, которая, кажется, какъ будто плыветъ по рѣкѣ, а слѣва вода падаетъ съ шумомъ.

Проѣхавъ этотъ мостъ, мы повернули направо, на Зелено-Древо, и пробирались въ одинъ конь по возвышенности съ сѣверной стороны, такъ, чтобы не быть замѣченными изъ Шипкинскихъ укрѣпленій, которыя командуютъ всѣми окружающими горами.

Наконецъ Фетисовъ объявляетъ намъ, что дальше начинается главный кряжъ Балканъ, почему и нужно слѣзть съ лошадей и оставить ихъ при коновязяхъ, а самимъ уже постараться, по возможности, незамѣтно влѣзать на вершины пѣшкомъ: такъ и было сдѣлано. Но когда я вошелъ на вторую возвышенность, то до того усталъ, что съ непривычки почувствовалъ, будто меня душитъ что-то... А подобныхъ возвышенностей очень много. Фетисовъ остановилъ насъ и указалъ рукой налѣво, гдѣ мы увидѣли на одной высотѣ съ нами четыре большихъ лагеря и столько же непріятельскихъ укрѣпленій. Сравнивая расположеніе оныхъ съ планомъ, я нашелъ послѣдній настолько вѣрнымъ, что не смѣлъ ничего измѣнить въ немъ. Когда этотъ планъ былъ представленъ Главнокомандующему, то въ штабѣ удивлялись, что простой казакъ могъ исполнить его такъ хорошо и вѣрно, какъ дай Богъ каждому учившемуся офицеру. Поздно ночью возвратились мы въ Габрово, гдѣ командиры уже готовились ко взятію Шипки. Двинули было Орловскій полкъ, но одна его рота сбилась съ дороги и попала подъ перекрестный огонь, причемъ пострадала настолько сильно, что наши отступили, занявъ только передовыя возвышенности. Не забуду я при этомъ одного маленькаго эпизода: палатка наша была разбита неподалеку отъ знаменскаго пѣхотнаго караула. Это было вечеромъ, послѣ перваго Шипкинскаго боя. Вели мы разговоръ о сегодняшнемъ приступѣ. Часовой ходилъ, ходилъ, остановился и началъ прислушиваться; когда же дошелъ разсказъ до рукопашной, сердечный не вытерпѣлъ:

— И на мою долю, ваше высокоблагородіе, досталось-таки! — сказалъ онъ. — Насъ, значится, отбилась кучка отъ своихъ и наскочили мы нечаянно на турокъ; глядимъ, а турки вдругъ—ну бѣжать! Это отъ насъ-то, хоша ихъ гляди что втрое больше насъ было; какъ увидѣли мы, что бѣгутъ— давай сейчасъ за ними, да штыками почти всѣхъ и уложили, на мою долю, грѣхъ сказать больше, а пять человѣкъ досталось.—„Кравченко“! послышалось изъ-за денежнаго ящика:— „Кравченко? гдѣ стоишь“? — И караульный ефрейторъ напомнилъ часовому, что на часахъ разговаривать нельзя. Послѣдній замолчалъ и больше, разумѣется, не разговаривалъ. Намъ, однако, понравилось это: значитъ ефрейторъ понимаетъ, какъ должно, обязанности караульной службы.

Получено было извѣстіе, что на 15-е іюля предполагается опять штурмъ Шипкинскаго перевала, совмѣстно съ генераломъ Гурко, который съ юга изъ-за Балканъ отъ Казанлыка зашелъ въ тылъ Шипкинскимъ укрѣпленіямъ. Начальство надъ нашею (сѣверной) стороной вручено генералу Скобелеву 2-му. Самъ командиръ 8-го корпуса генералъ-лейтенантъ Радецкій и съ нимъ Его Высочество Николай Николаевичъ Младшій ѣздили удостовѣриться въ силѣ непріятельской позиціи, а какъ Скобелеву потребовалась и кавалерія, то приказано взять изъ нашего полка, да впрочемъ кромѣ насъ не откуда было. Орловъ послалъ мою сотню, такъ какъ она одна была въ полномъ составѣ, и приказалъ идти какъ можно скорѣе. Полною рысью пошла моя сотня, и недалеко за городомъ встрѣтилъ я возвращавшихся генераловъ Радецкаго, Дерожинскаго и Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго. Приказавъ догнать поскорѣе Скобелева, они всѣ пожелали мнѣ благополучно возвратиться. На второмъ или на третьемъ подъемѣ догналъ я пѣхоту, и здѣсь услышалъ разговоръ, что наши уже овладѣли редутомъ.

Въ первый разъ я на Кряжевыхъ Балканахъ. Какіе страшные подъемы, да еще при такой жарѣ!... Спасибо болгарамъ!... Ихъ тутъ было множество, со вьючными ослами, у которыхъ съ обоихъ боковъ подвязаны длинные водоносные боченки. Кабы не они, хоть умирай отъ жажды! Когда, про-

ѣхавъ уже первый покинутый непріятелемъ редутъ, достигъ я до первой площадки перевала и сталъ подъѣзжать къ недостроеннымъ турецкимъ казармамъ, то увидѣлъ Скобелева, ѣдущаго отъ турецкаго лагеря, расположеннаго за казармами. Я явился къ нему и поздравилъ съ занятіемъ Шипки.

— Да, Грековъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—намъ посчастливилось: турки сегодня на зарѣ очистили позицію и отступили по направленію къ Карлову, а вы сейчасъ же пошлите разъѣзды къ Карлову и на лѣвый нашъ флангъ.

Но вотъ на самой высокой точкѣ перевала, за лагеремъ, показалась большая масса всадниковъ и слышно было, что кто-то здоровается. Говорятъ генералъ Гурко, и Скобелевъ сейчасъ же рысью поѣхалъ ему на встрѣчу. Хорошая была минута, когда два русскіе генерала поздравили другъ друга и обнялись на вершинѣ Балканъ. Подъѣхали мы къ телеграфному столбу, и съ чувствомъ боли и ужаса въ сердцѣ увидѣли сложенныя около него восемнадцать отрѣзанныхъ русскихъ головъ; одна изъ нихъ была голова есаула Баштанина, начальника пластуновъ, нашего хорошаго знакомаго. Дальше, въ котловинѣ, образуемой горами, лежала большая куча обезображенныхъ русскихъ тѣлъ. Бѣдные герои! Мало того что убиты, но еще и тѣла ихъ поруганы изувѣрами!...

Адъютантъ Главнокомандующаго, капитанъ Ласковскій, отправился на рекогносцировку съ однимъ изъ разъѣздовъ, которымъ командовалъ сотникъ Поздѣевъ, и возвратился около полуночи. Турокъ въ окрестностяхъ уже не было.

Однако, правду говорили болгары, что ночью у нихъ „студено". Несмотря на іюль мѣсяцъ, около полуночи такъ стало вдругъ холодно, что мы подъ бурками дрожали какъ въ лихорадкѣ и, конечно, не заснули бы, еслибы не изобиліе турецкихъ палатокъ, доставшихся въ наши руки, да невкусный супъ изъ курицы, сваренный для насъ казачкомъ. Гдѣ ужъ онъ досталъ курицу—Богъ вѣсть! На это наши станичники имѣютъ, такъ сказать, особенный нюхъ и способность. Но если нашлася курица, то увы! оказался у казаковъ недостатокъ въ сѣнѣ: какое было въ торокахъ, лошади уже поѣли, а новаго достать негдѣ. Однако, съ разрѣшенія генерала

Скобелева, я послалъ въ турецкій лагерь за галетами, которыхъ нашлось тамъ великое множество, и такимъ образомъ наши лошади всю ночь грызли твердыя пшеничныя лепешки. На утро приказано было двигаться за Балканы, въ долину Тунджи, или такъ называемую долину Розъ. Спустившись съ первой возвышенности, мы увидѣли пластуновъ, въ надвинутыхъ на брови папахахъ и съ поникшими на берданки головами. Я подъѣхалъ къ нимъ, поздоровался, и увидѣлъ лежавшій среди ихъ обезглавленный трупъ.

— Кто это, станичники?

— Та це-жъ нашъ „батько", какъ они называли своего есаула Баштаннаго, и одинъ изъ нихъ при этомъ прибавилъ, покачавъ грустно головой: — Вже не скажетъ спиваты: „ходимо, братци, за граныцю". Это была его любимая пѣсня, которую онъ ихъ часто заставлялъ пѣть. Пошли мы дальше по спуску. Здѣсь по дорогѣ и по бокамъ ея валяются раздутые трупы убитыхъ турокъ, отъ которыхъ смрадъ преизрядный. А долина-то Розъ какая прелестная! Не даромъ ее называютъ „земнымъ раемъ". Обрамленная со всѣхъ сторонъ громадными горами, она орошается по срединѣ рѣкой Тунджей, одною изъ лучшихъ рѣкъ Турціи. По долинѣ разбросаны группами вѣковые грецкіе орѣхи: розы культивируются цѣлыми десятинами. И на это мы смотримъ съ высоты птичьяго полета. Сама Шипка показалась намъ очень хорошей деревней, но къ несчастью въ послѣдствіи, при вторичномъ взятіи, она была совершенно уничтожена турками. Не успѣли мы подложить сѣна лошадямъ, какъ уже приказано было сдѣлать всею сотней усиленный разъѣздъ по направленію къ городу Карлову, до первой деревни, гдѣ виднѣлись пожары, а оттуда велѣно прослѣдовать близъ Малыхъ Балканъ, выѣхать на Казанлыкское шоссе и возвратиться къ отряду. Тутъ грянула сильнѣйшая гроза, и стало такъ темно съ вечера, и пошелъ такой проливной дождь, что мы сбились съ дороги и возвратились очень поздно, промокнувъ до послѣдней нитки. На бивуакѣ къ намъ прибыли съ горъ вмѣстѣ съ другими войсками и остальныя двѣ сотни нашего полка съ командиромъ. Но здѣсь мы пробыли не долго: приказано было идти обратно за Балканы, въ Габ-

рово, оставивъ на перевалѣ часть пѣхоты съ саперами и полусотню казаковъ для разъѣздовъ и посылокъ. Осталась первая полусотня первой сотни. Признаться, скучно было возвращаться по пройденному уже пути; все хотѣлось бы впередъ и впередъ... Прійдя въ Габрово, мы услышали новость, что наши двѣ сотни, 3-я и 9-я, участвовали въ сраженіяхъ подъ Ловчей и Сельвіей и что послѣдній городъ успѣли защитить отъ турокъ, оттѣснивъ непріятеля къ Ловчѣ. Жаль только, что въ этихъ дѣлахъ, не считая потери рядовыхъ казаковъ, былъ убитъ хорунжій Гурбановъ, молодой еще человѣкъ и хорошій исполнительный офицеръ, и раненъ въ рукопашномъ бою ятаганомъ въ лѣвую часть лица съ разрубомъ щеки командиръ 6-й сотни есаулъ Аѳанасьевъ. Нашему полковому командиру Орлову хотѣлось поскорѣе увидѣть своихъ молодцовъ, но въ то же время и насъ не хотѣлось бросить; поэтому, узнавъ, что въ Сельвійскій отрядъ потребовалась кавалерія, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и попросился у генерала Радецкаго идти. Просьба его была исполнена. На утро мы выступили рано, оставивъ обозъ въ Габровѣ, и поэтому довольно рано еще успѣли придти въ Сельви, гдѣ сдѣлали маленькій привалъ и затѣмъ двинулись дальше къ Ловчѣ. Здѣсь простояли съ пѣхотой и артиллеріей четыре дня и отступили опять въ Сельви, оставивъ часть войска слѣдить за непріятелемъ у Ловчи. Въ Сельви же приказано было переѣхать изъ Габрова и всему нашему обозу.

Около 22-го числа іюля пріѣхалъ къ Ловчѣ генералъ Скобелевъ 2-й, которому приказано было сдѣлать усиленную рекогносцировку, въ коей я не участвовалъ, такъ какъ былъ посланъ, съ присланнымъ отъ Главнокомандующаго личнымъ адъютантомъ Его Высочества, полковникомъ Орловымъ, въ нѣкоторыя деревни, гдѣ, по донесеніямъ, будто бы рѣжутъ болгаръ, что однакоже оказалось вздоромъ. Послѣ рекогносцировки Ловчи 26-го числа, нашъ командиръ полковникъ Орловъ уѣхалъ въ главную квартиру съ подробнымъ донесеніемъ о результатѣ рекогносцировки, а мнѣ предписалъ завѣдывать полкомъ.

Жили мы спокойно въ Сельви, пока не пришла къ намъ

2-я пѣхотная дивизія, подъ командой свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, присланнаго съ тѣмъ, чтобы сдѣлать рѣшительное наступленіе на Ловчу и взять ее, присоединивъ къ себѣ всѣ части. какія находятся въ Сельви. Поэтому въ составъ отряда князя Имеретинскаго попалъ и я съ полутора сотнями, еще остававшимися въ моемъ распоряженіи.

Съ 21-го подъ 22-е августа ночью двинулись мы по шоссе на Ловчу: пѣхота, артиллерія, обозы, все это сплошь запрудило собою дорогу, такъ что намъ, казакамъ, пришлось идти по близости, стороною. Подъѣзжая ближе къ Ловчѣ, у большаго фонтана мы услышали вдругъ звуки музыки. Оказалось, что это была встрѣча нашему отряду, устроенная Скобелевымъ 2-мъ, который уже выбилъ турокъ съ первыхъ высотъ, занявъ ихъ своими силами. Такъ какъ я составлялъ конвой свѣтлѣйшаго, то и подъѣхалъ къ ставкѣ Скобелева, который, хлѣбосолъ какъ и всегда, уже приготовлялъ намъ закуску.

Написали диспозицію: на утро, въ 6 часовъ, начинать артиллерійскій огонь. На правый флангъ назначался генералъ Добровольскій, на лѣвый—генералъ Скобелевъ, а центръ свѣтлѣйшій оставлялъ подъ своею личною командой.

Въ 6 часовъ первая наша девяти-фунтовка возвѣстила начало боя, и вслѣдъ за этою первою гранатой начался жестокій огонь какъ съ нашей, такъ и съ турецкой стороны. Девяносто два нашихъ орудій по временамъ стрѣляли еще и залпами, отъ которыхъ земля содрогалась.

Въ часъ пополудни Скобелевъ двинулъ свои штурмовыя колонны на Рыжую-Гору, которая и была взята имъ; послѣ этого артиллерійскій огонь сталъ не столь жестокимъ, замѣнясь преимущественно огнемъ ружейнымъ, коего звуки производили на слухъ такое впечатлѣніе, какъ будто множество пустыхъ телѣгъ ѣдутъ по каменной мостовой бойкою рысью. Послано было приказаніе и генералу Добровольскому наступать, и въ то же время самъ князь Имеретинскій съѣхалъ съ батареи, гдѣ находился до этихъ поръ, и отправился на только что занятую Рыжую-Гору, приказавъ передвинуться впередъ и батареямъ, а Терскому эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя далъ порученіе заскакать съ лѣвой

стороны Ловчи. Нельзя было не полюбоваться на этихъ молодцовъ, когда, съ отклоненными назадъ корпусами, съ шашкой, крѣпко сжатою въ правой рукѣ, и съ заломленными на затылокъ папахами, на лихихъ лошадяхъ пронеслись они мимо насъ, довольные своимъ назначеніемъ, съ перспективой рукопашнаго дѣла. Кто-то изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ сидѣлъ возлѣ князя Имеретинскаго и, не отрывая отъ глазъ бинокля, смотрѣлъ на Калужцевъ, переправлявшихся черезъ Черную-Осму положительно подъ градомъ пуль; это выраженіе отнюдь не фигуральное: я помню, когда, слѣдя за переправой Калужцевъ, мы взглядывали иногда на поверхность воды, то намъ казалось, будто идетъ сильный дождь, столь часто падали въ нее пули. Рота, которая шла первою, положительно запрудила тѣлами рѣку, такъ что вода начала бурлить, но все-таки Калужцы шли дальше и дальше, и вотъ черезъ полчаса донеслось до насъ ихъ побѣдное у р а! При этомъ нашъ иностранецъ снялъ съ себя какого-то чуднаго покроя шапку и бросилъ ее о земь, въ сильномъ возбужденіи сказавъ по французски: что онъ никогда ничего подобнаго не видѣлъ, не слыхалъ и не читалъ, и что это только русскіе могутъ такъ настойчиво и хладнокровно идти въ аттаку.

Въ шесть часовъ вечера было уже все кончено; тѣла, какъ русскія, такъ и турецкія, лежали грудами. Калужскій полкъ понесъ большія потери, и несмотря на это, когда мнѣ пришлось встрѣтить часть его, смѣненную съ передовой позиціи, люди шли съ пѣснями, а впереди одинъ солдатикъ, повѣсивъ ружье за спину и заломивъ на бокъ кепи, вытанцовывалъ трепака въ присядку. Глядя на это, даже не вѣрилось какъ-то, что лишь нѣсколько минутъ тому назадъ эти самые люди обнимались со смертью.

Поѣхалъ князь посмотрѣть на мѣсто побоища, гдѣ казаки Кавказской бригады бросились въ атаку, на отступавшую турецкую пѣхоту, а Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя ударилъ отступающаго противника во флангъ. Тамъ лежало болѣе тысячи тѣлъ, поверженныхъ исключительно ударами шашекъ. Эти удары, по истинѣ, были

ужасны: или черепъ пополамъ, или голова совсѣмъ прочь снесена, или грудь съ плеча глубоко разсѣчена.

Весь отрядъ расположился здѣсь же бивуакомъ. Я поѣхалъ къ своимъ, гдѣ полковникъ Желтухинъ, прикомандированный къ нашему полку, уже спалъ подъ буркой. Прикорнулъ рядомъ и я; только чувствую, что вокругъ стоитъ смрадъ невыносимый. Откуда это? Куда мы попали? Оказывается, что мы окружены мертвыми тѣлами; но усталость превозмогла все, и чрезъ нѣсколько минутъ мы заснули крѣпкимъ сномъ.

Утромъ поднялась тревога. Отрядъ турокъ, шедшій вчера изъ Плевны на помощь Ловчинскому гарнизону, не успѣлъ прибыть вовремя, и лишь теперь, соединясь съ отступившими, повелъ вдругъ противъ насъ наступленіе. Опять загудѣли орудія. Генералъ Скобелевъ лично двинулъ впередъ свои колонны, въ которыя довольно мѣтко попадали непріятельскіе снаряды. Приходилось волей-неволей идти подъ горячимъ огнемъ, такъ какъ другаго, болѣе закрытаго пути не было. Одинъ снарядъ попалъ въ самую средину колонны, которая при этомъ лишь на одно мгновенье пріостановилась, заколыхалась и разступилась нѣсколько. Куча тѣлъ осталась на мѣстѣ, а колонна по командѣ: „сомкнись“! всетаки сдвинула ряды и опять тронулась впередъ. Но вѣроятно турки, увидѣвъ, что трудно уже насъ выбить изъ занятой позиціи, сами прекратили бой. До вечера осталось еще много времени, а изъ полученнаго приказанія было видно, что мы только завтра утромъ выступимъ подъ Плевну; поэтому многіе отправились было купаться, но увы! не на радость... Помню я, съ какимъ отвращеніемъ люди, не успѣвъ окунуться, выскакивали изъ рѣки, наполненной мертвыми тѣлами. Раздутые мертвецы (турецкіе) одинъ за другимъ всплывали на поверхность воды и тихо уносились въ даль теченіемъ.

Утромъ 24-го августа отрядъ вытянулся по шоссе къ Плевнѣ, но не доходя десяти верстъ, свернули мы по проселку на деревню Боготъ, гдѣ застали Кавказскую бригаду; по прибытіи сюда нашего отряда, Кавказской бригадѣ велѣно было перейти на лѣвый флангъ позиціи и стать на Ловченскомъ шоссе, по возможности наблюдая къ сторонѣ шоссе

Софійскаго. Князь Имеретинскій поѣхалъ осматривать занимаемую его отрядомъ позицію за Тученитскимъ оврагомъ. Всѣ батареи, которыя пришли съ нами, были выдвинуты впередъ для усиленія общей линіи артиллерійскаго огня, чтобы заставить непріятеля выказать свои силы, дѣйствующія собственно противъ насъ, т. е. противъ лѣваго фланга общей руской позиціи.

Проѣхавъ всю линію, князь остановился позади крайней нашей батареи, гдѣ мы слѣзли съ лошадей, чтобы дать немного отдохнуть и людямъ, и конямъ, такъ какъ съ ранняго утра не вставали съ сѣделъ.

— Клянусь безсмертіемъ души, меня не убьютъ!—говорилъ мой офицеръ, сотникъ Тихоновъ.

— Вотъ будетъ безсмертіе, какъ оторветъ руку или ногу, такъ по неволѣ умрешь,—замѣтилъ на это нашъ общій, хорошій пріятель, Сергѣй Васильевичъ Верещагинъ, братъ извѣстнаго художника, убитый 30-го числа, тутъ же подъ Плевной, на Зеленой-горѣ.

— Сотникъ Тихоновъ! — послышался голосъ отряднаго начальника штаба, полковника Паренсова. — Желаете ѣхать на рекогносцировку?

— Какъ прикажете, полковникъ.

— Ну, садитесь, поѣдемте.

Черезъ три часа полковникъ Паренсовъ возвратился уже на другой лошади, такъ какъ прежняя его была ранена, а изъ состоящаго при немъ конвоя тоже ранены два казака и три лошади. Но — глядимъ мы — гдѣ же нашъ Тихоновъ? Между конвоемъ нѣтъ его. Что это значитъ?.. Я спросилъ о немъ у Паренсова.

— А я его не примѣтилъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ: — вѣроятно отсталъ гдѣ-нибудь на позиціи.

Но вотъ ужъ и вечеръ, а Тихонова все нѣтъ какъ нѣтъ. Пришлось нарочно послать казака розыскивать его. Уже поздно вечеромъ, когда въ моемъ шалашѣ сошлось много нашихъ офицеровъ и въ томъ числѣ Сергѣй Верещагинъ, возвратился, наконецъ, посланный. При его появленіи вдругъ оборвался и смолкъ нашъ оживленный разговоръ: всѣ ожидали, что-то скажетъ казакъ про Тихонова.

— Нашелъ, ваше высокоблагородіе! — докладываетъ мнѣ казакъ.

— Ну, что же? Гдѣ онъ?

— Раненъ осколкомъ гранаты въ поясницу, по спинному хребту.

— Вотъ тебѣ и безсмертіе, — отозвался первый Верещагинъ:—теперь нечего и говорить,—смерть; а жалко: славный и веселый малый.

Не знаю, съ какою цѣлью мы возвратились въ Боготъ, а на утро 28-го числа, переправясь черезъ ручей, который довольно долго задержалъ отрядъ, двинулись по долинѣ и подошли къ Ловче-Плевненскому шоссе. Въ этотъ день генералъ Скобелевъ съ передовыми войсками заставилъ непріятеля отступить къ своимъ редутамъ, окончивъ бой уже поздно вечеромъ. Здѣсь опять геройски дрался Калужскій полкъ. Мои сотни расположились около самой дороги. Напившись чаю изъ котелка, лежалъ я съ сотникомъ Поздѣевымъ, какъ вдругъ слышимъ приближающійся говоръ; глядимъ—фонари, толпа людей. Спрашиваемъ:

— Откуда, земляки, идете?

— Калужцы раненые,—было намъ отвѣтомъ.

У меня и сонъ пропалъ. Пойду, думаю, ближе къ палаткѣ свѣтлѣйшаго,—можетъ быть, что новое есть, да тамъ и найдется съ кѣмъ поговорить.

Но въ то время, какъ я подошелъ къ палаткѣ, князь вышелъ самъ и принялъ двухъ приблизившихся къ нему офицеровъ, которые отрапортовали, что присланы изъ главной квартиры въ его распоряженіе. Голосъ одного изъ нихъ показался мнѣ очень знакомымъ. Подошелъ ближе, прислушиваюсь, разсмотрѣть нельзя,—но на слухъ, кажется, не ошибаюсь. Подождалъ, пока они откланялись князю, и подхожу къ нимъ съ вопросомъ:

— Кажется, баронъ Меллеръ-Закомельскій?

— Да, Меллеръ, а вамъ что угодно?

— Да неужели, Саша, меня не узнаешь?—и тутъ ужъ я безъ церемоніи бросился обнимать своего стараго и хорошаго школьнаго товарища.—Вотъ при какой обстановкѣ пришлось встрѣтиться.

29-го числа съ утра начался сильный артиллерiйскiй бой, а въ 10 часовъ, оставивъ прикрытiе при батареяхъ, весь отрядъ двинулся на деревню Брестовецъ, т.-е. ближе къ Зеленой-Горѣ, съ которой и предполагалось начать штурмъ прикрываясь ближнею отъ непрiятеля возвышенностью, а иначе непрiятельскiя гранаты били бы насъ во флангъ. Но для того, чтобы пройти къ деревнѣ Брестовцу, все-таки нужно было подняться на возвышенность и потомъ спуститься въ оврагъ. Какъ только голова колонны показалась на гребнѣ этой возвышенности, съ Кришинскаго редута понеслись прямо на насъ снаряды, и проходить это пространство стало весьма жутко. Здѣсь была построена новая батарея, съ которой орудiя сейчасъ же велѣно перевести ближе къ Зеленой Горѣ, такъ какъ послѣдняя къ этому времени очутилась уже въ нашихъ рукахъ, благодаря генералу Скобелеву, который по этому поводу лично прiѣхалъ съ докладомъ къ князю Имеретинскому. Генералъ Добровольскiй, присутствовавшiй при этомъ докладѣ, послалъ за своею коляской, гдѣ, по его словамъ, было кое-что съѣдобное, что и оказалось теперь какъ нельзя болѣе кстати: мы не ѣли цѣлый день, и понятно, были крайне голодны.

— Какой вы, однако, запасливый! — сказалъ ему князь Имеретинскiй:—даже и коляску для этого такъ близко отъ себя держите?

— Нѣтъ, князь, — съ грустною усмѣшкою отвѣтилъ Добровольскiй:—не для одного этого, а больше на случай, когда меня ранятъ или убьютъ; по крайней мѣрѣ, не придется дожидаться лазаретныхъ фургоновъ: своя коляска скорѣе увезетъ мое тѣло съ поля сраженiя!

И послѣ этихъ словъ на его лицѣ еще нѣсколько времени оставался оттѣнокъ грусти.

— Полноте, какiя у васъ нехорошiя думы, — успокоилъ было его князь, но бѣднякъ положительно предчувствовалъ недобрую судьбу свою: на другой день его въ первыхъ же рядахъ тяжело ранили, а четыре часа спустя, онъ уже скончался.

Послѣ небольшой закуски, князь Имеретинскiй съ генераломъ Скобелевымъ поѣхали впередъ осмотрѣть позицiю,

взявъ съ собою четырехъ казаковъ и меня. Казалось бы, подобный конвой слишкомъ малъ, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятеля; но на дѣлѣ вышло не то: удивительное чутье у этихъ турокъ! Словно имъ кто передавалъ, что это именно ѣдутъ начальники: чуть лишь показалась наша группа, состоящая всего изъ семи всадниковъ, какъ турки сейчасъ же открыли спеціально по насъ довольно горячій гранатный огонь и не прекращали его, пока мы не доѣхали до передовой позиціи. И все это опять-таки изъ Кришинскаго редута, — не даромъ его назвали у насъ въ отрядѣ „проклятымъ“. Подъѣхавъ къ батареѣ, Скобелевъ передвигался отъ орудія къ орудію, здороваясь съ прислугой и разспрашивая, попадаютъ ли наши снаряды. Солдаты, увидя своего любимаго генерала-товарища, отвѣчали ему бодро и даже весело. Оглянувшись и замѣтя меня, онъ сказалъ:

— А! и казакъ здѣсь! Ну что, Грековъ, хорошо?

— Не дурно, ваше превосходительство,—отвѣчаю ему, а самъ себѣ думаю: какъ ужъ не хорошо, коли гранаты такъ взрываютъ землю, что ни сосѣднихъ орудій, ни ихъ прислуги порой вовсе не видно, да еще весь этотъ милый спектакль съ аккомпаниментомъ осколковъ!..

Когда, осмотрѣвъ все, что требовалось, мы, наконецъ, поѣхали обратно, то, нечего грѣха таить, мнѣ вздохнулось такъ легко, какъ будто за все время пребыванія на батареѣ и не дышалъ.

На ночлегъ пріѣхали мы опять въ деревню Брестовецъ, и тутъ съ вечера пошелъ сильный дождь, а въ землянкахъ, какъ на зло, рѣшительно нѣтъ никакого помѣщенія, такъ что мнѣ, съ начальникомъ штаба, полковникомъ Паренсовымъ, пришлось расположиться на соломѣ, подъ хлябями небесными, прикрывшись кое-какъ спасительницами-бурками: и не промокнетъ, и согрѣетъ.

Утромъ рано двинулись къ Плевне-Славчинскому шоссе и оттуда прямо къ Зеленымъ Горамъ, гдѣ уже шелъ самый сильный артиллерійскій бой. Кавалеріи же нашего отряда, то-есть Кавказской бригадѣ полковника Тутолмина, Донской казачьей бригадѣ Курнакова и 1-й бригадѣ 4-й кавалерійской дивизіи (генералъ-маіора Леонова) при Донской бата-

реѣ № (кажется) 19-го, приказано было пройти оврагомъ и завязать бой съ Кришинскимъ редутомъ, чтобы отвлечь отъ насъ непріятельскій огонь, не только не дававшій намъ положительно ни минуты покоя, но и наносившій намъ, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи впередъ, довольно существенный вредъ выстрѣлами во флангъ. Это было въ достопамятный день 30-го августа, который, навѣрно, никогда не забудутъ люди, уцѣлѣвшіе тогда отъ смерти. Тяжелый былъ день, а ненастная погода еще усиливала и безъ того мрачное впечатлѣніе... При штурмѣ генераломъ Скобелевымъ двухъ редутовъ, намъ довелось на нѣкоторое время попасть въ ужасную сутолоку, гдѣ перемѣшались между собой и конные, и пѣшіе, и артиллерійскіе ящики. Никогда не забуду этого ужаснаго, непрерывнаго свиста безчисленныхъ пуль; это уже былъ не звукъ какъ бы частаго дождя, а именно одинъ дикій, непрерывный свистъ. Да и Господи! сколько же ихъ тамъ было выпущено!.. Не забуду и этого шипѣнья, и рева гранатъ, поминутно лопавшихся то здѣсь, то тамъ; этихъ надорванныхъ, осиплыхъ отъ утомленія и жажды голосовъ, кричавшихъ ура; командныхъ криковъ, заглушаемыхъ всѣми этими звуками и громомъ орудій, не разбирая что и какъ скачущихъ во весь духъ на позицію... но болѣе всего памятны мнѣ будутъ эти вереницы раненыхъ солдатъ и офицеровъ, ихъ сдержанные стоны, мучительно сжимающіе душу того, кто ихъ слышалъ. Говоришь, напримѣръ, съ человѣкомъ, на минуту отвернулся или отъѣхалъ въ сторону, глядь—онъ лежитъ ничкомъ, убитый, или поползъ назадъ, въ числѣ раненыхъ. А какіе бываютъ иногда раненые и контуженные. Помню, идетъ офицеръ, за нимъ деньщикъ тащится, и оба они, повидимому, совершенно цѣлы. Что онъ, раненъ развѣ?—спрашиваю у деньщика.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, спрашиваю, не говоритъ.—По счастію, близко тутъ случился докторъ. Я попросилъ его посмотрѣть офицера. Докторъ подошелъ къ нему съ участливымъ вопросомъ, куда онъ раненъ, но въ отвѣтъ получилъ только взглядъ самый безсмысленный. Тогда, уже безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, врачъ приказалъ посадить его въ лазаретную линейку, и обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Это контузія въ голову, и сильнѣйшая: не болѣе, какъ черезъ четыре часа—полное сумасшествіе на вѣки!

— Жаль, молодой человѣкъ!

Все это въ состояніи было не то, что разстроить, а просто, какъ говорится, надорвать самые здоровые нервы, и мнѣ порой тѣмъ удивительнѣе было глядѣть въ подобныя минуты на нашего начальника - князя. Это спокойное лицо, сдержанный видъ и отчетливость въ отдачѣ каждаго приказанія, въ сколь крутой моментъ оно ни отдавалось бы,— все это, долженъ сознаться, просто завидно! Но глядя на него, я чувствовалъ, какъ и самъ становился спокойнѣе, какъ на душѣ у меня будто все легче и легче. Таково-то въ иныя трудныя минуты испытаній жизни бываетъ безмолвное вліяніе нравственной силы одного человѣка на всѣхъ его окружающихъ.

Между тѣмъ Кришинскій редутъ, увлекшись нашею кавалеріей, весь огонь отъ насъ обратилъ на нее. Спасибо имъ, подумалось каждому. А фронтальный нашъ бой тѣмъ часомъ ничуть не уменьшается. Генералъ Скобелевъ присылаетъ сказать, что онъ занялъ второй редутъ и умоляетъ прислать ему подкрѣпленіе, но у насъ въ резервѣ уже ничего не оставалось, кромѣ знаменныхъ взводовъ...

— Откуда раненыхъ несете, земляки? — спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Какъ есть изъ-подъ самой Плевны, ваше благородіе,— отвѣтили санитары.

Оказалось, что Скобелевъ съ передовыми войсками, въ занятыхъ имъ редутахъ, находился всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ городского предмѣстья.

Бой утихъ, когда уже совсѣмъ настали сумерки, но ружейная перестрѣлка все еще продолжалась. По временамъ и она было затихала, но вслѣдъ за каждымъ такимъ затишьемъ, непремѣнно раздавались вдругъ то съ нашей, то съ непріятельской стороны частые залпы. Сейчасъ переполохъ, конечно. Что такое? Въ чемъ дѣло? А дѣло совсѣмъ простое: не въ моготу измученные, усталые люди до того ужъ изнурились и нравственно, и физически, что многіе изъ нихъ доходили до бреда, до галлюцинацій: какому - нибудь часо-

вому въ передовой цѣпи почудится вдругъ, ни съ того, ни съ сего, что къ намъ турки тишкомъ подползаютъ; онъ даетъ выстрѣлъ, и отъ этого сигнала сію же минуту огонь дружно подхватывается и принимается всею цѣпью; турки, конечно, отвѣчаютъ, и такимъ образомъ, минутъ на десять, на двадцать, опять пошла горячая перестрѣлка, пока-то, наконецъ, не убѣдятся тѣ или эти, что они лишь даромъ тратятъ свои патроны. Тогда опять на краткій промежутокъ воцаряется полное затишье, до чьей-нибудь новой галлюцинаціи. А дождь, между тѣмъ, все идетъ да идетъ, и конца ему, кажется, никогда не будетъ — холодный, осенній дождь, уныніе наводящій...

Достали мы нѣсколько споповъ, бросили ихъ въ грязь и помолились отъ всей души. Да, это была искренняя молитва благодаренія за то, что Господь сохранилъ насъ въ нынѣшній день; а что завтра—Его святая воля! Начальникъ всю ночь не спалъ, все писалъ и отправлялъ донесенія къ генералу Зотову и въ главную квартиру.

— Ваше высокоблагородіе, супъ готовъ,—отрапортовалъ мой казакъ,—а мы, надо замѣтить, вотъ уже три дня горячей пищи не видѣли; поэтому вся наша маленькая офицерская казачья компанія дружно вскочила на ноги и пошла къ костру. На дворѣ стояла уже темная, непроглядная ночь. Садясь у костра, я вдругъ замѣтилъ, что тутъ же кто-то лежитъ и стонетъ.

— Кто такой?—спрашиваю.

— Солдатъ, ваше высокоблагородіе,—раненый.

Нагнувшись ниже, я разглядѣлъ, что это вольноопредѣляющійся, совсѣмъ еще юный... Можетъ быть, только одинъ у матери и есть... Э-эхъ!.. жаль мнѣ его стало, и приказалъ я фельдшеру сдѣлать ему перевязку; оказалось, что раненъ въ ступню, но обойдется, вѣроятно, безъ ампутаціи. Мы его утѣшили, что ногу ему не отрѣжутъ, и я распорядился сейчасъ же призвать санитаровъ, чтобы отнести юношу на первый перевязочный пунктъ.

— Ваше высокоблагородіе, — стонетъ онъ ко мнѣ, — ужъ если вы столь милостивы, то позвольте лучше мнѣ до утра здѣсь остаться, здѣсь такъ хорошо.

Понятно, согрѣлся бѣдняга у костра, а послѣ перевязки и боль утихать стала.

На утро, 31-го августа, поднялась сильная тревога: турки перешли въ наступленіе, и завязался такой отчаянно-упорный бой, о какомъ доселѣ мы еще и понятія не имѣли. Наша горсть храбрецовъ не хотѣла отдать тѣ мѣста, на которыхъ еще вчера лилась кровь ихъ столь же храбрыхъ товарищей. Но, увы! непріятель былъ въ двадцать разъ сильнѣе... Османъ-паша собралъ теперь противъ Скобелева все, что было возможно, оставивъ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ своего оборонительнаго лагеря лишь ничтожныя по численности команды, необходимыя тамъ, какъ маска, дабы не совсѣмъ уже нагло въ глазахъ противника оголить свои обширные окопы. Вся остальная турецкая сила пять разъ обрушивалась на Скобелева, умолявшаго о подкрѣпленіи, въ которомъ ему по необходимости было отказано. Наша плевненская армія была уже ослаблена вчерашнимъ неудачнымъ штурмомъ, многіе баталіоны очутились менѣе, чѣмъ въ четырехсотенномъ составѣ; при томъ же на Гривицкомъ и Радишевскомъ фронтахъ ежеминутно ожидали весьма возможной вылазки Османа; все это заставляло главноначальствующаго русско - румынскимъ отрядомъ быть осторожнѣе и не вдаваться на сей день ни въ какое рискованное предпріятіе. Поэтому и Скобелеву поневолѣ было отказано въ подкрѣпленіи и... судьба „третьей Плевны“ такимъ образомъ окончательно была порѣшена въ пользу Османа.

По окончаніи боя на Зеленыхъ Горахъ, къ князю Имеретинскому пріѣхалъ Скобелевъ и, безмолвно обнявъ князя, вдругъ заплакалъ горькими, ѣдкими слезами... Понятныя слезы: человѣкъ жилъ великою вѣрой въ несомнѣнный успѣхъ, обдуманно велъ къ нему все дѣло, успѣлъ, что называется, схватить быка за рога, овладѣлъ этимъ желаннымъ успѣхомъ, держался съ нимъ цѣлыя сутки,—и какія сутки!—выдержавъ столько ужасныхъ натисковъ цѣлой арміи Османа, и жилъ все это время лишь одними нервами и нервами, натянутыми какъ струны до послѣдней возможности,—надо же было этому состоянію нервовъ чѣмъ-нибудь, наконецъ, разрѣшиться,—или смѣхомъ, или слезами...

Принесли стрѣлки своего генерала Добровольскаго; былъ живъ еще, но скоро умеръ; молодой еще былъ генералъ. Сергѣя Верещагина, говорятъ, убили; а спустя часа два послѣ этого извѣстія его братъ Василій пріѣхалъ изъ главной квартиры и привезъ ему знакъ отличія военнаго ордена.

— Господи, неужели же правда!? Говорятъ, приказано отступать, потому что турки сильно напираютъ. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я отступленіе и то, что при этомъ бываетъ... Всѣ части перемѣшались между собой, вышла каша какая-то. Спасибо еще хладнокровію князя, который велѣлъ принять самыя строгія мѣры, чтобъ установить порядокъ, а самъ до тѣхъ поръ не съѣхалъ съ позиціи, пока не пропустилъ всѣ войска; остались арріергардъ и цѣпь, которую замыкалъ собою Скобелевъ, слѣзши со своей бѣлой лошади. Невыразимо грустно и просто больно до слезъ было оставлять тѣ мѣста, гдѣ мы хотя и не долго пробыли, но за то столь много и много пережили...

Отступили мы на первыя свои позиціи по обѣимъ сторонамъ Ловче-Плевненскаго шоссе.

31-го числа, ночью, пріѣхалъ изъ главной квартиры казакъ и привезъ князю Имеретинскому приглашеніе пріѣхать 1-го сентября, къ 10-ти часамъ утра, на большую осадную батарею, гдѣ имѣетъ быть военный совѣтъ, въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго. Князь опять взялъ съ собою меня и десять человѣкъ казаковъ. Ѣхать пришлось по Радишевскому фронту, вдоль линіи, занятой нашею арміей, и эта линія сплошь была изрыта непріятельскими гранатами.,.

На батареѣ застали мы пока только нѣсколькихъ генераловъ и въ томъ числѣ генералъ-лейтенанта Зотова, но нѣсколько минутъ спустя пріѣхалъ князь Румынскій въ коляскѣ, запряженной четверткою коней съ уносами и съ какимъ-то звономъ подъ шеями дышловыхъ; этотъ оригинальный звонъ можно сравнить со звукомъ, когда бьешь по разбитому чугунному котлу.

Но вотъ показалась коляска съ четверкой вороныхъ великолѣпныхъ лошадей. Великій Князь остановился въ полуверстѣ, пересѣлъ на своего любимаго и вѣрнаго слугу „Ры-

жаго“ и поѣхалъ шагомъ на батарею. Со всѣми онъ былъ очень любезенъ, князю Имеретинскому подалъ руку и поздравилъ съ Георгіемъ 4-й степени за взятіе Ловчи. На батареѣ всѣ слѣзли съ лошадей, и Главнокомандующій пошелъ смотрѣть въ подзорную трубу на Плевну. Возвращаясь оттуда къ столу, на которомъ были разложены карты, и увидѣвъ меня, Его Высочество спросилъ:

— Ты старшій штабъ-офицеръ въ полку?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество,—полковникъ Иловайскій.

Но кто-то стоявшій сзади меня замѣтилъ, что Иловайскій уже переведенъ въ полкъ № 31; я же, признаться, совсѣмъ не понималъ пока въ чемъ дѣло и ради чего освѣдомляются объ Иловайскомъ,—стою себѣ молча.

— Въ такомъ случаѣ примешь 30-й полкъ ты,—сказалъ Великій Князь, обращаясь ко мнѣ,—и надѣюсь, что поддержишь въ немъ то хорошее направленіе, которое дано твоимъ предшественникомъ, Давидомъ Орловымъ. Давидъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, отчисленъ въ свиту,—прибавилъ Главнокомандующій и подалъ мнѣ руку.

Отъ такого пріятнаго и неожиданнаго сюприза я окончательно растерялся. Начались поздравленія. Между тѣмъ Главнокомандующій со старшими начальниками подошли къ столу и открыли совѣщаніе, которое продолжалось добрыхъ часа три, и затѣмъ Великій Князь угостилъ насъ завтракомъ. Послѣ закуски онъ поѣхалъ самъ на позиціи къ Тученицкому оврагу, а мы съ княземъ Имеретинскимъ отправились къ своему отряду.

2-го сентября нѣкоторыя части изъ нашего отряда отправлены были обратно въ Боготъ, куда переѣхалъ и князь Имеретинскій со штабомъ.

Боготъ за эти три дня, что мы въ немъ не были, значительно измѣнился: куда ни посмотришь, повсюду госпитальныя палатки; по дорогѣ длинною вереницею тянутся транспорты раненыхъ, отправляющихся въ тылъ арміи; другіе транспорты только еще нагружаются страдальцами, въ ожиданіи отправки; на кладбищѣ новые ряды свѣжихъ могилокъ... Вообще картина непривлекательная.

3-го сентября я получилъ отъ нашего полкового казначея изъ Горнаго Студня записку, гдѣ онъ меня извѣщалъ, что походный атаманъ, генералъ-лейтенантъ Ѳоминъ, приказалъ мнѣ сейчасъ же пріѣхать въ Горный Студень, чтобы принять полковой денежный ящикъ и затѣмъ отправляться къ полку въ городъ Сельви.

Пріемка продолжалась не долго, а потому и я вскорѣ отправился къ мѣсту назначенія съ нашимъ полковымъ обозомъ, по недоразумѣнію попавшимъ въ Студень, и съ командой слабосильныхъ казаковъ. Сельвинскій бивуакъ своего полка засталъ я уже на другомъ мѣстѣ, около водяной мельницы, такъ какъ прежнее низменное мѣсто было чрезвычайно сыро.

Узнавъ отъ начальника Сельвинскаго отряда, что намъ придется здѣсь простоять довольно долго, я приказалъ копать землянки для наличныхъ нижнихъ чиновъ, а также для себя и канцеляріи. При полковомъ штабѣ находилась одна лишь 5-я сотня; остальныя же части полка были расположены въ слѣдующихъ пунктахъ: 6-я сотня—въ деревнѣ Баташовѣ, высылая разъѣзды къ Габрову, на гору Мара-Гайдукъ и къ Новоселову; 1-я и 2-я сотня въ Траянскомъ монастырѣ, имѣя постъ въ Новоселовѣ и посылая разъѣзды къ Новоселову, на Балканы и къ городу Траяну; 3-я и 4-я сотни—въ городѣ Траянѣ, посылая разъѣзды къ монастырю, на Траяновъ перевалъ и по шоссе къ Ловчѣ. Такимъ образомъ линія отъ Габрова до Траянова перевала охранялась моимъ полкомъ, причемъ намъ было строго приказано не пропускать никого ни за Балканы, ни изъ-за Балканъ, и чуть что замѣтимъ на горахъ—тотчасъ же давать знать одновременно въ три пункта: въ Ловчу, Сельви и Габрово. 6-й сотни войсковому старшинѣ Аѳанасьеву приказано было произвести рекогносцировку перевала черезъ гору Мара-Гайдукъ, высшую точку Балканскаго хребта, и узнать, насколько перевалъ этотъ можетъ быть проходимъ. Въ первый разъ порученіе это не удалось Аѳанасьеву, по случаю сильной метели на горныхъ высяхъ. Здѣсь всегда бываетъ такъ, что если въ долинахъ ясная, свѣтлая погода, то на горахъ метель, и наоборотъ. Вторично Аѳанасьевъ пошелъ съ ротой

Старо-Ингерманландскаго полка, штабсъ-капитана Яковлева, и на этотъ разъ имъ удалось овладѣть непріятельскимъ редутомъ на Мара-Гайдукѣ, причемъ въ наши руки досталось много патроновъ и разныхъ запасовъ.

Скучную жизнь проводили мы въ нашихъ землянкахъ, гдѣ и сырость, и духота, и темнота, да вдобавокъ и мыши еще завелись. Вотъ уже и снѣгъ выпалъ, и даже очень порядочный, а говорили, что въ Болгаріи зимы не бываетъ. Выйдешь, бывало, при восходѣ и любуешься на вершины Балканъ, гдѣ снѣга блестятъ какъ брилліанты и переливаются цвѣтами опала,—только и развлеченія нашего было!... Впрочемъ, однажды тишина и спокойствіе нашей стоянки были нарушены. Случилось это такъ: стоялъ не вдалекѣ отъ насъ запасный артиллерійскій паркъ, который приказано было перевести, кажется, въ Габрово. Изготовился паркъ къ выступленію только вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Ящики и повозки стояли уже запряженными, и лошади, недавно пришедшія изъ Россіи, были пока еще очень сыты. Чего онѣ вдругъ испугались—не знаю, но только всѣ двадцать четверокъ, безъ ѣздовыхъ и возчиковъ, понеслись съ мѣста въ разныя стороны.

Раздались крики „тпру! тпру"! а кому то почудилось „турки"! и это послѣднее слово было подхвачено въ разныхъ мѣстахъ разными голосами. Вообразилось, что весь этотъ переполохъ надѣлалъ внезапно появившійся непріятель. Нѣсколько четверокъ бѣшено неслись прямо на нашъ бивуакъ, но, къ счастью, казаки успѣли ихъ перенять и не допустили до бивуака, гдѣ кони могли бы и передавить, и перекалѣчить людей, и перековеркать множество вещей и вообще натворить не мало вреда.

Между тѣмъ, дежурная часть моего полка въ десять минутъ была уже готова и я самъ повелъ ее рысью ближе къ Балканамъ. Пройдя пять верстъ, я остановился, чтобы прислушаться, гдѣ же, наконецъ, непріятель, такъ какъ видѣть въ потьмахъ не было никакой возможности. Но кругомъ все тихо. Дошли мы до нашего поста, спрашиваю, постовые увѣряютъ, что все благополучно, ничего-де такого не замѣчали, а шумъ какой-то точно слышали, только не впереди, а въ

тылу, на бивуакахъ. Тутъ ужъ окончательно выяснилось, что тревога была фальшивая. Но, къ несчастію, въ ея сумятицѣ поплатились жизнью шесть человѣкъ солдатъ, раздавленныхъ кто во снѣ, кто по оплошности, въ потемкахъ, подъ колесами несущихся фургоновъ, нагруженныхъ снарядами. Впослѣдствіи случилась и еще одна тревога, подъ Еленой, о которой сообщилъ намъ мимоѣздомъ какой-то казакъ, проскакавшій съ донесеніемъ.

20 декабря была у насъ получена телеграмма изъ Ловчи, отъ генералъ-лейтенанта Карцова, которому мы подчинялись какъ начальнику Сельви-Ловчинскаго отряда. Телеграммой этой предписывалось мнѣ собрать полкъ 22-го числа въ городѣ Траянѣ; обозы, денежные ящики, лазаретныя линейки и всѣ тяжести оставить въ Сельви; людямъ имѣть шестидневный запасъ сухарей. Равнымъ образомъ и графу Татищеву со ввѣреннымъ ему полкомъ (Старо-Ингерманландскимъ пѣхотнымъ) велѣно выступить тоже въ Траянъ; но зачѣмъ, съ какою цѣлью—о томъ ничего намъ не было извѣстно. Полусотню я оставилъ при полковомъ штабѣ, а остальныхъ казаковъ взялъ съ собою. Поздно вечеромъ 22-го числа прибыли мы въ Траянъ, и здѣсь узналъ я, что двѣ сотни моего полка, по приказанію отряднаго начальника, уже двинулись на Княжевицкія кулибы, ближе къ Траянову перевалу. Такъ вотъ, значитъ, зачѣмъ насъ сюда собирали! Приходится переходить Балканы черезъ Траяновъ-Черепъ, гдѣ горный кряжъ достигаетъ наибольшей своей высоты и крутости (6,600 фут.). Но какъ-то мы будемъ лѣзть на такую кручу, да еще по такому глубокому снѣгу! По правдѣ говоря, было надъ чѣмъ призадуматься, тѣмъ болѣе, что, какъ слышно было изъ разговоровъ свѣдущихъ людей, Траяновъ-Черепъ искони почитался недоступнымъ для военныхъ цѣлей и движеній. Предстояло, значитъ, разрѣшить задачу, доселѣ считавшуюся неразрѣшимою. Что-жъ, никто, какъ Богъ! Его святая воля!

Хотя было уже поздно, но я приказалъ тотчасъ же вязать каждому казаку „китки“, забирая въ нихъ какъ можно больше сѣна, и вязать ихъ въ торока къ сѣдламъ, такъ какъ

мѣстные болгары сказываютъ, что тамъ, на горахъ, сѣна не найдется.

Только что мы успокоились, какъ въ первомъ часу ночи пріѣхалъ казакъ съ приказаніемъ, чтобы и остальныя сотни выходили изъ Траяна, направляясь далѣе въ горы, по берегу Бѣлой-Осмы. Ѣхать этою дорогой, да еще въ темнотѣ, было мученье, но за то Осма въ этихъ мѣстахъ такъ прекрасна, такъ живописно крутится и падаетъ водопадами на обрывъ и быстрыми, прозрачными волнами катится по каменистому дну. У кулибъ (кулибами называются у болгаръ хутора въ двѣ-три хаты, разбросанные по горамъ) мы коекакъ переправились въ бродъ черезъ Осму и на маленькой площадкѣ догнали свои передовыя сотни, пѣхоту и батарею, изъ которой уже два орудія были разобраны по частямъ, для облегченія подъема. 10-й же стрѣлковый баталіонъ, какъ намъ сказали, еще до свѣта полѣзъ на кручу и съ нимъ болгарская чета Цеко Петкова съ частью саперъ.

Глядя на первый подъемъ каждый задавалъ себѣ вопросъ: „да какъ же тутъ влѣзешь“? Но разсуждать и раздумывать было некогда. Подана команда, движеніе и подъемъ начались. Какія усилія! Ѣдешь верхомъ—лошадь ложится въ снѣгу по брюхо; слѣзешь, пѣшкомъ пойдешь—задыхаешься отъ усталости, начинаешь на четверенькахъ карабкаться. По неволѣ пришлось браться (казаки придумали) за хвосты своихъ лошадей; этотъ послѣдній способъ для движенія, правда, легче другихъ, но въ глубокомъ снѣгу самъ не всегда поспѣешь за конемъ, потому что то и дѣло путаешься ногами, спотыкнешься, упадешь и волочишься за лошадью, а мерзлый снѣгъ набирается въ рукава, за голенища, за воротникъ,—холодно, мокро, мерзко вдругъ станетъ. Пройдемъ такимъ-то образомъ шаговъ пятьдесятъ и—стой! Роздыхъ необходимъ, и весь отрядъ останавливается. Поминутныя задержки то впереди, то сзади. Каждое тѣло орудія, безъ лафета, колесъ и прочихъ принадлежностей, везли восемь паръ буйволовъ, да кромѣ того еще впереди за лямки тянули цѣлая рота пѣхоты и сотня казаковъ. Смѣны казаковъ солдатами и солдатъ казаками происходили чуть не поминутно, и каковы же были усилія, если и при столь

частыхъ смѣнахъ люди доходили каждый разъ до крайняго изнеможенія. На каждомъ шагу требовались просто нечеловѣческія усилія. А между тѣмъ все выше и выше поднимались мы, дышать становилось все труднѣй и труднѣй. Морозный воздухъ на высотахъ былъ очень разрѣженъ. У многихъ кровь пошла носомъ, иные закашляли кровью. Мѣстами, расчищая дорогу, открывали ту мостовую, которую въ отдаленной древности строили здѣсь легіоны Траяна; по мѣстнымъ болгарскимъ преданіямъ, въ древнія времена здѣсь не разъ и не мало гибло войскъ и римскихъ, и иныхъ, въ борьбѣ съ неодолимою природой. Неужели и намъ суждено погибнуть?—невольно думалось каждому, тѣмъ болѣе, что болгары предупреждали, что если поднимется вьюга, то спасенья уже нѣтъ никакого. Какіе странные подъемы: лѣзешь, лѣзешь, кажись безъ конца; по суммѣ времени и утомленію сдается такъ, будто проползъ уже и весьма значительное пространство, выбился изъ силъ; дадутъ вздохнуть, посмотришь назадъ, а хвостъ отряда—вотъ онъ, рукой подать! Это значитъ, что для того, чтобы влѣзть на какой-нибудь уступъ, нужно сначала обойти его по кое-какимъ отлогостямъ и карнизамъ, а иначе напрямикъ подняться нечего и думать. А то еще эти карнизы!.. Тропинка самая узенькая тянется въ гору: посмотришь въ одну сторону—бездонная пропасть, куда рискуешь слетѣть при малѣйше невѣрномъ шагѣ, а съ другой стороны страшная скала нависла, какъ будто хочетъ васъ спихнуть въ эту пропасть. При входѣ такими мѣстами, иной разъ нервныя мурашки по тѣлу пробѣгали. Стараешься ужъ лучше и не глядѣть, особенно внизъ, а смотришь только прямо предъ собой. Такъ-то какъ будто все же лучше съ непривычки.

Наконецъ, голова колонны остановилась. Что это значитъ? Конецъ движенію, что ли? Послали справиться. Говорятъ, бывшій турецкій караулъ, брошенная овчарня. Подъѣхалъ и я къ полуразрушенной каменной постройкѣ и здѣсь познакомился съ новыми лицами. То были генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, начальникъ нашего отряднаго штаба, которому было поручено сдѣлать рекогносцировку укрѣпленій на перевалѣ, и штабъ-ротмистръ Всево-

лодъ Владиміровичъ Крестовскій, присланный въ передовой эшелонъ отряда въ качествѣ ординарца и въ помощь полковнику Сосновскому при рекогносцировкѣ и для проложенія пути на Траяновъ-Черепъ. Тамъ же находились и еще двѣ замѣчательныя личности: атамамъ болгарской четы Цеко Петковъ, извѣстный всей Болгаріи какъ народный герой, всю жизнь свою посвятившій на борьбу съ турками въ балканскихъ трущобахъ, и настоятель болгарскаго Траянова монастыря, отецъ Макарій. Что за симпатичный и достойнѣйшій человѣкъ! Многимъ мы ему обязаны. На пустынныхъ высяхъ, разумѣется, ужъ ничего не достанешь ни за какія деньги, а онъ доставлялъ намъ сюда на монастырскихъ вьюкахъ и хлѣбъ, и мясо жареное и вареное, вино и ракію. Конечно, не одинъ я изъ участниковъ Траянскаго перехода вспомню его съ теплою сердечною благодарностью.

У овчарни дали отдохнуть отряду и двинулись дальше.

— Да далеко еще до вершины?

— А вонъ, надъ этими облаками,—видите обнаженный, словно бы блестящій холмъ, вотъ тотъ, что кажется, будто слился съ облаками,—это и есть высшая точка Траянова перевала, такъ называемый Траяновъ-Черепъ.

— Это туда взбираться?..

— Туда.

— Благодарю покорно! Моціонъ, значитъ, предстоитъ еще не малый.

А назадъ на пройденное пространство посмотришь,—такъ какъ будто все покрыто туманомъ, изъ котораго торчатъ кое-гдѣ отдѣльныя верхушки горъ и лѣсовъ. Кажется, будто мы уже далеко, далеко отъ всего живаго,—ни одна птица не пролетитъ, даже горные орлы куда-то запрятались отъ этого жестокаго мороза. Одинъ лишь человѣкъ пытается пока еще продолжать борьбу съ суровою природой... Идешь и вдругъ обдаетъ тебя какимъ-то густымъ бѣлымъ туманомъ, въ которомъ почти нечѣмъ дышать; затѣмъ чрезъ нѣсколько времени опять прояснится все вокругъ и тутъ замѣчаешь, что вся одежда твоя покрыта цѣлыми слоями морозной пыли. Это значитъ, что одно какое-нибудь облако, спустившись ниже другихъ, проходя по скаламъ, оставило часть

своихъ клочковъ въ какомъ-нибудь заслоненномъ отъ вѣтра пространствѣ или въ чащѣ буковаго лѣса, и мы попали именно въ тотъ застрявшій клочекъ облака.

Надо замѣтить одну изъ особенностей центральныхъ Балканъ. Они покрыты разнороднымъ лѣсомъ лишь до пяти тысячъ футовъ высоты, но выше этой черты нѣтъ никакой растительности. Такъ и на Траянѣ—послѣдній предѣлъ его растительности составляетъ буковый лѣсъ, деревья коего достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Миновавъ этотъ лѣсъ, мы подошли къ послѣднему подъему, откуда начинается уже голый Черепъ и къ семи часамъ вечера были на его вершинѣ. Говоря относительно и принявъ въ соображеніе всѣ предварительные труды, это было чрезвычайно быстро,—но за то и стоилъ же намъ просто невозможныхъ усилій этотъ подъемъ!... По поясъ въ снѣгу, какъ-нибудь ошибешься ступить ногой, и проваливаешься еще глубже или покатишься назадъ. Хорошо еще, что снѣгъ былъ не совсѣмъ-то рыхлый, такъ что могъ сдерживать упавшаго человѣка своею плотностью, а то бѣда бы!...

Между тѣмъ къ семи часамъ уже совсѣмъ стемнѣло, такъ что не только производить рекогносцировки, но и впередъ двигаться было возможно съ крайнимъ трудомъ, почти что ощупью: ни предъ собою, ни съ боковъ ничего не видно—повсюду стоитъ какъ стѣна одна лишь бѣлесоватая мгла, въ которой исчезали всѣ очертанія даже ближайшихъ предметовъ.

Поднявшись на самый Черепъ, отрядъ остановился, и начальствующія лица сошлись на совѣщаніе, что и какъ теперь сдѣлать. Рѣшили послать впередъ болгарскую чету вмѣстѣ съ охотниками; за ними—10-й стрѣлковый баталіонъ, а за баталіономъ мой полкъ. Но какъ только тронулись стрѣлки, въ сторонѣ вдругъ загорѣлся огромный костеръ. „Что это значитъ“? спрашивали мы другъ у другъ. „Кто это вздумалъ оказать намъ некстати такую услугу“? Но на эти вопросы, конечно, никто не могъ дать пока удовлетворительнаго отвѣта, впослѣдствіи же оказалось, что это былъ предупредительный сигнальный огонь, вслѣдствіе чего наши передовые охотники, будучи подпущены къ под-

крѣпленію на самую близкую дистанцію, были встрѣчены сначала отдѣльными выстрѣлами, а затѣмъ и залпами. Но отрядъ, несмотря на это, все-таки продолжалъ свое движеніе впередъ, такъ какъ задача его заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать демонстрацію, съ цѣлью отвлечь къ Траяну часть турецкихъ силъ отъ Шипки и Златицы, дабы облегчить операцію спуска нашимъ сосѣднимъ отрядамъ и въ особенности отряду М. Д. Скобелева. Вмѣстѣ со строевыми частями двигались впередъ и наши коноводы, даже офицерскіе вьюки. Подполковникъ Сосновскій на послѣднемъ совѣщаніи высказалъ предположеніе, что если удастся взять укрѣпленіе „въ лобъ", то, не ограничиваясь демонстраціей, въ эту ночь перевалить на южный склонъ хребта, что, во всякомъ случаѣ, при нашихъ ничтожныхъ силахъ и средствахъ было бы крайне рискованно. Въ виду возможности если не перевалить въ Долину Розъ, то заночевать въ самомъ турецкомъ укрѣпленіи (буде удастся имъ овладѣть), велѣно было двигаться и вьюкамъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и вьюки, и коноводы могли бы удобно оставаться и на мѣстѣ нашего послѣдняго роздыха на самой вершинѣ. А то вышло, что при отступленіи, которое, впрочемъ, въ началѣ не предполагалось, они только крайне затруднили движеніе строевыхъ частей по узкой тропинкѣ.

Отрядъ развернулся предъ укрѣпленіемъ въ боевой порядокъ, но огня не открывалъ, дабы не обнаруживать свою количественную слабость. Ему предстояло только заявить свое присутствіе въ этомъ недосягаемомъ мѣстѣ и оставаться пассивно въ теченіи извѣстнаго времени подъ выстрѣлами противника. За то и открыли же турки по насъ огонь, да какой!—не тотъ шальной огонь, наобумъ, къ какому мы приглядѣлись уже подъ Ловчей и Плевной, а огонь совершенно правильными залпами, съ выдержкой, по командѣ, что явно указывало на присутствіе въ укрѣпленіи не ополченскаго сброда, а регулярной и очень хорошо дисциплинированной части. Вотъ уже и раненые встрѣчаются, и ни имъ, ни коноводамъ невозможно своротить съ тропинки. Перевязку, за неимѣніемъ доктора, оставленнаго на перевязочномъ пунктѣ у овчарни, дѣлалъ моего полка ветеринарный

врачъ Котлубай, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не оставлявшій строевыхъ частей полка, почему не рѣдко приходилось ему исполнять обязанности даже и строевыхъ офицеровъ. Дѣлать перевязку въ темнотѣ, конечно, трудно; поэтому зажгли отыскавшійся въ чьемъ-то вьюкѣ фонарь или просто свѣчу,—не помню ужъ въ точности. Но чуть лишь показался этотъ свѣтъ, какъ на него сразу направились непріятельскіе залпы. Пришлось потушить огонь, хотя выстрѣлы и послѣ того нѣсколько времени продолжались еще въ томъ же направленіи. Хочется курить. Кто-то по близости зажегъ спичку подъ полой бурки, но и этого слабаго отсвѣта было достаточно, чтобы новыя пули усиленно зажужжали около насъ. Такъ и не удалось выкурить папироску. Непріятель старался бить на свѣтъ или на звукъ голоса, и, принявъ въ соображеніе число раненыхъ у насъ въ этомъ дѣлѣ, надо сознаться, что попытки его были не совсѣмъ-то неудачны. Въ такомъ положеніи, изображая изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ мишени для противника, пробыли мы, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ турецкаго укрѣпленія, съ семи часовъ вечера до трехъ часовъ утра, при лютомъ морозѣ. Въ четвертомъ часу говорятъ—отступать приказано. Но что это было за отступленіе!... Я ужъ и разобрать ничего не могъ. Каша какая-то на одной узенькой тропинкѣ.

Вышли мы наконецъ изъ-подъ выстрѣловъ на то мѣсто Черепа, откуда начали нашу демонстрацію къ турецкому укрѣпленію. Здѣсь подулъ вдругъ очень рѣзкій и холодный вѣтеръ, такъ что солдаты и казаки только топчутся, да подпрыгиваютсъ на мѣстѣ, чтобы согрѣться и не отморозить ногъ. А было уже довольно таки озноблeнныхъ! Подошелъ ко мнѣ мой старшій офицеръ, войсковой старшина Грузиновъ, и заявилъ, что китки всѣ поѣдены и лошадей невозможно держать въ поводу отъ холода. Я сказалъ объ этомъ подполковнику Сосновскому и просилъ, если не будетъ наступленія, позволить мнѣ съ полкомъ спуститься съ голаго Черепа и стать въ буковомъ лѣсу, гдѣ болѣе защиты отъ вѣтра; на это онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ и весь передовой отрядъ спускался, оставивъ лишь малую часть для наблюденія за непріятелемъ.

Спускъ обратно былъ до такой степени тяжелъ и непріятенъ, что и теперь вспоминаю я о немъ скорѣе какъ о какомъ-нибудь сонномъ кошмарѣ, чѣмъ о дѣйствительности, пережитой нами. Морозная ночь, студенный завывающій вѣтеръ, ни зги не видно... Въ потьмахъ мы сбились съ пути нами же самими проложеннаго, и, перемѣшавшись какъ попало, мѣстами просто кубаремъ катились куда-то внизъ съ такой кручи, гдѣ держаться на ногахъ окончательно не было никакой возможности. Ничего нельзя было разобрать. Солдаты, упираясь на ружья, падали и при паденіи дѣлали нечаянные выстрѣлы, такъ что того и гляди что ранятъ, и при этомъ постоянныя остановки вслѣдствіе чрезмѣрнаго скученія людей и лошадей, предъ разными преградами въ видѣ скалъ или обрывовъ и полной неизвѣстности куда и какъ теперь двигаться. Старались только, скорѣе по инстинкту, чѣмъ по какимъ-либо признакамъ, держаться на сѣверъ. Порой совсѣмъ уже казалось, что природа начинаетъ окончательно преодолѣвать всѣ наши невѣроятныя усилія въ борьбѣ съ нею... Знаю только, что мѣтко и справедливо назвалъ тогда же это отступленіе „картиною изъ Дантова Ада“ одинъ изъ участниковъ дѣла этой достопамятной ночи.

Наконецъ, ужъ подъ утро, добрались мы до лѣса, гдѣ оставленныя нами резервныя части и артиллеристы всю ночь жгли огромные костры. Какъ отрадны были намъ свѣтъ и тепло, расточаемые ими! Подошелъ я къ одному изъ такихъ костровъ: сидятъ вокругъ него человѣкъ двадцать солдатъ; нѣкоторые уже поснимали сапоги, сушатъ портянки, словомъ, совсѣмъ какъ дома. Лежитъ тутъ же на снѣгу какая-то фигура съ закутанною въ башлыкъ головой, гляжу—башлыкъ почти загорается отъ откатившихся горящихъ головней.

— Гляди-ка, братцы, голова горитъ!

— Ничего!—отвѣчаетъ кто-то:—башлыкъ казенный: не загорится.

Оказалось, однако, что вовсе не казенный: это лежалъ штабъ-ротмистръ Крестовскій, только-что спустившійся съ нами съ Черепа, и уже спалъ, какъ убитый. Да и многіе заснули такимъ же мертвымъ сномъ послѣ понесенныхъ трудовъ, и

заснули просто на снѣгу, одѣтые въ заледенѣлое платье. Здѣсь, въ этомъ лѣсу, пришлось прожить намъ до 26-го числа декабря, пока не стянулся весь отрядъ. Пріѣхалъ графъ Татищевъ и до прибытія генерала Карцова принялъ, по его приказанію, начальство, а подполковникъ Сосновскій уѣхалъ въ квартиру отряднаго штаба. Посланныя на деревню Шипково правѣе насъ двѣ сотни, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова, возвратились къ отряду, такъ какъ для нихъ не оказалось никакой возможности перейти въ предназначенномъ мѣстѣ; благодаря этому обстоятельству, нашъ полкъ собрался въ полномъ своемъ составѣ. Здѣсь въ первый разъ я познакомился съ Владиміромъ Александровичемъ Сухомлиновымъ, съ которымъ послѣ не разставался, и даже одно время жили мы вмѣстѣ. Отличный офицеръ, смѣлый въ дѣлахъ и неутомимый наѣздникъ, но самое главное въ немъ то, что, несмотря на свои теоретическія познанія, онъ всегда принималъ къ свѣдѣнію и соображенію совѣты и мнѣнія другихъ, познанія которыхъ основаны на практикѣ, мы всѣ его очень любили и уважали.

Такъ какъ графу нужно было много писать, то приказали построить шалашъ, который отъ костра у насъ загорѣлся, и мы много смѣялись потомъ, вспоминая, какъ мы выскакивали изъ него. Впрочемъ, постройка такая незатѣйливая, что нашъ шалашъ сейчасъ же и возобновили. Лежимъ вокругъ костра какъ байбаки, конечно, не раздѣваясь, а чуть пригрѣешься возлѣ огня, какъ по тѣлу начинается зудъ. Вы, полагаю, догадываетесь о причинѣ. Одного моего офицера этотъ зудъ заставилъ перемѣнить бѣлье здѣсь же, на воздухѣ, при двадцати двухъ градусахъ мороза.

25-го числа, вечеромъ, позвалъ меня графъ Татищевъ и объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ отступать не будетъ, а рѣшился во что бы ни стало взять Орлиное-Гнѣздо. Но такъ какъ на Траянѣ у турокъ есть еще одно укрѣпленіе вправо отъ Орлинаго-Гнѣзда, прикрывающее спускъ на Карнаре, то предварительно нужно взять это правофланговое укрѣпленіе, а потомъ уже брать Орлиное-Гнѣздо; поэтому графъ поручаетъ мнѣ командованіе обходною колонной, въ которую войдутъ 1-й баталіонъ Старо-Ингерманландскаго,

полка, стрѣлковая рота Ново-Ингерманландскаго, 10-й стрѣлковый баталіонъ, и четыре сотни моего полка и одно 9-ти фунтовое орудіе; и такъ какъ обходной колоннѣ нужно подойти къ цѣли ея дѣйствій по возможности скрытно, то я долженъ двинуться съ мѣста въ два часа ночи. Я поблагодарилъ за столь лестное для меня назначеніе и пошелъ сдѣлать кое-какія распоряженія. Не спалось мнѣ всю эту ночь,—все думалось о завтрашнемъ днѣ, да о томъ, какъ бы пообстоятельнѣе выполнить возложенную на меня обязанность, да и о томъ еще, кто-то изъ насъ живъ останется... А сегодня-то какой день—Рождество Христово!... Представилась мнѣ домашняя семейная картина: теплая комната; вечеръ, мягкій свѣтъ лампы; жена сидитъ и, по обыкновенію, читаетъ или работаетъ; около нея дѣти на полу играютъ. Вотъ она пріостановилась со своею работой, посмотрѣла на дѣтей и задумалась. О чемъ и о комъ она думаетъ? Можетъ-быть и меня вспомнила: „гдѣ-то онъ теперь, въ эту минуту“?... Странно даже, до какой степени живо въ такихъ случаяхъ рисуетъ воображеніе подобныя картины! Влѣво отъ меня костеръ освѣщалъ нѣсколько солдатскихъ молящихся фигуръ. Съ какимъ усердіемъ молились эти люди и какъ серьезны были ихъ лица! Да, вотъ она несомнѣнно искренняя молитва!...

Когда къ двумъ часамъ ночи собралась моя колонна, въ лѣсу раздался вдругъ необычайный шумъ. Громадные буки гнулись вѣтвями чуть не въ половину до земли; искры отъ костровъ вереницами понеслись по воздуху; вѣтеръ рвалъ шапки и полы одежды и былъ такъ силенъ, что мы съ трудомъ держались на ногахъ. Трескъ и гулъ пошелъ по лѣсу ужаснѣйшій. Болгары-четники съ безпокойствомъ сообщили, что это балканскій ураганъ и что если онъ не уймется вскорѣ, то насъ замететъ снѣжными массами. Минута была критическая. Каждый снялъ шапку и перекрестился. Неужели и вправду погибель? Но, къ нашему счастію, верхняя кора снѣга на Черепѣ заледенѣла настолько, что вѣтеръ не могъ свободно взметать его, да и самый ураганъ продолжался лишь нѣсколько минутъ, и какъ мгновенно начался онъ, такъ же мгновенно и кончился. Все утихло разомъ и въ

природѣ водворилось прежнее спокойствіе ясной ночи. Эти ураганы всегда таковы бываютъ на вершинахъ Балканъ: сразу налетитъ словно шквалъ, и разомъ утихнетъ. Постепеннаго ослабѣванія силы вѣтра здѣсь нѣтъ, и большая или меньшая степень опасности зависитъ лишь отъ того, каково состояніе снѣговъ и сколько времени ураганъ будетъ продолжаться.

Я уже говорилъ, насколько тяжелъ путь на Траянѣ; поэтому, пока мы дошли до назначенной позиціи, стало совсѣмъ уже свѣтло, и чуть лишь въ виду непріятеля показалась голова моей колонны, какъ турки открыли артиллерійскій огонь, но по первому же выстрѣлу мы увидѣли, что это стрѣляетъ горное орудіе,—слѣдовательно, мы-то со своимъ девятифунтовымъ имѣемъ надъ противникомъ громадное преимущество. Рядомъ со мною стоялъ войсковой старшина Грузиновъ; когда одна изъ турецкихъ гранатъ пролетѣла надъ нашими головами такъ близко, что нѣкоторыя изъ окружавшихъ насъ, по безотчетному инстинкту самохраненія, пригнулись или присѣли; „садись не садись,—она и сидячаго придавитъ",—прехладнокровно замѣтилъ при этомъ Грузиновъ, свертывая себѣ папиросу. „Ваше высокоблагородіе, гранаты летятъ такъ близко, ажъ по пикамъ звенятъ",—доложилъ ему подъѣхавшій вахмистръ его сотни. „А ты, дурень, руки разставь, да и лови ихъ", усмѣхнулся въ отвѣтъ Грузиновъ, не измѣняя позы. Тотъ, сконфузившись, поѣхалъ на свое мѣсто. Оказалось, впрочемъ, что дѣйствительно сотня стояла слишкомъ открыто, въ чемъ не было никакой надобности, и безполезно служила лишь отличною мишенью для непріятеля. Грузиновъ сознавалъ свою ошибку и послалъ сказать, чтобы казаки спустились по ущелью нѣсколько ниже. Но вахмистръ съѣлъ отъ него „дурня", затѣмъ, чтобы казачки пообтерпѣлись и на собственномъ опытѣ убѣдились, что огонь съ близкой дистанціи совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ кажется.

Между тѣмъ, изъ стрѣлковой цѣпи прислали спросить, не позволю ли я наступать, такъ какъ цѣпь стоитъ на открытомъ склонѣ предъ редутомъ и несетъ большія потери. Я приказалъ начать наступленіе, тѣмъ болѣе, что и главная колонна

уже заняла свою линію предъ Орлинымъ-Гнѣздомъ и вступила въ стрѣлковый бой съ защитниками главнаго Траянскаго укрѣпленія. Передовыя части моей колонны велъ командиръ 1-го баталіона Старо-Ингерманландскаго полка майоръ Ивановъ. Онъ преспокойно построилъ стрѣлковъ въ двѣ шеренги на разомкнутыхъ дистанціяхъ, и по командѣ, словно на ученьи, открылъ огонь залпами. Турки вздумали было и сами затѣять что-то вродѣ встрѣчнаго наступленія и потому начали выскакивать изъ укрѣпленія впередъ за брустверъ. Наша пѣхота быстро пошла въ атаку; я же, увидѣвъ попытку турокъ и зная по предшествовавшимъ опытамъ, что едва ли они выдержатъ нашъ лихой натискъ, приказалъ 1-й и 2-й сотнямъ быть на готовѣ и, чуть лишь турки дрогнутъ и покажутъ тылъ, догонять и бить ихъ, какъ можно скорѣе. Начальство надъ этими двумя сотнями было вручено мною Грузинову. Такъ оно и случилось; но когда казаки достигли до гребня южнаго склона, то спускъ оказался такъ страшно крутъ, почти отвѣсенъ, что конница могла двигаться лишь съ крайнимъ трудомъ—отнюдь не быстрѣе, если даже не медленнѣе пѣхоты. При такихъ условіяхъ мѣстности турки, разумѣется, успѣли спуститься скорѣе нашихъ и заняли сады и ограды вокругъ деревни Карнаре, гдѣ и встрѣтили сотни Грузинова самымъ частымъ огнемъ, Въ это время по дорогѣ изъ Карлово къ Карнаре поспѣшалъ еще одинъ свѣжій таборъ турецкой пѣхоты на подкрѣпленіе. Тутъ наши стрѣлки, успѣвшіе тоже спуститься, отлично помогли казакамъ; Грузиновъ же, замѣтя, что турецкая цѣпь, благодаря огню стрѣлковъ, стала перебѣгать ближе къ деревенскимъ строеніямъ, приказалъ своимъ распустить значки (въ каждой сотнѣ мы имѣли разныхъ цвѣтовъ значки съ нашитыми крестами, для того, чтобы казаки во время сбора послѣ атаки могли видѣть сборный пунктъ своей сотни) и затѣмъ скомандовалъ: „пики къ атакѣ! Станишники за мной, не отставай"!—бросился на перебѣгавшихъ турокъ во главѣ своихъ сотенъ. Долина Тунджи огласилась казачьимъ гикомъ, который далеко, далеко откликнулся по горнымъ ущельямъ. Казаки, можно выразиться, пронизали деревню насквозь по ея улицамъ, гдѣ осталось

не мало тѣлъ непріятельскихъ, положенныхъ почти исключительно страшными ударами пикъ. Бывали случаи, что когда казакъ на скаку кололъ съ наклономъ пики внизъ, то нерѣдко сломавшаяся при такомъ ударѣ пика оставалась въ трупѣ, какъ бы пригвождая его къ землѣ; были удары въ лицо, пробивавшіе насквозь затылокъ. Баталіонъ низама, шедшій на помощь изъ Карлова, тоже былъ смятъ казаками. За деревней ихъ встрѣтила сотня черкесовъ, прикрывавшая отступленіе обоза. Грузиновъ разсыпалъ своихъ наѣздниковъ и открылъ сильный огонь. „Странно, думалось мнѣ:— почему онъ не атакуетъ ихъ на такой равнинѣ"? И я послалъ къ нему ординарца сказать, чтобъ онъ непремѣнно атаковалъ; между тѣмъ гляжу—Грузиновъ всетаки остается въ разсыпномъ строю на мѣстѣ. Это меня даже взбѣсило, тѣмъ болѣе, что наступившая вскорѣ темнота вечера заставила окончить бой. Пріѣхалъ ко мнѣ тогда Грузиновъ и отрапортовалъ, что, по его распоряженію, разъѣзды посланы во всѣ стороны, а вокругъ деревни Карнаре поставлены пикеты. „Вы мнѣ, г. полковникъ, приказали атаковать; но этого нельзя было сдѣлать",—добавилъ онъ: „между черкесами и нами неожиданно оказалась глубокая и широкая канава съ кустарниками розъ, въ которыхъ засѣла турецкая пѣхота и ждала нашей атаки". Упоминаю объ этомъ фактѣ потому, что онъ достаточно обрисовываетъ какъ хитрость черкесовъ, такъ и сметку казаковъ. Разумѣется, атакуй казаки, они понесли бы большой уронъ.

Еще на вершинѣ Траяна, тотчасъ же послѣ успѣшнаго исполненія моею колонной возложеннаго на нее порученія, я послалъ сказать графу Татищеву, что непріятель выбитъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій и я преслѣдую его по южному склону на Карнаре. А изъ сего послѣдняго селенія, сейчасъ же по занятіи онаго, мною было отправлено графу новое донесеніе о результатѣ дѣла и о томъ, что у непріятеля частями мнѣ ввѣренными отбитъ цѣлый обозъ съ патронами, снарядами и продовольственными запасами, въ особенности найдено много рису, галетъ и боченки пороху; кромѣ того взято знамя, значекъ черкесской сотни и много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ и самъ командиръ баталіона.

Въ то время, какъ я передавалъ посланному пакетъ съ этимъ донесеніемъ, пріѣхалъ отъ графа Татищева казакъ и подалъ мнѣ отъ него записку, въ которой графъ извѣщаетъ меня, что Орлиное-Гнѣздо онъ взялъ и теперь преслѣдуетъ непріятеля по южному склону на Текке, мнѣ же предлагаетъ отдѣлить изъ моей колонны часть, которую и направить на деревню Текке, съ цѣлью перерѣзать путь отступленія непріятелю, что и было мною исполнено. Такимъ образомъ на Текке послана 3-я рота Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ капитана Шелепова; и этой ротѣ, еще не доходя до Текке, пришлось встрѣтиться съ непріятелемъ. На курганѣ, поросшемъ кустарниками, засѣло десять человѣкъ турокъ, которые защищались до того стойко, что рота была вынуждена взять курганъ штыковымъ штурмомъ, причемъ лишилась своего любимаго фельдфебеля и пяти рядовыхъ; но за то и защитники кургана были всѣ до единаго переколоты штыками. Оказалось, что это были помаки, т. е. болгары, принявшіе магометанство: они вообще самые заклятые враги наши и болгарскіе.

Ночью мною была получена записка отъ графа Татищева съ приказаніемъ явиться къ нему рано утромъ въ деревню Текке. Но подъѣзжая къ этой деревнѣ, я встрѣтилъ самого графа, который, вслѣдствіе измѣнившихся соображеній, со всею своею колонной переходилъ въ деревню Карнаре.

28-го числа начальникъ Траянскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Карцовъ, объѣхалъ всѣ части и поздравилъ ихъ съ молодецкимъ дѣломъ, причемъ объявилъ радостную вѣсть о взятіи Шипки.

29-го декабря весь мой полкъ вмѣстѣ со Старо-Ингерманландскимъ были отправлены въ городъ Карлово. Долина Тунджи показалась намъ вполнѣ прелестною,—недаромъ она носитъ поэтическое названія „Долины Розъ“, которыхъ здѣсь дѣйствительно и не оберешься—такое множество розовыхъ кустовъ, и на каждомъ шагу. Воздухъ дивный, мягкій и дышется имъ такъ легко... На всемъ пути до Карлова мы любовались прелестными видами горъ и панорамой долины и такимъ образомъ незамѣтно дошли до города. Очень хорошенькій городокъ: подъ самыми горами, на ровномъ мѣстѣ;

домовъ, разоренныхъ турками, немного, за то церкви разграблены и поруганы самымъ кощунственнымъ образомъ.

Жители вышли къ намъ на встрѣчу, и что насъ удивило—громадное большинство ихъ составляли женщины. Оказывается, что еще послѣ (іюльскаго) похода русскихъ за Балканы, турки перерѣзали почти всѣхъ карловскихъ мужчинъ. Спасся лишь тотъ, кто успѣлъ какъ-нибудь скрыться или запрятаться. Но за то при нынѣшнемъ бѣгствѣ турокъ и болгары не миловали своихъ палачей: на карловскихъ улицахъ лежало не мало обезображенныхъ турецкихъ труповъ.

Намъ отвели прехорошенькую квартиру въ обширномъ болгарскомъ домѣ, который еще лѣтомъ былъ покинутъ его хозяевами. Здѣсь помѣстилась большая часть офицеровъ моего полка. Мы нашли въ этомъ домѣ достаточно уцѣлѣвшей мебели и небольшое количество болгарскихъ и русскихъ книгъ и между послѣдними романъ Вс. Крестовскаго „Внѣ Закона“. Подумаешь, гдѣ пришлось автору неожиданно встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ произведеній!.. Въ особенности привлекли насъ своимъ восточнымъ комфортомъ мягкіе, длинные турецкіе диваны съ вальками и подушками; можете себѣ представить, какъ сладко и спокойно заснули мы на нихъ послѣ пяти ночей, проведенныхъ въ снѣгу Траянскаго Балкана, на высотѣ болѣе 5,000 футовъ, при 20-ти градусномъ морозѣ!

31-го числа привели изъ передовой цѣпи турецкаго парламентера. То былъ военный врачъ эфенди Моисъ,—судя по имени и хитрости, вѣроятно еврей. Много и много наболталъ онъ всякой всячины графу Татищеву, который, впрочемъ, мало ему повѣрилъ и отправилъ его подъ конвоемъ казаковъ въ Карнаре къ генералу Карцову, откуда въ тотъ же день генералъ отослалъ Моиса въ главную квартиру, гдѣ, однако, онъ, кажется, не былъ принятъ Великимъ Княземъ.

Подъ вечеръ 31-го пришелъ нашъ полковой докторъ Заблудовскій, и торжественно поставилъ на столъ бутылку шампанскаго, говоря: „Сегодня, господа, встрѣча Новаго года, и я досталъ вамъ вина“.—Да гдѣ же, голубчикъ док-

торъ? Гдѣ и какъ? Какими судьбами?—подскочили къ нему офицеры съ разспросами:—вѣдь это, значитъ, у насъ будетъ настоящая встрѣча, съ шампанскимъ, хоть и въ довольно мизерномъ количествѣ. Все-таки ура!.. Отлично!.. Молодецъ докторъ! — Потѣшная, право, эта молодежь! Подумаешь: давно ли братались со смертью, давно ли при лютомъ морозѣ коптили свои лица подъ ѣдкимъ дымомъ бивуачныхъ костровъ, и рады радешеньки были бы съ холоду хоть одному глотку прескверной раки, а тутъ вдругъ, мало того, что шампанское, но еще выкопали они гдѣ-то въ туалетномъ столѣ хозяйки рисовую пудру и напудрились, и ну плясать.

Мы садились обѣдать, когда въ городъ вступали остальныя части Траянскаго отряда и съ ними генералъ Карцовъ со штабомъ.

— Господа! Крестовскій ѣдетъ! — сказалъ кто-то, смотря въ окно.—Зовите его; я думаю, мы найдемъ и ему помѣщеніе, да кстати поднесемъ ему въ сюрпризъ его „Внѣ Закона“. Такимъ образомъ залучили мы къ себѣ на житье Крестовскаго, и онъ, прямо съ перехода, голодный и усталый, былъ очень благодаренъ за нашъ товарищески радушный пріемъ, а вечеромъ, по общей нашей просьбѣ, прочелъ намъ свои, составленныя лишь наканунѣ, замѣтки о Траянскомъ перевалѣ, о пятисуточной жизни отряда на его вершинѣ, о ночномъ дѣлѣ 22-го декабря и штурмѣ Орлинаго-Гнѣзда 26-го. И вотъ у насъ неожиданно составился даже литературный вечеръ въ своемъ родѣ.

2-го января 1878 года за мною прислали отъ генерала Карцова съ приглашеніемъ явиться немедленно. Являюсь, и кого же вижу? Своего прежняго любимаго начальника, Дмитрія Ивановича Скобелева 1-го. Онъ меня встрѣтилъ словами: „Ну, Грековъ, здравствуйте! Готовы къ походу“?— Хоть сейчасъ, ваше превосходительство, отвѣчаю ему.—„Да, впрочемъ, и спрашивать не зачѣмъ! Разумѣется готовы“! любезно замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ: „такъ вотъ что: завтра въ семь часовъ утра постройтесь вдоль Филипповскаго шоссе и ждите меня, я хочу видѣть полкъ,—вѣдь онъ еще такъ недавно былъ въ моей дивизіи“.

На буланомъ своемъ кабардинцѣ 3-го числа подъѣхалъ

къ нашему фронту генералъ Скобелевъ, поздоровался съ людьми и велѣлъ командовать справа по шести. Пропустивъ всѣ сотни, подозвалъ меня и поблагодарилъ за полкъ, замѣтивъ, что люди имѣютъ бравый видъ и лошади въ очень хорошемъ состояніи, и велѣлъ отдать объ этомъ въ приказѣ.

Прошли мы деревню Бани, въ Малыхъ Балканахъ, носящую такое названіе, надо думать, отъ находящихся въ ней минеральныхъ источниковъ, а на ночлегъ въ деревнѣ Каратопракѣ, гдѣ нашли много труповъ людскихъ и животныхъ, и догорающую церковь, гдѣ у турокъ были сложены большіе запасы, сожженные ими для того, чтобы не достались въ наши руки. Въ этой мѣстности ужъ и такъ было много снѣгу, а тутъ еще съ вечера поднялась, при значительной стужѣ, сильная метель. Поѣхалъ я повѣрять пикеты и еле добрался обратно: такъ и лѣпитъ въ глаза, чуть съ дороги не сбился. 4-го числа еще довольно рано пришли мы въ Филиппополь и воображали, что входимъ первые, раньше всѣхъ, но оказалось, что генералъ Гурко уже здѣсь. Городъ расположенъ по правую сторону рѣки Марицы, а съ лѣвой стороны большое предмѣстье; посрединѣ города на огромной скалѣ цитадель. Вообще городъ очень хорошій; есть большіе дома, но улицы и здѣсь ужасно узки. Предмѣстье съ городомъ соединялось большимъ каменнымъ мостомъ, который турки разрушили предъ приходомъ русскихъ, и совершенно напрасно: подъ Филиппополемъ рѣка хотя и широка и быстра, но не глубока, такъ что можно перейти ее въ бродъ не только конницѣ, но и пѣхотѣ, что мы безпрепятственно и исполнили 5-го числа рано утромъ и, пройдя черезъ городъ, двинулись по Адріанопольскому шоссе. На третьей верстѣ встрѣчаются намъ раненые, а вскорѣ затѣмъ повстрѣчался казачій генералъ Красновъ, который сообщилъ, что имѣлъ ночное дѣло и отбилъ у непріятеля восемнадцать орудій, перерѣзавъ путь отступленія Сулеймановой арміи. Во время его разсказа, вправо отъ насъ, въ направленіи къ Родопскимъ горамъ, послышались, одинъ за другимъ, два пушечные выстрѣла. „Вотъ они, проклятые, опять начинаютъ“!—замѣтилъ Красновъ и, обращаясь къ генералу Скобелеву, прибавилъ:—

„идите, генералъ, скорѣе, — кавалерія нужна“. Подойдя къ ближайшей деревнѣ, мы увидѣли, что пѣхота и артиллерія генерала Дандевиля спѣшатъ къ горамъ. Оба генерала, Скобелевъ и Дандевиль, поѣхали тоже вправо и стали на большомъ курганѣ, съ котораго далеко была видна вся мѣстность. Сейчасъ же двѣ мои сотни, 2-ю и 6-ю, послали впередъ, приказавъ имъ разсыпать наѣздниковъ. Здѣсь моимъ казакамъ пришлось не безъ труда. Артиллерійская стрѣльба далеко вправо отъ насъ положительно сбивала съ толку — кто же тамъ наконецъ, наши или турки? Судя по всѣмъ предшествовавшимъ распоряженіямъ, то долженъ былъ быть графъ Шуваловъ. Для убѣжденія въ вѣрности такого заключенія Скобелевъ послалъ драгунскаго офицера съ двумя солдатами узнать — Шуваловъ ли; но прошло нѣсколько часовъ, а драгунскій офицевъ не вернулся; тогда послали съ шестью казаками моего полка хорунжаго Шаховскаго—очень толковый офицеръ, который черезъ два часа возвратился съ положительнымъ свѣдѣніемъ, что это войска графа Шувалова. Во время его поѣздки, у лошади одного изъ данныхъ ему казаковъ оторвало нижнюю губу осколкомъ гранаты. Не успѣлъ Шаховскій доложить, какъ присылаетъ есаулъ Галдинъ, старшій надъ 2-ю и 6-ю сотнями, сказать, что ему трудно держаться; огонь очень силенъ и черкесы наступаютъ. Скобелевъ велѣлъ передать Галдину, чтобы, не взирая на трудность, держался какъ можно стойче, такъ какъ иначе турки могутъ раздѣлить насъ съ графомъ Шуваловымъ, а дабы этого не случилось, то пусть Галдинъ съ цѣпью наѣздниковъ незамѣтно подвигается все право, для соединенія съ графомъ. Скобелевъ поручилъ мнѣ самому отвезти это приказаніе и распорядиться. Со мною поѣхали эсаулы Поздѣевъ и Шаровъ. Въ то время какъ мы проѣзжали вдоль цѣпи, въ десяти шагахъ отъ насъ разорвалась граната, подъ самою лошадью одного казака, и мы видѣли, какъ его буквально приподняло на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью отъ земли аршина на два и отбросило въ сторону. Двое другихъ казаковъ подняли раненаго; все лицо у него было въ крови, голова опустилась на грудь, а лошадь уже кончалась въ сильныхъ конвуль-

сіяхъ: ей оторвало переднія ноги. Тутъ я уже самолично убѣдился, что моимъ казакамъ дѣйствительно трудно и что на нихъ возложена большая, почти непосильная обязанность. Возвратившись, я передалъ мое мнѣніе генералу Скобелеву, и получилъ отъ наго приказаніе взять остальныя сотни моего полка и стать съ ними въ резервѣ за 2-ю и 6-ю сотнями, которыя подвинутся къ деревнѣ Карадагачъ, съ тѣмъ, что если мнѣ представится удачный моментъ, то атаковать всѣмъ полкомъ непріятеля. Но такъ какъ двѣ сотни моего полка, посланныя въ разъѣздъ подъ начальствомъ Грузинова, еще не вернулись, то пришлось обождать ихъ около четверти часа. Вскорѣ по дорогѣ къ Филиппополю показалась кавалерія, идущая на рысяхъ; ближе я узналъ въ ней мои двѣ сотни, а впереди ихъ самого Грузинова, который подскакалъ ко мнѣ и отрапортовалъ, что въ разъѣздѣ ничего особеннаго не замѣтилъ.

Былъ тихій морозный день; паръ густымъ туманомъ подымался отъ лошадей, только что сдѣлавшихъ весьма значительную проѣздку, но въ сраженіяхъ некогда отдыхать; поэтому, не смотря на утомленіе сотенъ Грузинова, я сейчасъ же взялъ всѣ свои наличныя сотни и пошелъ съ ними на правый флангъ. Не могу приписать своей предусмотрительности, что повелъ полкъ справа по шести, а не во взводныхъ колоннахъ. Такъ случилось, но вышло хорошо, потому что мнѣ пришлось идти двѣ версты, подставляя свой флангъ непріятелю, который, видя это движеніе, тѣмъ не менѣе не осмѣлился меня атаковать, чевидно понимая, что я въ каждый моментъ могу встрѣтить развернутымъ фронтомъ, подавъ лишь краткую команду: „полкъ, во фронтъ“, но зато весь огонь своей артиллеріи противникъ обратилъ на мои сотни, которыя, однако, не потерпѣли никакого вреда, благодаря именно узкости своего фронта, вслѣдствіе чего постоянно случался или недолетъ, или перелетъ. Итакъ, сдѣлавъ первоначально неправильное построеніе (справа по шести вмѣсто взводныхъ колоннъ), я очутился въ положительномъ выигрышѣ. Иначе бы не въ одну, такъ въ другую колонну, а попалъ бы непріятельскій снарядъ. Изъ этого выводъ тотъ, что въ бою можно и не всегда безусловно при-

держиваться уставныхъ формъ, но примѣнять ту изъ нихъ, которая въ данную минуту и въ данномъ положеніи окажется наиболѣе пригодною. За то и жутко же было идти: когда снарядъ давалъ перелетъ, то пролеталъ такъ низко надъ головами, что невольно весь фронтъ нагибался къ сѣдламъ. А нужно было идти шагомъ.

Придя къ мѣсту назначенія, я поставилъ свои три сотни за кустарниками, находившимися позади сотенъ, бывшихъ въ цѣпи; турецкіе снаряды, направляемые очевидно безъ опредѣленной цѣли, ложились въ этихъ кустарникахъ, но намъ вреда не причиняли. Когда услышалъ я „ура“ и увидѣлъ движеніе своихъ передовыхъ сотенъ впередъ, то двинулся тоже за ними. Гвардейцы тутъ отбили двѣнадцать орудій, для которыхъ у непріятеля уже не было и снарядовъ; всего одно лишь орудіе было заряжено картечью, да и изъ того не успѣли выстрѣлить,—такъ оно и осталось. Послѣ плѣнные говорили намъ, что увидѣвъ кавалерію, ожидали отъ нея атаки и потому приготовили ей угощеніе. Это значитъ для меня приготовлялось. Непріятель полѣзъ на горы и бросился въ ущелье. Начальникъ штаба генералъ Шильдеръ-Шульднеръ крикнулъ есалу Галдину: „Скачите и догоняйте“! Но скакать въ ущельи, трудно доступномъ для коннаго движенія, возможно было только одному; поэтому генералъ замѣтилъ: „Рысью, казачки“! Есаулъ Галдинъ и сотникъ Кудинцовъ исполнили приказаніе и, несмотря на залпы непріятеля изъза каменьевъ, уже въ ущельи отбили еще два горныхъ орудія. Здѣсь меня нашелъ вѣстовой казакъ, сообщившій, что генералъ Скобелевъ требуетъ меня къ себѣ. Я отправился. Въ сраженіи обыкновенно почти ничего не замѣчаешь изъ мелочей окружающей тебя обстановки, а теперь, какъ поѣхалъ,—ужасный переѣздъ! Темнота, трупы людей и животныхъ на каждомъ шагу; лошадь наступитъ на человѣка, и всхрапнувъ, бросится въ сторону; подбитыя орудія, изломанныя каруцы (воловые возы болгарскіе) и тому подобные печальные слѣды побоища... Наконецъ-то выбрался я на чистое поле; подъѣзжаю къ кургану, гдѣ стоялъ Скобелевъ, — его уже нѣтъ. Гдѣ генералъ? Оказывается, поѣхалъ на позицію. Ну, ужъ я буду здѣсь ожидать его. Усталость ужасная, ѣсть

хочется: со вчерашняго дня только одинъ сухарь сжевалъ. Нужно бы покурить, все же какъ будто голодъ не такъ донимаетъ. Но только что я закурилъ, гляжу—и генералъ пріѣхалъ. Поблагодарилъ онъ меня за нынѣшніе труды и пригласилъ къ себѣ на квартиру въ ближайшую деревню, гдѣ предполагалась и ночевка нашему отряду. Тутъ же генералъ приказалъ мнѣ собрать немедленно весь полкъ и объяснить, что получено чрезъ болгаръ свѣдѣніе, что самъ Сулейманъ съ сорока орудіями пошелъ на городъ Станимаку; поэтому кавалерія завтра на зарѣ выходитъ догонять его. Мнѣ тоже отвели въ какомъ-то хлѣву квартиру; смрадъ ужаснѣйшій. Пока всѣ сотни стянулись, было уже полночь,—значитъ отдыха мало. Бѣдныя лошади еще съ Карлова не разсѣдлываются.

6 января, рано утромъ, двѣ кавалерійскія бригады вытянулись паралельно Адріанопольскому шоссе, держась ближе къ Родопскимъ горамъ. Шли весь день. Великъ былъ этотъ переходъ и день холодный. Сдѣлали одинъ лишь привалъ у водяной мельницы. Тутъ мы пошли посмотрѣть, какъ рисъ обдѣлываютъ; оказалось, что очень просто: такъ же какъ и у насъ просо—толкутъ; рису здѣсь большіе запасы. Предъ вечеромъ у каждой деревни насъ встрѣчали выбѣгавшіе изъ кустовъ болгары съ криками: „баши-бузуки“! Но мы нигдѣ пока ихъ не видали. Вдругъ по нашей дорогѣ впереди вспыхнула деревня; сейчасъ же послали туда на рысяхъ два разъѣзда,—одинъ подъ камандой есаула Шарова, а другой—есаула Поздѣева. Шарову посчастливилось: онъ догналъ турецкую пѣхоту, конвоировавшую обозъ, и уничтожилъ ее, а обозъ доставилъ къ генералу. Въ этой же деревнѣ мы и заночевали, такъ какъ двигаться дальше было уже невозможно: лошади окончательно пристали и темнота сдѣлалась въ буквальномъ смыслѣ непроглядная. Мѣсяцъ въ эти дни съ вечера примеркалъ. Но не спалось нашему генералу; онъ уже съ полуночи поднялся и приказалъ готовиться къ выходу въ дальнѣйшій путь, такъ какъ болгары сказали, будто турки и орудія вотъ-вотъ, близко. Выступили мы еще ночью, но уже стало яснѣе: видно и дорогу, и смутныя очертанія окрестности. Какъ змѣя черною тесьмой извивался нашъ отрядъ

по бѣлому снѣгу ровной долины, лежащей между Малыми Балканами и Родопскими горами; тишина, — только снѣгъ скрипитъ подъ лошадиными копытами. Вдругъ впереди сразу засвѣтилось нѣсколько огоньковъ.—Вѣроятно, братушки овецъ стерегутъ.—„Нѣтъ, полковникъ, замѣтилъ ѣхавшій около меня Грузиновъ:—не братушки, а турецкія войска костры кладутъ“. Послали войсковаго старшину Антонова съ 3-ю сотней узнать. А тутъ уже—гляди, и совсѣмъ почти утро настало, сдѣлалось видно далеко. Тѣмъ часомъ Антоновъ прислалъ сказать, что орудія съ прикрытіемъ въ два баталіона выходятъ изъ деревни Караджиляръ. Генералъ Скобелевъ сейчасъ же приказалъ мнѣ со всѣмъ полкомъ догнать, атаковать и взять орудія. Когда я рысью выскочилъ на возвышенность, съ которой можно было далеко видѣть, то замѣтилъ, что кромѣ колонны, выходящей изъ деревни Караджиляръ, идетъ еще и другая подъ горами, вправо отъ меня, по дорогѣ, ведущей къ одному и тому же ущелью въ Родопскія горы, и, насколько можно разглядѣть, въ этой послѣдней колоннѣ есть и пѣхота, и кавалерія; слѣдовательно, обѣ колонны имѣли цѣлью соединиться именно въ этомъ мѣстѣ; а потому, чтобы помѣшать имъ, послалъ я есаула Апостолова съ 4-ю сотней въ разъѣздъ, войсковому старшинѣ Антонову приказалъ взять деревню Караджиляръ, а есаулу Кудинцеву—незамѣтно обойти правый лѣсокъ и броситься во флангъ правой колоннѣ.

Вскорѣ Антоновъ прислалъ сказать изъ-подъ Караджиляра, что вахмистръ его убитъ, а турки засѣли въ строеніяхъ, такъ что онъ съ одною сотней выбить ихъ не можетъ. Тогда, на помощь ему, послалъ я есаула Галдина съ 2-ю сотней. Вскорѣ подъѣхалъ ко мнѣ нашъ временный начальникъ генералъ-майоръ Чернозубовъ. Я отрапортовалъ ему о своихъ распоряженіяхъ и попросилъ послать къ деревнѣ Караджиляръ еще одинъ эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка. Но этого не потребовалось, такъ какъ въ то же самое время подскакалъ казакъ и подалъ генералу Чернозубову записку отъ Антонова, гдѣ онъ извѣщалъ, что отбилъ 25 орудій. Эту же записку отправили мы къ генералу Скобелеву, а чрезъ полчаса опять казакъ привозитъ новую записку, что отбито

еще 28 орудій и что непріятель разсчитываетъ скрыться въ горы, въ каковомъ направленіи наши казаки сильно его преслѣдуютъ. Тогда генералъ Чернозубовъ приказалъ взводу 19-й Донской батареи стрѣлять въ то ущелье, куда, какъ было намъ видно, желалъ войти непріятель. Наша артиллерія нѣсколькими чрезвычайно мѣткими выстрѣлами навела, очевидно, тикой ужасъ. что непріятель полѣзъ прямо на горы въ разсыпную.

Результаты этого боя: взято казаками 30-го полка 53 орудія, 200 плѣнныхъ, въ томъ числѣ два офицера и болѣе двадцати каруцъ съ патронами и спарядами, убито до 600 человѣкъ. Съ нашей стороны убитъ вахмистръ и семь лошадей. Два казака контужены.

Получивъ извѣщеніе объ успѣхѣ нашего дѣла, генералъ Скобелевъ написалъ мнѣ на позицію одну лишь, да за то хорошую строчку: „Исполать вамъ, мои добрые молодцы"!

„Похоронили ли вахмистра"?—спросилъ я ѣхавшаго мимо казака.—„Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе; лежитъ здѣсь", и онъ указалъ на одинъ домъ, у котораго стояли родные станишники убитаго. Подъѣхавъ туда, я слѣзъ съ лошади, подошелъ и перекрестился: „Царство небесное тебѣ, храбрый товарищъ"! Какъ было прекрасно его спокойное лицо: оно какъ будто улыбалось, какъ будто говорило: „мнѣ хорошо, хорошо". Я приказалъ снять съ его груди знакъ военнаго ордена, который онъ уже имѣлъ раньше, и отправить его на память къ женѣ и дѣтямъ, а тѣло предать землѣ.

Затѣмъ, разставивъ пикеты вокругъ деревни, поѣхалъ я на отведенную мнѣ квартиру въ болгарскомъ домѣ. Комната оказалась безъ окна и освѣщалась сквозь растворенную дверь, либо отъ огня, разложеннаго въ каминѣ. Принесли соломы, разложили возлѣ стѣнъ, и мы расположились на ней, считая это за величайшій комфортъ, ниспосланный намъ судьбою. 8-го числа, т.-е. на другой день, съ пикета прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что черкесы наступаютъ съ горъ. Поднялась тревога. Оказалось, что, дѣйствительно, партія черкесовъ спустилась съ горъ и вздумала потревожить пикетъ, но имъ не удалось: изъ главной заставы подоспѣли нѣсколько казаковъ и заставили ихъ отступить, въ особенности послѣ

того, какъ черкесы замѣтили, что изъ деревни выскочили двѣ сотни. 8-го же числа уѣхалъ и генералъ Скобелевъ съ начальникомъ штаба, подполковникомъ Сухомлиновымъ, въ Адріанополь. Наша же бригада осталась въ Караджилярѣ совершенно на отдыхѣ, да намъ и невозможно было двигаться дальше для преслѣдованія разбитаго непріятеля, за отсутствіемъ патроновъ, коихъ оставалось у казаковъ круглымъ числомъ по пятнадцати штукъ на человѣка, а у драгуновъ по двадцати; съ такимъ запасомъ идти въ горы было болѣе чѣмъ рисковано. Поэтому генералъ Чернозубовъ распорядился послать за патронами въ городъ Станимаки, гдѣ, какъ мы разсчитывали, долженъ былъ находиться паркъ. Пришлось прождать нѣсколько дней. Или мы уже такъ привыкли къ безпрестанному движенію, только стоять и ждать безъ дѣла на одномъ мѣстѣ показалось намъ очень скучнымъ и досаднымъ дѣломъ. А будь патроны своевременно—какъ знать, быть можетъ Сулейманъ-пашѣ не удалось бы довести до берега моря даже и остатковъ своей арміи.

19-го января было получено строгое приказаніе генерала Гурко немедленно двигаться всей бригадой по Родопскимъ горамъ на деревню Карамуллу, черезъ рѣку Арду, и въ городъ Гюмурджину, что близь Эгейскаго моря; а въ концѣ сего предписанія было сказано генералу Чернозубову такъ: „Ваша бригада имѣть будетъ цѣль партизанскаго отряда для преслѣдованія арміи Сулеймана и для очищенія Родопскихъ горъ отъ партій баши-бузуковъ и тѣхъ партій, которыя могутъ составляться изъ остальныхъ частей арміи Сулеймана“. Генералъ Чернозубовъ позвалъ меня къ себѣ и сейчасъ же приказалъ отправить офицера съ пятнадцатью казаками на деревню Карамуллу, куда ожидалось прибытіе и подполковника Сухомлинова, который опять назначается къ намъ за начальника штаба, чему я, со своей стороны, очень обрадовался. Выступленіе бригады назначено на другой день утромъ.

Придя на квартиру, я въ ту же минуту сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ пятнадцатью казаками отправлялся въ Карамуллу есаулъ Поцѣлуевъ. Это офицеръ очень надежный и смѣлый, показавшій себя съ наилучшей стороны еще на Трояновомъ перевалѣ, гдѣ подъ нимъ ранена лошадь.

Полку же вслѣдъ велѣлъ я быстро приготовиться къ походу, и походу очень рискованному, потому что мы были отдѣлены отъ всей арміи болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ.

Въ шесть часовъ утра полкъ собрался за деревней. Поздоровавшись съ людьми, я имъ сказалъ: „Усталыхъ лошадей и слабыхъ людей не признаю; обозовъ у насъ нѣтъ, надѣяться не на что; стало быть постарайтесь, станичники, удовлетворить этимъ требованіямъ, потому что это зависитъ отъ васъ же самихъ: кто будетъ себя беречь—не заболѣетъ, а кто за своею лошадью слѣдитъ, у того она никогда не станетъ“. Разумѣется, отвѣтъ:—„Постараемся, ваше высокоблагородіе“! Ужъ не знаю, вслѣдствіе ли моихъ словъ, или благодаря счастливой случайности, только отсталыхъ у меня въ этой экспедиціи не было.

Итакъ, мы выступили.

Опять горы, опять ущелья, опять обрывы... Снѣгъ началъ таять и смѣшался съ грязью; дорога была ужасна и къ тому же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загромождена брошеннымъ непріятельскимъ обозомъ. На десятой верстѣ догналъ меня казакъ отъ генерала Чернозубова и передалъ, что драгуны пошли въ обходъ горъ, а потому предлагается и мнѣ, буде угодно, идти тѣмъ же путемъ. Но я предпочелъ продолжать дальнѣйшее движеніе своею дорогой черезъ горы, потому что возвратный путь по пройденнымъ уже обрывамъ, спускамъ и подъемамъ заставилъ бы насъ только потерять время и все равно принесъ бы людямъ и конямъ только лишній трудъ и утомленіе.

Не доходя деревни Карамуллы, насъ встрѣтили болгары и предупредили, что у нихъ въ деревнѣ турки и что нашъ вчерашній разъѣздъ имѣлъ съ ними перестрѣлку. Я приказалъ полку подтянуть подпруги и распорядился, чтобы 1-я и 2-я сотни двинулись впередъ, выславъ разъѣзды вправо и влѣво вокругъ деревни. Сотни рысью подвинулись впередъ, приготовивъ ружья. И лихо влетѣли въ деревню, но не нашли тамъ ни турокъ, ни нашего разъѣзда, Оказалось, что вчера, когда нашъ разъѣздъ, въѣхавъ въ деревню, расположился бивуакомъ, турки, въ числѣ до тысячи человѣкъ, напали на него съ трехъ сторонъ съ такою внезапностью, что разъѣздъ

едва успѣлъ отступить вдоль по ущелью, въ направленіи къ Ханкіою, потерявъ одну лошадь убитою, причемъ съ нея даже и сѣдла не успѣли снять. Командовавшій этимъ разъѣздомъ есаулъ Поцѣлуевъ, зная, что изъ Адріанополя долженъ ѣхать на Карамуллы подполковникъ Сухомлиновъ и предположивъ, что онъ поѣдетъ, вѣроятно, не одинъ, двинулся ему нз встрѣчу, въ надеждѣ найти у него подкрѣпленіе своему разъѣзду. Но, увы! оказалось, что хотя у Сухомлинова и были казаки, да все изъ слабосильной команды. У насъ весь вечеръ былъ смѣхъ по поводу того, что Сухомлиновъ изображалъ резервъ Поцѣлуева. На другой только день, утромъ, пришли къ намъ драгуны, а съ ними и генералъ Чернозубовъ. Значитъ, я во всякомъ случаѣ значительно выгадалъ во времени (а стало быть и въ отдыхѣ людямъ и конямъ), предпочтя свой путь горами обходной драгунской дорогѣ. По прибытіи начальства, полъ дня прошло у насъ въ томъ, что распредѣляли очередь между нами и драгунами и назначали пункты, составлявшіе цѣль дальнѣйшихъ движеній. Здѣсь мнѣ понадобилось отправить въ Адріанополь офицера съ необходимыми по начальству бумагами. Ветеринарный врачъ Котлубай охотно вызвался исполнить это порученіе, тѣмъ болѣе, что въ Адріанополѣ ему можно было достать и медикаментовъ, безъ которыхъ его присутствіе при полку для больныхъ лошадей было бы безполезно. Кстати, я поручилъ ему развѣдать тамъ, въ штабѣ, насколько справедливы дошедшіе до насъ слухи, будто перемиріе уже заключено. На другой день бригада девятиряднаго состава вытянулась въ одинъ конь по Родопскимъ горамъ. Эту мѣстность называютъ Черною Болгаріей, и дѣйствительно, общій видъ, общее впечатлѣніе природы, даже физіономіи и самые костюмы жителей,—все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ такому названію: все это какое-то черное, даже какъ будто страхъ наводящее. Далеко влѣво отъ насъ виднѣлась долина рѣки Марицы.

Мѣстность эта въ Родопскихъ горахъ имѣетъ довольно частое и преимущественно магометанское населеніе, живущее болѣе по отдѣльнымъ кулибамъ, чѣмъ сплоченными деревнями. Во время нашего движенія, разумѣется, вездѣ

было пусто: жители бѣжали, захватывая съ собою домашній скарбъ; болгары же изъ мести жгли ихъ кулибы и деревушки. Наши боковые разъѣзды имѣли частыя перестрѣлки съ баши-бузуками и бѣглецами. Братушки присоединялись къ намъ въ каждой деревнѣ. На крутомъ спускѣ одной изъ высокихъ горъ предъ нами отрылась далеко внизу довольно узкая долина рѣки Арды, текущей въ песчаныхъ берегахъ. По долинѣ виднѣлись уже не кулибы, а частыя, большія и, судя на взглядъ съ птичьяго полета, хорошія селенія, раскинутыя въ довольно близкомъ между собою сосѣдствѣ. Одно изъ нихъ, у подошвы нашего спуска, скорѣе можно назвать даже мѣстечкомъ или городкомъ, не покинутымъ его обитателями, которые, вѣроятно, насъ не ожидали, потому что ужасно засуетились, забѣгали; даже начали стрѣлять по головной части нашего отряда. Селеніе, разумѣется, сейчасъ же было окружено, и наши никого оттуда не выпустили, а тѣхъ, кто думалъ было ускакать, догнали казаки. На утро дальнѣйшій походъ, и здѣсь что за прелестныя мѣста!.. Мы не послушались нашего проводника турка и думали было прямо переправиться черезъ Арду; но 4-я сотня, шедшая въ авангардѣ, еле смогла перейти рѣку: ужасно быстрое теченіе, иловатый наносный грунтъ и значительно высокій уровень воды, вслѣдствіе таянія горныхъ снѣговъ. Трудно было держаться противъ теченія, и потому многимъ изъ казаковъ пришлось противъ воли искупаться; видя это, генералъ Чернозубовъ не захотѣлъ дольше переправляться здѣсь, а повернулъ весь остальной отрядъ къ тому мѣсту, на которое указывалъ проводникъ, и гдѣ, однако же, переправа совершилась хотя и благополучно, но съ не меньшимъ трудомъ и опасностью. На этомъ берегу Арды по деревнямъ видны были жители, и уже самое ихъ присутствіе свидѣтельствовало, что у нихъ и въ помыслахъ не было даже предположенія, чтобы русскіе рискнули перерѣзать и Родопскія горы. Они смотрѣли на насъ со страхомъ и удивленіемъ и при встрѣчѣ объявляли съ поклонами: „миръ, миръ, каардашъ“ (то-есть пріятель); но мы не могли этому вѣрить и все двигались дальше и дальше. Здѣсь узнали мы, что наши Кубанцы, подъ командой генерала

Черевина, прошли внизъ по Ардѣ на Адріанополь, слѣдовательно они перерѣзали намъ путь, и такимъ образомъ Родопскія горы были пройдены русскими летучими отрядами буквально вдоль и поперекъ или накрестъ. Переправились мы черезъ рѣку Бургасъ, а тамъ не далеко и городъ Местанлы, который скорѣе можно назвать деревней, нежели городомъ; только одинъ конакъ, или домъ, гдѣ собираются городскія власти для разрѣшенія разныхъ общественныхъ вопросовъ, и придаетъ этой деревнѣ значеніе города. Возлѣ конака встрѣтили насъ почтенные сѣдобородые турки, но властей не было,—бѣжали, а съ ними и казначей съ городскими деньгами, какъ сообщилъ одинъ изъ турокъ по секрету. Генералъ Чернозубовъ приказалъ сейчасъ же догнать казначея, и такъ какъ отрядъ еще стоялъ вытянувшись по дорогѣ, то я приказалъ есаулу Галдину сейчасъ же отобрать изъ его сотни пятьдесятъ наиболѣе выносливыхъ доброконныхъ молодцовъ и исполнить порученіе генерала— доставить казначея не иначе какъ съ деньгами. Галдинъ сію же минуту двинулся въ путь, и на двадцатой верстѣ (это туда и обратно сорокъ, да раньше пройденныхъ пятьдесятъ верстъ) догналъ бѣглеца и доставилъ его въ цѣлости съ пятьюдесятью тысячами каиме, турецкихъ кредитныхъ денегъ, которыя на другой же день генералъ отправилъ съ офицеромъ въ штабъ арміи, а оттуда впослѣдствіи, какъ я слышалъ, ихъ отправили въ Константинополь, къ турецкому правительству, такъ какъ мы ихъ взяли уже по заключеніи перемирія.

Квартира наша въ Местанлы оказалась очень недурною. Казакъ, подавая намъ закусить, сообщилъ, что въ нашемъ же дворѣ, но только въ другомъ домѣ, „хоронится“ турецкій офицеръ.—„Идемте, господа“! Начали стучаться — не отпираютъ: мы чрезъ запертую дверь стали убѣждать, что ничего не сдѣлаемъ дурнаго. Тамъ оказалась въ качествѣ служанки какая-то болгарка, которая, вѣроятно, перевела наши слова, послѣ чего вскорѣ дверь отворилась и на насъ пахнуло изнутри спертымъ воздухомъ. Входимъ, на полу валяется какое-то тряпье, лохмотья... Тутъ же полуразрушенная кровать; на ней сидитъ женщина, испуганно прижавъ къ себѣ

двоихъ малютокъ, а возлѣ нея стоитъ мужчина въ турецкомъ офицерскомъ костюмѣ; лицо довольно красивое, блѣдное, съ окладистою бородой и съ голубыми глазами. Какъ видно, онъ тоже испугался и пробормоталъ несвязную фразу по-французски, но не французскимъ акцентовъ. Оказалось, что онъ въ Сулеймановой арміи служилъ докторомъ; самъ же родомъ итальянецъ; при отступленіи арміи заболѣлъ, а потому и отсталъ; жаловался на турецкое правительство, говоря, что сулило оно много, а на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, оставило не причемъ, ибо въ теченіе всей кампаніи не выдавало ему никакого содержанія; жаловался также и на солдатъ, потерявшихъ всякое уваженіе къ офицерскому званію, и даже до такой степени, что самаго его, напримѣръ, избили по лицу. Женщина и ребятишки, видя, что мы не кусаемся, а напротивъ того, разговариваемъ съ турецкимъ докторомъ очень дружелюбно, малу-по-малу пріободрились и выраженіе тупаго страха исчезло съ ихъ физіономій. Кто-то изъ нашихъ обратилъ на нихъ вниманіе. и докторъ заявилъ намъ при семъ, что это его жена и дѣти. Зачѣмъ ужъ онъ и этихъ несчастныхъ таскалъ за собою—не понимаю. Но какъ доволенъ и радъ былъ бѣднякъ, что „сѣверные варвары" обошлись съ нимъ совсѣмъ хорошо, по человѣчески, даже помощь кое-какую оказали. Въ благодарность полетѣлъ онъ добывать намъ розоваго масла и далъ каждому по маленькому пузырьку, въ которыхъ, впрочемъ, какъ оказалось послѣ, было деревянное масло, приправленное одною каплей розоваго для запаха. Это, впрочемъ, обычный предметъ мелкаго торговаго надувательства на Востокѣ, въ каковомъ упражняются греки и армяне, обманывая довѣрчивыхъ европейцевъ.

— Ваше высокоблагородіе, казакъ Кузнецовъ пріѣхалъ изъ Адріанополя,—доложилъ вѣстовой.

— Зови.

Вошелъ казакъ и подалъ записку отъ ветеринарнаго врача Котлубая, гдѣ тотъ извѣщаетъ, что перемиріе дѣйствительно заключено.

— Ура, господа!—крикнулъ я, и мой возгласъ подхватили лежавшіе на соломѣ офицеры. Извѣстіе это было хотя

и частное, но я все-таки на радостяхъ велѣлъ позвать трубачей проиграть „Боже, Царя храни“! Такимъ образомъ Родопскія горы, вѣроятно впервые отъ созданія міра, огласились звуками русскаго народнаго гимна и криками русскаго ура. Славу Богу, кончается наша трудная жизнь! Но... все-таки до полученія того же извѣстія оффиціальнымъ путемъ мы не имѣли права останавливать дальнѣйшее свое движеніе и потому на утро тронулись въ походъ подъ Гюмурджину.

Все выше и выше поднимались мы на горы, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Старыхъ Балканъ. Ихъ подъемы, обрывы и ущелья не уступятъ Новымъ Балканамъ. Еще не доходя до одной деревни (не помню уже теперь названія), населенной помаками, насъ застала вечерняя темнота, такъ что мы рѣшились въ этой деревнѣ и заночевать. Деревня сидѣла въ какой-то котловинѣ, какъ будто ее кто вдавилъ туда. Размѣстивъ полкъ, я пошелъ на свою квартиру, гдѣ хозяинъ оказался очень любезнымъ человѣкомъ, хоть сначала въ качествѣ помака и косился на насъ нѣсколько злобно. Затопили очагъ, и я съ Сухомлиновымъ легли на лавкахъ въ ожиданіи чая, приготовленіемъ котораго спеціально занялся есаулъ Шаровъ, все приглядывавшійся при каждой вспышкѣ сыроватыхъ дровъ, чтобы не попала въ чайникъ какая-нибудь турецкая козявка. Возлѣ него, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ есаулъ Поцѣлуевъ. Не помню, что именно послужило поводомъ къ очень занимательному и полному романическаго интереса разсказу, который началъ Сухомлиновъ, лежа съ закинутыми за голову руками. Этотъ разсказъ, полный живой фантазіи и вдобавокъ передаваемый такъ изящно и искусно, въ простой разговорной формѣ, овладѣлъ и воображеніемъ, и чувствомъ слушателей и увлекательно переносилъ и то, и другое къ картинамъ и быту далекой родины, къ аллеямъ и паркамъ Варшавы, къ салонамъ Петербурга... И гдѣ, въ какой обстановкѣ, подумаешь, такъ заносились мы своими мечтами. На земляномъ полу убогой помацкой лачуги, въ какой-то трущобѣ дикихъ Родопскихъ горъ. Казалось бы обстановка для такихъ увлекательныхъ фантазій и вовсе не

подходящая, и вотъ поди-жъ ты! Теперь, какъ вспоминаю я этотъ разсказъ и ту убогую хижину, и угрюмое лицо хозяина-помака, для меня вся эта обстановка, именно въ связи съ тѣмъ разсказомъ, получаетъ какую-со особенную прелесть.

На другой день, тронувшись съ мѣста, мы утѣшали себя упованіемъ, что дѣлаемъ уже послѣдній переходъ, съ окончаніемъ коего, прорѣзавъ съ сѣвера на югъ всѣ Родопскія горы, спустимся на роковой берегъ Эгейскаго моря. Въ этотъ переходъ приходилось намъ много нагонять и перегонять отсталыхъ солдатъ Сулеймановой арміи, слѣдовательно мы, такъ сказать, сидѣли на хвостѣ отступающаго непріятеля. Дорога, безъ преувеличенія можно сказать, была устлана трупами замерзшихъ лошадей и людей. Вотъ поднялись мы на наивысшую точку одной изъ наиболѣе значительныхъ вершинъ. Ни кустика, ни деревца, все пустынно, молчаливо, мертво и сплошь засыпано снѣгомъ. Здѣсь отряду позволили немножко отдохнуть, чтобы дать время подтянуться отсталымъ. „Посмотри, какъ это хорошо“!—съ увлеченіемъ сказалъ мнѣ Сухомлиновъ, поведя рукой на окружавшее насъ пространство. И дѣйствительно, картина была поразительная, полная красоты и величія. Впереди земля и небо сливались въ одно безконечное пространство, заволокнутое молочно-бѣлою туманною дымкой, сквозь которую просвѣчивало багряное зарево восходящаго солнца; позади же являлась совсѣмъ другая картина: все пространство, пройденное нами отъ Марицы, было видно какъ на ладони; весь нашъ путь, всѣ эти горы, лощины, рѣченки, лѣса и притаившіяся деревни воочію предстали передъ нами сразу какъ на планѣ, мы глядѣли на нихъ съ нашей вершины, словно бы съ высоты птичьяго полета. А тамъ, далеко, далеко позади, можно разглядѣть ужъ съ помощью бинокля и еще другія синія горы и на ихъ верхушкахъ бѣлыя снѣговыя пятна,—то виднѣются Великіе Балканы со своими страшными Шипками, Траянами, Мара-Гайдуками... Во всю жизнь не забуду эту дивную картину, да едва ли и придется видѣть еще гдѣ и когда-нибудь нѣчто подобное!.. Съ этой высоты начался нашъ спускъ по дорогѣ, ведущей

сквозь ущелье въ городъ Гюмурджину. Дорога довольно порядочная, хотя каменистая. На послѣднемъ изъ уступовъ спуска подъѣхали посмотрѣть укрѣпленія: ничего себѣ, довольно серьезныя. Когда же спустились въ долину, то тутъ насъ встрѣтила совсѣмъ уже весна: зелень въ садахъ, зелень на поляхъ, солнечный блескъ, тепло животворящее, щебетанье пташекъ, цвѣты какіе-то... роскошь, да и только!.. Въ окрестностяхъ города Гюмурджины разбросано много табачныхъ и огородныхъ плантацій; виднѣются тамъ и сямъ бѣлыя стѣны и черепичныя кровли укромныхъ чифтликовъ (турецкихъ хуторовъ). На дворѣ январь мѣсяцъ, а тутъ, въ огородахъ на грядахъ, торчатъ уже довольно порядочные кочни капусты, кустятся артишоки... А у насъ на матушкѣ Руси всѣми такими вкусностями еще когда-то да когда будутъ лакомиться!.. Не доходя двухъ верстъ до города, отрядъ былъ остановленъ генераломъ Чернозубовымъ, и Сухомлиновъ съ двумя казаками поѣхалъ въ городъ, съ цѣлью предупретить каймакама о вступленіи русскаго отряда и чтобы жители не безпокоились. Нужно замѣтить, что находившійся при отрядѣ переводчикъ слышалъ отъ проходящихъ турокъ, что въ Гюмурджинѣ находятся до тысячи человѣкъ турецкаго низама. Пока мы стоимъ себѣ да ожидаемъ, вдругъ глядь-поглядь—что за суматоха поднялась въ городѣ, скачка на лошадяхъ какая-то, даже выстрѣлы. Думаю себѣ: „Ну, попался бѣдный Сухомлиновъ!.. Что какъ ему плохо тепѐрь приходится?.. Впередъ идти бы, на выручку“... Генералъ, видя въ городѣ это необыкновенное движеніе, приказалъ на всякій случай посмотрѣть винтовки,—какъ бы часомъ не пришлось еще подраться и близь моря. Но вотъ скачетъ отъ Сухомлинова казакъ съ запиской, въ которой тотъ приглашаетъ отрядъ вступать въ городъ. Мы тронулись, и вскорѣ замѣтили, что на встрѣчу намъ валитъ какая-то толпа пѣшихъ и конныхъ людей; только толпа не военная. То были жители Гюмурджины, большею частью греки. Впереди этой толпы красовался въ сѣдлѣ самъ каймакамъ, полковникъ турецкій службы, а съ нимъ и архіерей греческій, Іеронимъ. Оба они верхами подскакали къ генералу и изъявивъ свои привѣтствія чрезъ переводчика, при-

гласили войти въ городъ, гдѣ у нихъ-де уже сдѣлано распоряженіе объ отводѣ для отряда удобныхъ квартиръ. Я вызвалъ впередъ хоръ трубачей своего полка (а надо замѣтить, что въ 30-мъ Донскомъ полку были тогда прекрасно обученные музыканты), и все время, что мы шли по улицамъ, наша музыка наигрывала веселые марши. Наше появленіе было такъ неожиданно, что мы застали всю городскую жизнь въ ея завсегдашнемъ видѣ, во всѣхъ ея вседневныхъ проявленіяхъ. На пути намъ встрѣтились огромныя галлереи, наполненныя рядами маленькихъ мелочныхъ лавченокъ. Торговцы—почти исключительно все греки; но есть и евреи, которыхъ сейчасъ же узнаешь по пейсамъ и характерному семитическому типу лица, хотя здѣшній израиль и облекается въ турецкій костюмъ. Турки здѣсь почти вовсе не занимаются торговлей; по крайней мѣрѣ, глядя на юркихъ грековъ и евреевъ, которые такъ и кишатъ въ своихъ лавченкахъ, и сравнивая съ ними сидящихъ тутъ же рядомъ купцовъ турецкаго происхожденія, въ моемъ умѣ, при видѣ послѣднихъ, все не вяжется съ ними представленіе о торговой дѣятельности. Купцы-турки какъ засядутъ съ утра, такъ и сидятъ себѣ до конца торга на землѣ съ поджатыми подъ себя ногами и сидятъ почти неподвижно, пуская ароматный дымъ изъ длинныхъ чубуковъ своихъ курительныхъ трубокъ и созерцая какими-то сонными глазами свой товаръ, разложенный передъ ними тутъ же на землѣ. Этотъ товаръ обыкновенно является въ видѣ какихъ нибудь десяти пачекъ табаку или нѣсколькихъ коробочекъ спичекъ и трута, или же въ видѣ двухъ-трехъ печеныхъ хлѣбовъ, толченой горчицы, яицъ да соли,—въ этомъ и вся турецкая торговля, по крайней мѣрѣ я лично ничего другаго у купцовъ-турокъ не замѣтилъ.

Полицейскіе усиленно хлопотали о нашихъ квартирахъ; въ особенности одинъ изъ нихъ много кричалъ и махалъ руками, видимо желая показать свое усердіе. Вообще все это со стороны турецкихъ заптіевъ было очень добродушно и,—что вы хотите,—но рѣшительно ни малѣйшей злобы или ненависти противъ насъ, гяуровъ, не выражали ихъ физіономіи. А ужъ чего бы кажется!.. Эскадроны и сотни,

не разбивая, размѣстили мы по отдѣльнымъ дворамъ, что было очень удобно на случай тревоги и быстраго сбора. У каждаго двора поставлены подчасочные. Генералу отвели квартиру въ великолѣпномъ домѣ богатаго грека, а мнѣ съ Сухомлиновымъ—у архіерея Іеронима, черезъ два дома отъ генерала. Архіерей оказался очень пріятнымъ, любезнымъ и образованнымъ человѣкомъ; живетъ очень богато и подарилъ намъ на память свои фотографическія карточки. Окна нашей квартиры выходили на городскую площадь, гдѣ вечеромъ играла наша музыка и пѣли пѣсенники.

Въ Гюмурджинѣ было получено нами свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша сажаетъ свою армію на пароходы въ Карагачѣ, это всего въ пятнадцати верстахъ отъ Гюмурджина, а у насъ хотя и музыка, и пѣсни, тѣмъ не менѣе мы всетаки щетинились на всякій случай и для пущей безопасности поставили вокругъ города свои пикеты. Были получены также и телеграммы отъ турецкаго правительства, въ коихъ оно увѣдомляло насъ, что перемиріе уже заключено и что поэтому намъ приказываютъ очистить городъ. На это подполковникъ Сухомлиновъ отвѣчалъ, что русскіе военачальники привыкли получать приказанія только отъ своего правительства или начальства, въ каковыхъ случаяхъ и исполняютъ ихъ безусловно. На слѣдующее утро моего полка урядникъ, изъ дворянъ, Иловайскій, препроводилъ къ намъ турецкаго генерала Скендеръ-пашу; этотъ генералъ съ аршинными усами (какъ оказалось, родомъ венгерецъ) пріѣхалъ къ намъ со своимъ конвоемъ изъ десяти человѣкъ и довольно нахальнымъ тономъ заявилъ, что желаетъ видѣть начальника штаба нашего отряда и потому требуетъ его къ себѣ. Въ отвѣтъ на это „требованіе“ его проводили къ Сухомлинову, который его и принялъ, разумѣется, вѣжливо.

— Вы знаете, что вы окружены нашими войсками, и если не отступите, то вамъ будетъ плохо,—гордо обратился къ нему паша по-французски.

— Не знаю, окружены ли мы,—отвѣтилъ тотъ съ полнымъ спокойствіемъ;—а вотъ то, что вы въ такомъ случаѣ нашъ военноплѣнный—это я вижу, потому что ваше превосходи-

тельство находитесь здѣсь среди русскаго отряда лишь со своими десятью конвойными.

— Въ такомъ случаѣ мы будетъ драться,—сфорсилъ венгерецъ.

— Что жъ, и прекрасно. Мы не прочь,—согласился Сухомлиновъ:—мы дрались уже съ турецкими войсками на Дунаѣ, дрались и до Балканъ, и на Балканахъ и за Балканами; отчего же не подраться и на берегу моря, если придется?!

Паша, очевидно, думалъ было запугать Сухомлинова, но ошибся въ разсчетѣ—не на того напалъ, и получивъ достойный отпоръ, сдѣланный ему вполнѣ вѣжливо и спокойно, но не безъ ядовитости, вдругъ, къ удивленію нашему, разомъ перемѣнилъ тонъ, сталъ очень мягокъ, любезенъ и разговорчивъ и просилъ проводить его къ нашему генералу. У генерала Чернозубова это былъ совсѣмъ уже шелковый человѣкъ, и когда наша музыка заиграла вдругъ подъ окнами кадриль изъ „Анго", то Скендеръ-паша, увлекшись звуками и потому впавъ отчасти въ легкое забытье, началъ даже выбивать тактъ ногой. Глядя на это, мы только кусали себѣ губы, чтобы не разсмѣяться. Во время этого музыкальнаго наслажденія, въ комнату вошелъ Бугскаго уланскаго полка поручикъ Бакунинъ и подалъ генералу Чернозубову запечатанный пакетъ, поздравивъ его на словахъ съ перемиріемъ. Слава Богу! теперь уже нѣтъ сомнѣнія. Въ привезенной же бумагѣ заключалось приказаніе нашей бригадѣ вернуться изъ Гюмурджины и расположиться по деревнямъ вдоль рѣки Арды, т. е. занять демаркаціонную линію.

На другой, кажется, день, подполковникъ Сухомлиновъ долженъ былъ ѣхать съ докладомъ прямо въ Адріанополь, въ главную квартиру. Пользуясь перемиріемъ, отпросился у генерала и я въ отпускъ туда же, такъ какъ мнѣ была надобность видѣть походнаго атамана по дѣламъ, касающимся полка. Поручивъ временное командованіе полкомъ войсковому старшинѣ Грузинову, я вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ выѣхалъ изъ Гюмурджины утромъ, но уже по новой дорогѣ, по маршруту на портъ Деде-Агачъ, занятый отрядомъ генерала Карцова. Въ видѣ конвоя, насъ сопровождали пятнадцать казаковъ. Дорога шла все время по берегу моря-

Здѣсь совсѣмъ уже другія села, то есть по внѣшности, пожалуй, и похожія на видѣнныя нами прежде, но тѣ большею частію были разоренныя, а эти уцѣлѣли вполнѣ и процвѣтали всею прелестью своей обычной жизни на берегахъ дивнаго моря, подъ дыханіемъ роскошной южной весны. Жители этихъ селеній уже знали о заключенномъ перемиріи и потому съ полнымъ спокойствіемъ предавались въ садахъ и на поляхъ своимъ обычнымъ весеннимъ работамъ. При выѣздѣ изъ Гюмурджины намъ пришлось ѣхать цѣлою улицей турецкихъ бѣгунцовъ, уходившихъ въ виду появленія русскихъ войскъ еще отъ самыхъ Балканъ. Эти несчастные сами намъ разсказывали съ горькими сѣтованіями, что строгій приказъ о поголовномъ бѣгствѣ всѣхъ жителей мусульманъ былъ отданъ Сулейманъ-пашей, и что ихъ заставляли бѣжать большею частью насильно, а кто не хотѣлъ подчиняться этому требованію, того имущество почти всегда разорялось турецкими же солдатами. Этихъ бѣгунцовъ насчитывали въ одной лишь Гюмурджинѣ до пятидесяти тысячъ душъ, и какъ злобно они на насъ посматривали, а впослѣдствіи они же работали въ Родопскихъ возстаніяхъ. Подъѣзжая къ Деде-Агачу, намъ пришлось ѣхать варстъ пятнадцать буквально по мраморной дорогѣ. Вообще прибрежныя горы и скалы здѣсь весьма богаты мраморомъ. Спустились мы въ какое-то ущелье, гдѣ меня заинтересовали громадныя дуплистыя и развѣсистыя деревья. Турокъ, провожавшій насъ, назвалъ ихъ „карагачъ“ (платанъ, чинаръ) и при этомъ прибавилъ, что такъ какъ карагачей въ этой мѣстности осталось уже немного, то ихъ запрещено рубить. Портъ Деде-Агачъ не великъ; тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ берега находится и вокзалъ желѣзной дороги, куда мы прямо и отправились и застали тамъ майора Старо-Ингерманландскаго полка Духновскаго съ его баталіономъ. Нашъ почтенный боевой товарищъ состоялъ здѣсь начальникомъ гарнизона и комендантомъ порта и станціи. Онъ сообщилъ намъ, что ни вагоновъ, ни паровозовъ на мѣстѣ нѣтъ, все забрано въ Адріанополь для перевозки къ Царьграду. Нечего дѣлать, придется снова проѣхать верхомъ до Адріанополя. Пока лошади отдыхали, мы пошли

пообѣдать въ ресторанъ, а казаки обрадовались дешевымъ апельсинамъ и накупили ихъ массу, платя за десятокъ по галагану (2½ коп.). Послѣ обѣда, прогуливаясь, подошли къ самому морю. Берегъ здѣсь совершенно низменный, такъ что какъ посмотришь на волнующееся море, то уровень его представляется глазу болѣе возвышеннымъ, чѣмъ берегъ, и вамъ такъ и кажется, будто это море вотъ-вотъ совсѣмъ уже надвигается на васъ и зальетъ васъ своими зелеными волнами. Это производитъ на душу какое-то подавляющее впечатлѣніе! Но какъ прекрасенъ отсюда видъ острова Святого Иліи!.. Громадная лилово-бурая скала, возносясь изъ нѣдръ моря своими красивыми очертаніями, до половины покрыта сверкающимъ снѣгомъ, и на глазъ сдается, будто она не дальше двухъ верстъ отъ берега, а между тѣмъ до Святаго Иліи добрыхъ шесть часовъ плаванія. Видны въ морской дали легкія очертанія и другихъ острововъ Эгейскаго моря, но уже смутно, какъ бы сквозь дымку легкаго тумана. Картина прелестная. Отъ Деде-Агача наша дорога шла все время около полотна желѣзной дороги. На второй день, подъѣзжая къ станціи Каваджикъ, насъ догналъ поѣздъ, который возилъ смѣну майору Духновскому и теперь возвращался въ городъ Демотику, откуда долженъ былъ направиться въ Адріанополь. Благодаря этой счастливой случайности, мы пріѣхали во вторую столицу Турціи значительно раньше, чѣмъ предполагали. Здѣсь уже было собрано много войска всѣхъ родовъ оружія, расположенныхъ отчасти бивуаками, отчасти въ домахъ предмѣстья. По бокамъ шоссе, ведущаго отъ вокзала къ городу, стояли парки и артиллерія. Сѣли мы въ извощичій фаэтонъ, запряженный парой; за кучера сидѣлъ босой турокъ съ засученными по локоть рукавами, съ широко-открытою наголо грудью, но за то съ широко-намотаннымъ вокругъ живота поясомъ.

Слѣдуя по предмѣстьямъ, прежде чѣмъ вступить въ самый городъ, проѣхали мы черезъ Арду и Марицу по двумъ широкимъ каменнымъ сводчатымъ мостамъ прекрасной древней постройки. Городъ, увы! на много разочаровалъ наши ожиданія. Издали онъ очень красивъ и своеобразенъ, какъ всѣ вообще восточные города, но вблизи—это скопище вся-

кой грязи и вони; тѣснота улицъ, тѣснота строеній, да и самыя строенія, по большей части, какое-то жиденькое деревянное старье, почти готовое рухнуть. Впрочемъ, каменныя постройки, какъ напримѣръ казармы, конакъ, базары, бани, мечети, отличаются своею солидностью и массивностью. На улицахъ и тѣсныхъ площадяхъ здѣсь теперь происходитъ вавилонское столпотвореніе. Вотъ ужъ именно можно какъ нельзя болѣе кстати воскликнуть съ поэтомъ:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!..

Жидовъ здѣсь множество на каждомъ шагу, но не столько турецкихъ, сколько нашихъ. И какіе же „гешефты" они тутъ продѣлываютъ! Богъ мой!..

По нашей просьбѣ извозчикъ привезъ насъ въ „лучшую" гостинницу; но когда мы очутились въ отведенной намъ комнатѣ, то невольно самъ собою явился вопросъ: каковы же должны быть тутъ второстепенныя гостинницы, если въ „лучшей" такая ужасная грязь и мерзость?.. Переодѣвшись, т. е. вѣрнѣе сказать почистившись (потому что переодѣваться было не во что), мы пошли въ конакъ (губернаторскій домъ, громадныхъ размѣровъ), гдѣ помѣщался Великій Князь Главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Его Высочество встрѣчилъ насъ очень ласково и благодарилъ за славный походъ. Какъ узнали мы впослѣдствіи, онъ очень безпокоился объ участи нашего отряда, въ особенности при крайне рискованномъ переходѣ черезъ Траянъ. Вскорѣ главная квартира перешла въ Санъ-Стефано, а съ нею и всѣ управленія, и такимъ образомъ, пока я успѣлъ подготовить всѣ дѣла, касающіяся полка, нашъ походный атаманъ уже уѣхалъ изъ Адріанополя.

Поэтому въ мартѣ мѣсяцѣ я долженъ былъ отправиться къ нему въ Санъ-Стефано, и случилось такъ, что въ это самое время при главной квартирѣ была собрана послѣдняя Георгіевская дума, въ которую успѣло попасть и представленіе обо мнѣ, да даже не одно, а два разомъ: за Траянскій перевалъ и за отбитіе 53-хъ орудій при деревнѣ Караджиляръ. За оба дѣла меня представили къ Георгію 4-й степени. Рѣшили такъ: за первое дать Георгіевскій крестъ (4-й сте-

пени), а за послѣднее очередную награду. Кто получалъ эту великую и славную награду, тотъ конечно пойметъ, какъ я былъ радъ и счастливъ и тѣмъ болѣе, что меня позвали къ Великому Князю, который самолично вручилъ мнѣ крестъ, и при этомъ, поздравляя, обнялъ, поцѣловалъ меня и много благодарилъ за подвиги ввѣренной мнѣ части.

Было бы грѣшно не воспользоваться случаемъ побывать въ Константинополѣ, находясь отъ него менѣе, чѣмъ въ разстоянiи одного часа ѣзды. Я отпросился и поѣхалъ. Но о Царьградѣ уже столько писалось и въ прежнiе годы, и нынѣ, что мое слабое перо, конечно, не прибавитъ ничего новаго къ тѣмъ яркимъ и даровитымъ описанiямъ этого города, какими богата и европейская, и русская литература. Я былъ пораженъ своеобразностью и громадностью этого красавца-города. Я восхищался его картинными видами, пока не ступилъ съ пароходнаго борта на деревянный мостъ и въ особенности съ сего послѣдняго на набережную Галаты. Лучше было бы остаться при своемъ первомъ впечатлѣнiи!.. Мѣстами, несмотря на грязь, пестрота улицъ и уличныхъ сценъ, и архитектура кiосковъ, мечетей и отдѣльныхъ зданiй и здѣсь точно такъ же, какъ и въ общей картинѣ, очень своеобразны, красивы, порою даже изящны, но... любоваться ими приходится по большей части не иначе, какъ зажавъ себѣ носъ. Скажу лишь одно, что мусульманскiй степенный Стамбулъ понравился мнѣ несравненно болѣе, чѣмъ европейская Пера. Посѣтилъ я и Безестенъ (центральный Стамбульскiй базаръ), но увы!.. и сюда уже успѣли вторгнуться товары европейскаго издѣлiя, въ видѣ всяческой патентованной дряни, которая намъ и у себя-то дома столь скучно мозолитъ глаза. Какъ жаль, что эта пресловутая „цивилизацiя“ со всего, къ чему лишь она ни прикоснется, стираетъ всѣ яркiя краски, всѣ самобытныя характерныя черты и особенности!.. Та же печальная участь, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ со временемъ и Стамбулу. Дай Богъ только, чтобъ это „современемъ“ наступило для него какъ можно позднѣе. Оговорюсь, впрочемъ, что пожеланiя мои относятся лишь къ художественной сторонѣ Стамбула, его жизни и быта.

Въ Санъ-Стефано пробылъ я всего лишь нѣсколько дней

и опять вернулся въ Адріанополь, гдѣ засталъ одного изъ офицеровъ моего полка, расположеннаго въ то время въ деревняхъ вдоль берега рѣки Арды. Офицеръ этотъ прибылъ съ донесеніемъ, что большія партіи баши-бузуковъ сдѣлали взнезапное нападеніе на нашу вторую сотню, причемъ убитъ одинъ казакъ, а ранено два и пять лошадей; кромѣ того, отбито много казачьихъ и офицерскихъ вьюковъ и сотенныя письменныя дѣла.

Итакъ, съ нами продолжаютъ драться, не взирая на перемиріе, благодаря которому казачки, безъ сомнѣнія, послабили мѣры предосторожности, за что вотъ и поплатились. Изумленные дерзостью этого внезапнаго нападенія, мы и не чаяли, что оно было началомъ такъ называемаго „Родопскаго возстанія", о которомъ столько накричали Европѣ господа англичане.

Командующимъ въ то время девятымъ пѣхотнымъ корпусомъ былъ генералъ-лейтенантъ Делинсгаузенъ. Онъ далъ мнѣ предписаніе по возможности успокоить это возстаніе, держась всетаки на линіи рѣки Арды, что однакоже не легко было мнѣ исполнить на такомъ пространствѣ, съ одною лишь наличною казачьею силой моего полка. Входя въ наше положеніе, командующій девятымъ корпусомъ вскорѣ прислалъ къ намъ на подмогу два баталіона пѣхоты и взводъ артиллеріи, такимъ образомъ наша линія была значительно усилена, и турки стали меньше лѣзть на насъ. Въ маѣ мѣсяцѣ на смѣну тридцатому Донскому полку пришелъ девятый Драгунскій полкъ, а моего полка сотни поставлены были по рѣкѣ Тунджѣ, вверхъ отъ Адріанополя и по линіи желѣзной дороги, а штабъ полка—въ городѣ Паша-Мустафа-Кепри-Су (первыя два слова означаютъ фамилію губернатора Кепри—мость, а Су—рѣчка, вода). Мостъ дѣйствительно большой, каменный, черезъ рѣку Марицу. Здѣсь уже намъ вполнѣ былъ отдыхъ, но къ сожалѣнію, низменная мѣстность оказывала зловредное вліяніе: люди стали болѣть тифомъ въ значительномъ числѣ, тогда какъ во время стоянки въ горахъ, на Ардѣ, больныхъ у насъ было всего лишь два человѣка. Городъ Мустафа-Паша населенъ на половину болгарами, на половину турками; но послѣднихъ въ настоящее время осталось очень мало: всѣ убѣжали въ Константинополь. Какъ

болгары, такъ и турки занимаются здѣсь преимущественно разведеніемъ шелковичныхъ червей, для чего окрестности города сплошь заняты плантаціями тутовыхъ деревьевъ. Садоводы ежегодно подстригаютъ вѣтви, не давая стволу дерева рости въ вышину, для того чтобы ростъ его шелъ преимущественно въ молодые отпрыски, изобилующіе наиболѣе сочными и нѣжными листьями или, какъ называютъ болгары, „купрыной“. Промыселъ доходный, но требуетъ большихъ трудовъ и хлопотъ.

Здѣсь наконецъ-то пришлось мнѣ въ первый разъ за десять мѣсяцевъ бивуачной жизни помыться не въ турецкой, а въ настоящей нашей „рассейской“, солдатской банѣ. Баня эта хотя и съ плохою обстановкой, но все-таки пріятна.

10-го іюня понадобилось мнѣ съѣздить въ Адріанополь Сѣлъ я уже въ вагонъ, какъ вдругъ подаетъ казакъ конвертъ, распечатываю, и не вѣрю своимъ глазамъ. Вотъ содержаніе бумаги: „Предписываю вашему высокоблагородію немедленно собрать полкъ и всѣхъ отдѣльно откомандированныхъ людей въ Тырново-Семенли, а оттуда слѣдовать къ городу Рущуку“. Подписано: „Россійскій Императорскій коммиссаръ, князь Дундуковъ-Корсаковъ“. Можете себѣ представить, какъ мы обрадовались. Я сейчасъ же послалъ нарочныхъ къ сотеннымъ командирамъ. Прощай, Турція! Придется ли когда еще разъ побывать въ тебѣ?..

12-го іюня со штабомъ и двумя сотнями выступилъ я изъ Мустафа-Паши. Посмотришь, у каждаго казака ясно была написана радость на лицѣ. Первая станція Германлы—разоренное турецкое мѣстечко. Дождь всю ночь мочилъ насъ не переставая, но, несмотря на это, на нашемъ бивуакѣ слышны были пѣсни и веселые разговоры.

На другой день пришли мы въ Тырново-Семенли, гдѣ остальныя сотни уже ожидали насъ.

14-го числа уже всѣмъ полкомъ, сдѣлавъ небольшой переходъ до станціи желѣзной дороги, пришли въ Эски-Загру,—былъ когда-то хорошенькій городъ, но теперь почти сплошь разоренный послѣ первой забалканской экспедиціи. Страшнымъ погромомъ заплатилъ тогда Сулейманъ-паша эски-загр-

скимъ болгарамъ за ихъ сочувствіе къ русскимъ... Здѣсь по маршруту намъ была назначена дневка.

16-го числа пришли въ городъ Ени-Загру. Какія здѣсь ровныя мѣста! Плоская равнина тянется на нѣсколько десятковъ верстъ, представляя собою такую картину, напоминающую отчасти наши родныя степи, отъ которой нашъ глазъ давно успѣлъ уже отвыкнуть въ горныхъ и холмистыхъ странахъ Балканскаго полуострова.

17-го попали опять въ долину рѣки Тунджи и пришли въ городъ Сливно. Эта долина на всемъ своемъ протяженіи чрезвычайно живописна. Самый городъ увидишь лишь тогда, какъ подъѣдешь къ домамъ его окраины. Онъ залегъ совсѣмъ въ углу долины, образуемой горными отрогами Балканъ. Опять предъ нами эти страшные Балканы, но въ этомъ мѣстѣ они гораздо ниже сравнительно съ Шипкой и Траяномъ.

На 18 число нашъ маршрутъ указывалъ переходъ въ городъ Казанъ или Котелъ. По разспросамъ у болгаръ оказалось, что прямо перейти черезъ хребетъ нельзя, поэтому пошли мы въ обходъ и вышли на Ямбольское шоссе. Дорога сама по себѣ оказалась очень хорошею, да къ тому же она была еще исправлена и нашими саперами; но переходъ на этотъ разъ былъ непомѣрно великъ и въ особенности памятенъ мнѣ тѣмъ, что на самомъ походѣ я опять заболѣлъ лихорадкой. Говорю: опять, потому что еще въ Мустафа-Пашѣ у меня уже были пароксизмы. Городъ Казанъ топографически совершенно отправдываетъ свое названіе, онъ такъ окруженъ отовсюду горами, что сидитъ какъ бы въ котлѣ или въ чашкѣ громадныхъ размѣровъ, и это на самомъ перевалѣ Балканъ. На всѣхъ окружающихъ его высотахъ построены очень хорошіе редуты, такъ что, еслибы пришлось брать ихъ съ бою, то не мало полегло бы народу. Здѣсь мы имѣли дневку, но я все время пролежалъ больной и поэтому города не видѣлъ.

Отъ Котла перевалили мы на сѣверный склонъ Балканъ и начали спускаться съ нихъ все ниже и ниже; черезъ четыре перехода подошли къ городу Разграду. День былъ невыносимо жарокъ, а нашъ путь лежалъ большею частью

вдоль по ущелью, гдѣ почти вовсе на было вѣтерка, такъ что духота стояла просто нестерпимая. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ повѣяло на насъ прохладой; смотримъ — налѣво съ обрыва футовъ 50 вышиной падаетъ съ шумомъ вода; брызги разлетаются пылью, а внизу, подъ этимъ естественнымъ душемъ, солдатики купаются. Мы имъ отъ души позавидовали.

Разградъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и почти нетронутъ разореніемъ, сопряженнымъ въ Турціи съ войной. Въ городѣ большое движеніе; много нашихъ войскъ. Здѣсь была получена мною телеграмма отъ походнаго атамана, генералъ-лейтенанта Ѳомина, съ приказаніемъ увѣдомить его, когда полкъ придетъ въ городъ Рущукъ. Здѣсь же въ мой полкъ на бивуакъ пріѣхалъ командиръ атаманскаго полка генералъ Мартыновъ, бывшій сослуживецъ по Лейбъ-Казачьему полку. Въ моемъ полку онъ много нашелъ казаковъ, служившихъ въ 94 армейскомъ полку, которымъ онъ командовалъ. Благодарилъ ихъ за молодецкую службу.

27-го іюня пришли мы къ Рущуку. Когда открылся предъ нами Дунай, то люди, несмотря на жару, замѣтно оживились какъ бы въ какомъ-то нервномъ возбужденіи. Поднялся бойкій, веселый говоръ, явилось мѣсто воспоминаніямъ о началѣ этой войны, и каждый изъ нихъ спѣшилъ узнавать и указывать на противоположномъ берегу Дуная знакомыя мѣста: Журжево, Слободзею и пикетъ Малорошъ... А вотъ прямо предъ нами на этомъ берегу и знаменитый турецкій фортъ Левентъ-Табія, сейчасъ значитъ и самый Рущукъ,— предѣлъ нашему странствію по Болгаріи. Полкъ прошелъ чрезъ весь городъ, войдя въ Разградскія ворота и выйдя въ Силистрійскія. Назначено было намъ стать бивуакомъ у берега Дуная, гдѣ и оставаться впредь до приказанія; но приказаніе это послѣдовало не скоро, почему и остановились мы здѣсь на отдыхѣ до 11-го августа.

Въ теченіе этого времени походный атаманъ, прибывшій въ Рущукъ, произвелъ полку инспекторскій смотръ и остался очень доволенъ какъ людьми, такъ и лошадьми. Дѣйствительно, поотдохнувшіе люди имѣли бодрый видъ, а лошади настолько сохранились, что многія изъ нихъ годились бы еще для одного похода.

10-го августа — ура! радость!.. Отъ генералъ-адъютанта Дрентельна было получено предписаніе, чтобы 11-го числа выступить со ввѣреннымъ мнѣ полкомъ въ предѣлы Россіи, причемъ прилагался и маршрутъ, по которому путь нашего слѣдованія былъ тотъ же самый, какимъ шли мы изъ Россіи къ Дунаю, а потому не считаю интереснымъ повторятъ то, что уже было описано мною.

Еще разъ прошу читателя моихъ Записокъ извинить автора, если что найдетъ не интереснымъ. За справедливость же описаннаго ручаюсь.

Записка Генерала М. Д. Скобелева

ЕСАУЛУ 30-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА

А. Грузинову.

Любезный Грузиновъ, вмѣсто того, чтобы сообщать, что дѣлается на Балканахъ, для такого отличнаго офицера какъ вы, вамъ бы лучше пронюхать основательно, по казачьему: 1) Что дѣлается въ Карловѣ, Траянѣ и Ловчѣ. 2) Путь отъ Карлова до Траяна проходимъ-ли для артиллеріи и не исправляютъ ли его турки. 3) Гдѣ собраны болѣе значительныя шайки баши-бузуковъ, какъ расположены и нельзя ли ихъ удобно срѣзать. 4) Ходятъ-ли и когда транспорты непріятеля изъ Траяна и Микре въ Ловчу, порядокъ ихъ слѣдованія, составъ прикрытія и проч.

Вообще нельзя ли нагнать страху на непріятеля смѣлымъ движеніемъ кавалеріи изъ Рабіи Бориме (Borima), гдѣ 29 іюля была въ сборѣ большая шайка, Микре, Радевени. Можно **ли вездѣ** пройти съ конной артиллеріей, что первоначально важно. Осторожность и глубокая тайна при сборѣ свѣдѣній съ вашей стороны необходимы.

Подумайте **осторожно** и провѣдайте.

Жду отвѣта къ завтрашнему утру. Въ случаѣ опасности знайте, что у меня казачья бригада.

Генералъ-маіоръ ***Скобелевъ.***

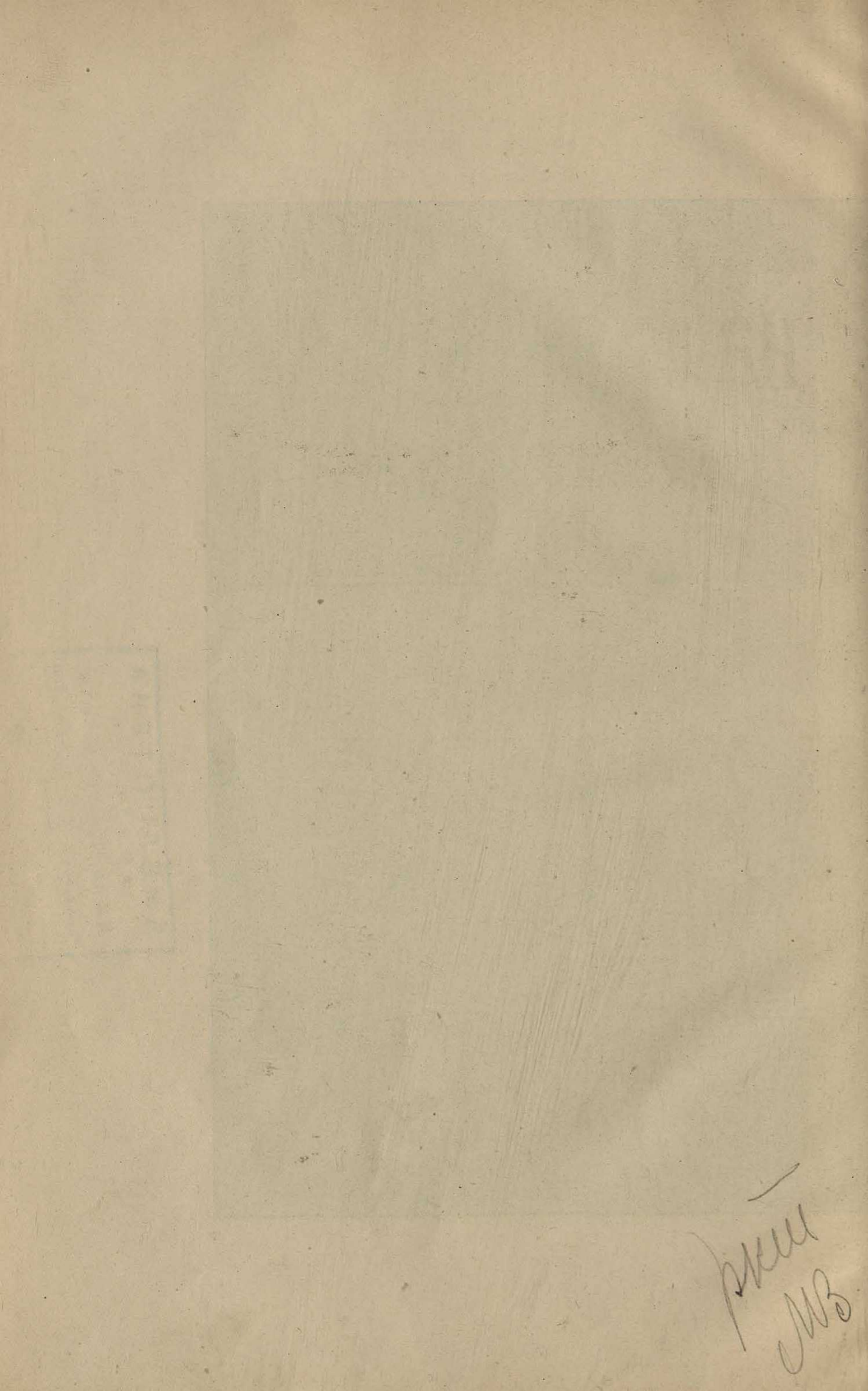
Бивуакъ на позиціи у Каприла
на Ловче-Сельвинскомъ шоссе.
1877 г. 14 августа.

[illegible] вместо [illegible] того чтобы со[illegible]
[illegible] на [illegible] военного [illegible]
[illegible] Вам бы лучше [illegible]
[illegible] по Казачьему [illegible]
[illegible] до Трояна [illegible]

[illegible] как раз [illegible]
[illegible] (Вочта) [illegible]
[illegible] что [illegible]

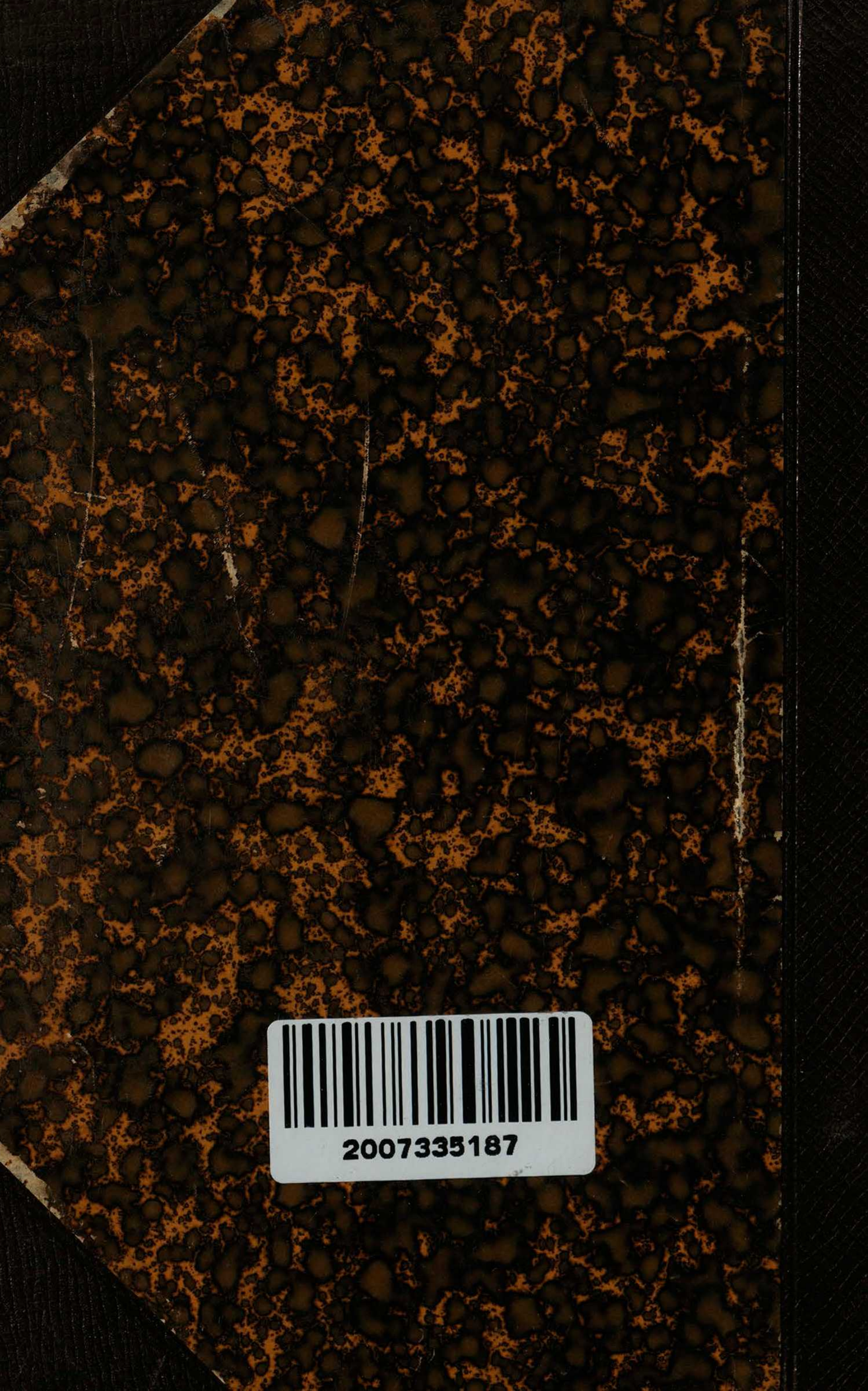
[illegible] глубокая [illegible]
[illegible] Вашей сторо-
ны [illegible] осторожно [illegible]
[illegible]
11 ч. 30 м.
[illegible] 18 14/III 71

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ
ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

CARL UNGER, Dorpat.
BUCHBINDEREI,
Liniir-Anstalt.

2007335187